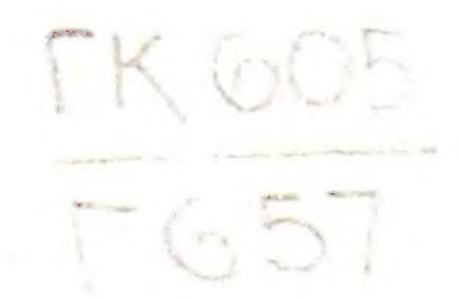

А. ГОЛУБЕВ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1918-1920 гг.

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ—1932

ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА КОМСОМОЛЬСКОГО АКТИВА
под ред. нач. Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе тов. Эйдемана и военного отдела ЦК ВЛКСМ

А. ГОЛУБЕВ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
1918—1920 гг.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1932

Сдано в производство 31/XII 1930 г. Подписано к печати 11/XI 1931 г.
Редактор Р. Эйдеман. Техредактор А. Налимов
Уполн. Главл. Б — 7471; М. Г. 504; формат 82×111 в 1/32 долю; 7 п. л.
68.500 зн. в п. л.; 11 авт. л. Д — 1. Тир. 10.30;
7-я тип. „Искра революции“ Мособлполиграфа, Москва, Арбат, Филипповский пер., 13; З. Т3. 219; IV квартал.

ОТ АВТОРА

Настоящая работа является попыткой дать в относительно связной форме изложение фактической части боевых событий гражданской войны.

Книга рассчитана в основном на комсомольский актив, поэтому автор старался излагать события возможно более популярно, не отказываясь, однако, местами и от относительной глубины освещения описываемых событий.

В фактической части книга в основном опирается на печатные труды хотя на ряду с этим в ней дан ряд новых архивных данных. Что касается толкования целого ряда крупнейших событий, то некоторые из них получают новое освещение, не сходное с существующими в нашей военной литературе (ряд моментов борьбы на южном фронте, война с панской Польшей и др.).

В методологическом отношении книга несколько отличается от существующих в нашей военной литературе. Здесь автор исходил из двух предпосылок. Рассматривая боевые события гражданской войны лишь как военную форму классовой борьбы, в основу рассматриваемых событий он брал этапы этой борьбы, характер и соотношение классовых сил на этих этапах. С этой точки зрения автором дана своя периодизация гражданской войны и применительно к ней дано изложение ее боевых событий.

В основу описания последних положен их фактический ход, планы и идеи операций изложены лишь в той степени, в какой они влияли на фактическую сторону борьбы.

Работа написана по предложению издательства «Молодая гвардия», в условиях большой спешности.

В ней много недоделанного. Но она является первой попыткой дать изложение боевых событий гражданской войны применительно к определенным периодам борьбы, определяемым соотношением классовых сил, а не военной деятельностью и идеями командующих той или иной стороны (все работы Какурина).

В изучении гражданской войны мы до сих пор очень слабо двинулись вперед. В восстановлении фактической стороны операций сделано уже многое (хотя и здесь есть работы, посвящающие сотни страниц оперативной деятельности командований и только десятки фактическому ходу событий, т. е. деятельности масс), но в области систематизации их опыта сделано еще очень мало. Систематизировать боевые события гражданской войны можно лишь на основе уже систематизированного опыта с политической и экономической точек зрения. Работ в этих двух областях мы почти не имеем. Это не могло не отразиться и на характере предлагаемой читателю работы.

В описании и систематизации опыта гражданской войны нам еще предстоит немало работы. Недостатки предлагаемой книги бесспорно будут учтены в дальнейшем.

Приложенные к работе схемы частью взяты из других работ, частью сделаны заново.

Автор

I. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР И ПРЕДПОСЫЛКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918—1920 гг.

Основные классовые силы, их характер и цели в гражданской войне

Октябрьская революция, свергнув власть буржуазии и помещиков и установив диктатуру рабочего класса в нашей стране, не привела и не могла привести к концу вооруженной борьбы. Явившись первым решительным военным и политическим успехом рабочего класса, она еще не означала полного и окончательного разгрома только что свергнутых правящих классов. Первым поражением сопротивление последних не было сломлено. Больше того, «после первого серьезного поражения,— говорит Ленин, — свергнутые эксплоататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого рая, за их семьи, которые жили так сладко и которых теперь «простонародная сволочь» осуждает на разорение и нищету или на «простой труд» (т. XV, стр. 467).

Усиление сопротивления и бешеное контрнаступление, в которое перешли разбитые в октябрьском бою эксплоататорские классы, не было беспочвенным. Буржуазия и помещики имели много шансов к тому, чтобы продолжать борьбу и стремиться к восстановлению дореволюционных отношений. Наша победа была победой в одной стране, а «если эксплоататоры разбиты в одной стране — а это конечно типичный случай, ибо

одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение, — то они остаются все же сильнее эксплоатируемых» (Ленин, т. XV, стр. 466).

Такая сила свергнутой буржуазии объясняется прежде всего тем, что во всякой революции «эксплоататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных практических преимуществ: у них остаются деньги (уничтожить деньги сразу нельзя), кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех «тайн» (обычаев, приемов, средств, возможностей) управления, остается более высокое образование, близость к технически высшему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остается неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно) и т. д. и т. п.» (Ленин, т. XV, стр. 466).

Это были так сказать собственные, внутренние силы свергнутых классов, но помимо них, они располагали еще мощными внешними и внутренними (в смысле территориальном) резервами. Наша русская буржуазия не жила изолированно. Она была частью, отдельным отрядом буржуазии международной. С последней она была связана тысячами видимых и невидимых связей. «В силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии» (Ленин) был первый мощный резерв свергнутых буржуазно-помещичьих классов России в их борьбе с Октябрьской революцией.

Второй резерв был резервом внутреннего порядка. Он заключался в силе привычки, в силе мелкого производства, в котором была занята подавляющая часть населения нашей страны, и которое «рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин, т. XVII, стр. 118).

Ясно, что, опираясь на такие силы, помещичье-буржуазная контрреволюция не могла не объявить победоносной революции самую ожесточенную, самую беспощадную борьбу.

В свою очередь и захвативший государственную власть пролетариат не мог ограничиться только первым успехом.

Государственная власть в руках пролетариата не самоцель, она только средство к достижению его конеч-

ных классовых целей. Эти цели после захвата власти тов. Ленин характеризовал так:

«Подавление сопротивления буржуазии.

«Нейтрализация» крестьянства, а по возможности, привлечение его — во всяком случае большинства его трудящейся части — на свою сторону.

Организация крупного машинного производства на экспроприированных у буржуазии фабриках и средствах производства вообще. Организация социализма на развалинах капитализма» (т. XV, стр. 448).

Достижение этих целей не могло быть осуществлено сразу. Оно требовало полного и окончательного военного, политического и экономического разгрома отечественных буржуазно-помещичьих классов, уничтожения их как классов вообще. А это не могло быть достигнуто без самой решительной, без самой ожесточенной, самой напряженной вооруженной борьбы, ибо вопросы о приходе к власти нового класса «не могут быть решены голосованием — их на деле решает гражданская война» (Ленин).

Таковы основные предпосылки и причины нашей гражданской войны.

Отсюда ясно, что основными движущими и руководящими силами в этой войне могли быть в условиях России с одной стороны победивший пролетариат, опирающийся на деревенскую бедноту, с другой — блок помещиков и крупной буржуазии, ибо только эти силы были заинтересованы в последовательном доведении борьбы до решительного конца и осуществлении поставленных в ней целей [1].

Расположенная между этими двумя основными, диаметрально противоположными классовыми силами, огромная по численности и по своему удельному весу в населении страны масса мелкой буржуазии (в первую голову крестьянства) в этой борьбе не могла играть самостоятельной роли. Мелкая буржуазия по своему экономическому положению имеет двойственный характер. «Каждый мелкий буржуа по его быту, условиям произ-

---

1 „Гражданская война в России,"—говорит тов. Ленин, — является войной рабочих и беднейших крестьян против помещиков и капиталистов" (т. XV, стр. 323).

водства, условиям его жизни, условиям его хозяйства — полутрудящийся, полуспекулянт». Как трудящийся, страдающий от эксплоатации помещика и капиталиста, он тянет в сторону рабочего класса и способен на революционную борьбу под его руководством. Как спекулянт он примыкает к буржуазии, в благоприятных условиях рождает ее и в известное время способен наравне с ней, особенно в своей верхушечной части, стремиться к эксплоатации пролетариата. Такое двойственное положение мелкой буржуазии и преобладающей ее части — крестьянства — обусловливало ее колебания в годы гражданской войны между пролетариатом и буржуазией [1].

Огромный удельный вес в нашей стране мелкобуржуазной массы населения ставил в зависимость от ее позиции, от ее перехода на ту или другую сторону самый исход гражданской войны.

Расстановка и соотношение классовых сил перед Октябрем и после Октября

Легкость, с какой в октябрьских боях рабочий класс захватил власть в свои руки, была обусловлена целым рядом исключительно благоприятных обстоятельств.

Октябрьский переворот произошел в тот момент, когда основной резерв русской буржуазии, международный капитал, будучи занят с одной стороны смертельной вооруженной схваткой между двумя своими основными группировками — империализмом англо-французским и империализмом австро-германским, а с другой — назреванием революционного кризиса на западе и востоке, вызванного продолжительной империалистической войной, — оказался не в состоянии принять немедленное и непосредственное участие в борьбе с Октябрьской революцией.

Русская буржуазия, являвшаяся всегда одним из слабых отрядов международного капитализма, таким образом в решительный момент осталась предоставленной своим силам.

---

[1] „Мелкобуржуазные элементы колеблются между старым обществом и новым. Они не могут быть ни двигателями старого общества, ни двигателями нового“ (Ленин, т. XVI, стр. 97).

Что касается ее возможного внутреннего резерва, мелкой буржуазии, то и последняя оказалась не в состоянии стать ее массовой опорой. Мелкобуржуазные, соглашательские партии (эсеры и меньшевики), тянувшие к соглашению с буржуазией, ходом всей предыдущей борьбы были дискредитированы в глазах широких народных масс.

Сами мелкобуржуазные массы населения были измучены четырехлетней империалистической войной, хотели мира и не могли пойти за крупной буржуазией, кровно связанной с союзническим капиталом и стремившейся к войне до победного конца.

Рабочее восстание в октябре совпало со смертельной борьбой крестьянства с помещиками за землю в деревне, борьбой, совершенно деморализовавшей помещичий класс как основного союзника русской буржуазии внутри страны.

Все это вместе взятое и обусловило легкость октябрьской победы рабочего класса, шедшего под испытанным руководством коммунистической партии большевиков.

Однако было бы грубейшей ошибкой предполагать, что авангард пролетариата, его большевистская партия, уже в ту пору имела подавляющее большинство трудящегося населения за собой.

Почти совпадающие по времени с октябрьским переворотом выборы в учредительное собрание дают по политическим партиям такое распределение голосов:

Партия пролетариата (большевики) . . .	9,02 млн. = 25%
Мелкобуржуазные соглашательские партии (эсеры, меньшевики и др.)	22,62 млн. = 62%
Партии помещиков и буржуазии (кадеты и др.)	4,62 млн. = 13%
Всего . . .	36,26 млн. = 100%

Таким образом свыше 60%, т. е. подавляющее большинство части населения, принимавшее участие в выборах, шло еще за мелкобуржуазными, соглашательскими партиями, только четверть (25%) — за авангардом пролетариата.

Что же в таком случае лежало в основе нашей октябрьской победы? Ленин в статье «Выборы в учредитель-

ное собрание и диктатура пролетариата» на это отвечает так:

«Имея в целом только четверть голосов, мы располагали подавляющим большинством голосов в важнейших политических и экономических центрах страны (Москва и Ленинград) и важнейших промышленных районах (губернии Петроградская, Московская, Тверская, Владимирская и др.). Мы безраздельно господствовали среди пролетариата. Конкурировавшая с нами партия меньшевиков к этому времени оказалась разбитой на-голову и собрала всего около 2 процентов голосов. Мы имели около половины голосов, поданных в армии, при чем опять-таки располагали подавляющим большинством на фронтах, ближайших к столицам (Северный, Западный, Балтийский флот). Это определило в решающий момент в решающих пунктах (столицы и ближайшие к ним фронты) наш подавляющий над противниками перевес в силах и дало нам победу в Октябре.

«Но эти условия, — говорит тов. Ленин, — могли бы дать лишь самую кратковременную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство непролетарских трудящихся масс, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных соглашательских партий» (т. XVI, стр. 447).

Подавляющая масса мелкой буржуазии — крестьянство — непосредственно перед переворотом и во время его шла не за партией пролетариата, а за эсерами. В чисто крестьянских районах (Поволжско-Черноземная область, Сибирь, Восточно-Уральск. обл., Украина и др.) эсеры располагали 62—77% голосов против 10—16%, поданных за большевиков. То же на фронтах, удаленных от центров.

При таком соотношении сил в наступившей гражданской войне пролетариат неизбежно был бы разгромлен в кратчайший срок, однако захваченная пролетариатом государственная власть является «орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и мелкобуржуазных партий» (Ленин).

Не имея за собой подавляющей массы населения перед переворотом, пролетариат получил ее поддержку в

первые же недели после переворота. Первые же революционные мероприятия через захваченную государственную власть (передача власти на местах непосредственно в руки трудящихся, выход из империалистической войны, конфискация помещичьих земель и передача их крестьянам и т. п.) передали на сторону пролетариата подавляющее большинство крестьян.

«Именно так, — пишет Ленин, — российский пролетариат отвоевал крестьянство у эсеров и отвоевал в сущности через несколько часов после завоевания пролетариатом государственной власти, осуществив все насущнейшие экономические нужды большинства крестьян...» (т. XVI, стр. 449).

Это дало совершенно новое соотношение классовых сил в стране. Это обусловило победоносный ход революции от центров в глубь страны, к окраинам в первые месяцы после переворота. Это определило беспочвенность контрреволюции в самые критические для новой власти дни, когда она еще только осваивалась с новым положением, не имела за собой прочной вооруженной силы. В этот период против революции выступают лишь немногочисленные помещичье-буржуазные военные кадры, легко ликвидируемые силой революционных масс. Это вырвало из-под власти буржуазии и соглашателей старую многомиллионную армию, стихийно потянувшуюся против воли офицерства по домам.

Могло ли однако такое исключительно благоприятное для революции соотношение классовых сил остаться неизменным и тем самым определить невозможность массовой, напряженной гражданской войны, какой она стала впоследствии? На это Ленин отвечал отрицательно.

«Пролетариат, — писал он, — может завоевать государственную власть, осуществить советский строй, удовлетворить экономически большинство трудящихся за счет эксплоататоров.

Достаточно ли это для полной окончательной победы? — Нет.

Капитализм не был бы капитализмом, если бы с одной стороны не осуждал массы на состояние забитости, задавленности, запуганности, распыленности (деревня), темноты, если бы он (капитализм) с другой стороны не давал буржуазии в руки гигантского аппарата лжи и об-

мана, массового надувания рабочих и крестьян, отупления их и т. д.

Поэтому вывести трудящихся от капитализма к коммунизму способен только пролетариат.

О решении наперед со стороны мелкобуржуазной и полумелкобуржуазной массы трудящихся сложнейшего исторического вопроса: быть вместе с рабочим классом или с буржуазией, нечего и думать. Неизбежны колебания непролетарских трудящихся слоев, неизбежен их собственный практический опыт, позволяющий сравнить руководство буржуазии и руководство пролетариата.

Вот это обстоятельство и упускают постоянно из виду поклонники «последовательной демократии», воображающие, что серьезнейшие политические вопросы могут быть решены голосованием. На деле эти вопросы, если они остры и обострены борьбой, решает гражданская война, а в этой войне гигантское значение имеет опыт непролетарских трудящихся масс (крестьян в первую голову), опыт сравнения, сопоставления ими власти пролетариата с властью буржуазии» (т. XVI, стр. 451—452) [1].

---

[1] Инициатива гражданской войны после захвата власти пролетариатом принадлежала не ему. После первой победы в Октябре, откупившись тяжелой ценой Брестского мира от германского империализма, победивший пролетариат сделал попытку перейти на мирное строительство. „Государственная власть — пролетариат, — говорил впоследствии об этом периоде тов. Ленин, — сделала попытку осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки.

...Буржуазия отвечала нам тогда правильной", с точки зрения ее интересов, стратегией. Сначала мы поборемся из-за коренного вопроса, есть ли вы вообще государственная власть или вам это только кажется, а этот вопрос решится конечно уже не декретами, а войной, насилием, и это, вероятно, будет война не только нас, капиталистов, изгнанных из России, а всех тех, которые в капиталистическом строе заинтересованы. И если окажется, что остальной мир заинтересован достаточно, то нас, русских капиталистов, поддержит международная буржуазия". Поступая так, буржуазия с точки зрения отстаивания своих интересов поступила правильно. Она не могла, имея хотя каплю надежды на решение коренного вопроса самым сильнодействующим средством, войной, — она и не могла, да и не должна была согласиться на те частичные уступки, которые ей давала советская власть в интересах более постепенного перехода к новому порядку" (т. XXVII, стр. 64).

О роли внутренней контрреволюции и международного империализма в гражданской войне

Таким образом гражданская война в России после захвата в ней власти пролетариатом была исторической неизбежностью. Ее возникновение обусловливалось не какими-либо ошибками захватившего власть авангарда пролетариата, а всем ходом предыдущего развития классов дореволюционной России, их характером и конкретным соотношением классовых сил в революционный период. Она вытекала из того, что свергнутые эксплоататорские классы не хотели и не могли помириться с захватом власти пролетариатом, с установлением новых общественных отношений.

Сочувствие и поддержка революции в первые дни после Октября подавляющей массой крестьянства обеспечили быстрое распространение Октябрьской революции по всей территории России и быстрый первоначальный разгром буржуазно-помещичьих организаций.

Последовавшие затем колебания в настроениях этих масс послужили объективной опорой для организации контрреволюционных, помещичье-буржуазных сил и, на ряду с помощью последним со стороны иностранной буржуазии, обусловили грандиозный размах, упорный и напряженный характер всей гражданской войны. Значение этих колебаний далеко не ограничивалось тем, что они «в некоторых районах (Поволжье, Сибирь) поднимали к власти эсеров и меньшевиков, а иногда и способствовали продвижению белогвардейцев в глубь территории РСФСР», как думают некоторые.

Колебания крестьянства определяли самую возможность контрреволюционных движений, наши победы и поражения, а следовательно и основные этапы гражданской войны.

«Именно эти колебания крестьянства как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся,— писал тов. Ленин, — решали судьбу советской власти и власти Колчака — Деникина» (т. XVI, стр 458).

Однако силы, представленные в нашей гражданской войне, не ограничивались только перечисленными внутренними классами России. Первостепенную организую-

щую и вдохновляющую роль в ней играл международный капитал. Положение русской буржуазии перед революцией было характерно не только тесной связью, но и тесной зависимостью ее от буржуазии первоклассных капиталистических стран. Эта зависимость возросла во много раз после разгрома русской буржуазии в октябрьских боях. Думать о серьезной борьбе с революцией она могла лишь при мощной поддержке из-за границы. В свою очередь и иностранный капитал был не только тесно связан с русской буржуазией, но и непосредственно располагал на территории России рядом крупнейших предприятий. Победа революции наносила ему непосредственный ущерб, не говоря уже об ее революционизирующем влиянии на западно-европейский пролетариат. Все это вело неизбежно к его активному вмешательству в гражданскую войну. Все основные контрреволюционные силы, действовавшие в гражданской войне, в конечном итоге оказывались ставленниками иностранной буржуазии, работали на ее средства и выполняли ее волю. Но этим участие важнейших капиталистических стран в нашей гражданской войне не ограничивалось.

Мировая буржуазия использовывала не только эти силы. Она первоначально пыталась задушить нашу революцию собственными армиями, а затем вооруженными силами пограничных с нами государств.

Вооруженное вмешательство мировой буржуазии в развитии гражданской войны сыграло огромную роль.

Отечественные помещичье-буржуазные организации оказались выбитыми из своих баз (центральные районы) и разгромленными на-голову на первом же этапе революции. Предоставленные самим себе они уже после этого этапа борьбы не были способны серьезно противостоять революции.

Массовые колебания крестьянства, объективно определявшие судьбы советской власти, сами по себе не были направлены на уничтожение революции. Они возникали как результат тех или иных трудностей, которые переживала революция, и тех тягот, которые она на этих этапах возлагала на крестьянство. Помещичье-буржуазная контрреволюция, не только не имевшая корней внутри крестьянства, но и враждебная ему,

с нарушенными организационными связями, разбросанная по пространству огромной страны, не была способна возглавить и организовать недовольство крестьянства. Мелкобуржуазная контрреволюция, на первых порах пытавшаяся самостоятельно использовать крестьянские колебания и играть самостоятельную роль в борьбе с советами, не выходила за пределы местных территориальных успехов и по своей сущности не была способна к организации всероссийских фронтов. Ее успехи, основанные на временном отходе крестьянских масс от революции, всюду оказывались весьма непрочными и кратковременными, если она не получала помощи от иностранных штыков.

«Советскую власть, — говорил тов. Ленин, — удавалось побеждать только тогда, когда люди, кричавшие так много о защите отечества и о своем патриотизме, показывали свою капиталистическую натуру, и стали заключать сделки сегодня с немецкими штыками, чтобы вместе с ними резать украинских большевиков, завтра — с турецкими штыками, чтобы наступать на большевиков, послезавтра — с чехо-словацкими штыками, чтобы свергнуть советскую власть и резать большевиков в Самаре.

Только иноземная помощь, только помощь иностранных штыков, только продажа России штыкам японским, немецким, турецким, только она давала до сих пор хоть тень успеха соглашателям, капиталистам и помещикам. Но мы знаем, что когда восстание подобного рода, на почве голода и отчаяния масс, подымалось, когда охватывало местность, где иностранные штыки нельзя было вызвать на помощь, как это было в Саратове, в Козлове, Тамбове, власть помещиков, капиталистов и их друзей, прикрывавшихся прекрасными лозунгами учредительного собрания, эта власть измеряла продолжительность своего существования днями, если не часами. Чем дальше были отряды советских войск от того центра, которым временно овладела контрреволюция, тем решительнее было движение среди городских рабочих, тем больше самостоятельности проявляли эти рабочие и крестьяне в том, чтобы итти на помощь Саратову, Пензе, Козлову и

свергать немедленно установившуюся власть контрреволюции» (т. XV, стр. 311—312).

Иностранные отряды таким образом оказывались силой, которая помогала контрреволюции разгромить местные революционные элементы, прикрывала ее от других советских районов и советских правительственных отрядов.

Пока она собирала и организовывала свои силы и подавляла сопротивление рабочих и беднейших крестьян, иностранные отряды, как правило, оказывались тем остовом, вокруг которого оформлялись внутренние контрреволюционные вооруженные фронты.

Без непосредственного вооруженного вмешательства иностранной буржуазии наша гражданская война никогда бы не превратилась в массовые организованные вооруженные фронты.

Основные этапы гражданской войны

Гражданская война 1917—1921 гг., являясь в конечном счете единым процессом борьбы внутренней контрреволюции и мирового империализма против советских республик и мировой революции, в своем развитии прошла через ряд отличных друг от друга этапов как по содержанию, так и особенно по формам вооруженной борьбы. Определение этих этапов имеет существенное значение для понимания гражданской войны, ибо определить правильно этапы гражданской войны — значит правильно вскрыть основные закономерности, лежащие в ее основе.

Что должно лежать в основе определения различных периодов гражданской войны?

Характеризуя особенности гражданской войны, тов. Ленин писал так: «Революционная война отличается от других войн тем, что она черпает свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага, вчерашних союзников царизма, или людей, слепо шедших за царизмом» (т. VI, стр. 504).

В другом месте, развивая эту же мысль, он говорил:

«Гражданская война отличается от обыкновенной войны неизмеримо большей сложностью и неопределимостью состава борющихся — **в силу переходов из**

одного лагеря в другой... в силу невозможности провести грань между комбатантами и «некомбатантами», т. е. между числящимися в рядах воюющих и нечислящимися» (т. VI, стр. 231).

Такая характеристика гражданской войны говорит о том, что расстановка классовых сил накануне гражданской войны не остается одной и той же на всем протяжении этой войны. Соотношение борющихся классовых сил в процессе войны не раз меняется. Так было и в нашей гражданской войне. Основные враждебные в ней силы — пролетариат и деревенская беднота с одной стороны, помещики и буржуазия с другой — были одними и теми же от начала до конца. Но колебавшиеся многочисленные мелкобуржуазные слои населения (крестьянство в деревне, мелкая буржуазия в городе), влияли на перевес той или другой стороны.

Эти колебания, носившие массовый характер, и были одним из моментов, определяющих собой различные этапы гражданской войны .

Вторым решающим моментом в этой области было участие в нашей войне международного империализма. Международный империализм был активным участником и организатором гражданской войны на всем ее протяжении от начала до конца. Но это участие в различные периоды войны облекалось в различные формы. Международная буржуазия то пыталась раздавить нас непосредственно вооруженным нашествием своих армий, то ставила основную ставку на внутреннюю контрреволюцию, организуя и питая фронты Колчака, Деникина, Юденича и других, то бросала против нас армии пограничных с нами стран, то поразному сочетала все эти формы борьбы на различных этапах. Отсюда — наша гражданская война являлась в конечном счете войной не только против русской буржуазии и помещиков, но и войной против мирового империализма. На различных этапах вражеские силы опирались на различные соотношения внутренних и международных классовых сил. Естественно, что различный характер врагов определял различный размах и формы нашей вооруженной борьбы с ними.

Таким образом изменение соотношения классовых сил внутри и вне страны, вот та основа, которая должна быть положена в определение различных **этапов гражданской войны.**

С **этой точки зрения важнейшими этапами нашей гражданской войны можно считать:**

I этап — **от Октября до Бреста** (Октябрь 1917 — февраль 1918) — Борьба внутри страны с кадрами буржуазно-помещичьей контрреволюции, при невозможности непосредственного вмешательства иностранного империализма и при поддержке революции всем крестьянством.

II этап — **от Бреста до германской революции** (февраль—ноябрь 1918 г.). Столкновение революции с германским, а затем англо-французским империализмом (оккупация Украины, Прибалтики и Белоруссии германскими войсками, Севера и Дальнего Востока англо-французскими и японскими отрядами); **полоса массовых колебаний мелкой буржуазии по всей стране** (авантюра левых эсеров, колебания крестьянства в Поволжье, на Урале, в Сибири, образование на этой почве эсеровско-меньшевистских правительств). Собирание и организация под этим прикрытием разбитых на первом этапе помещичье-буржуазных контрреволюционных кадров. В военном отношении этот период характеризуется рядом тяжелых поражений советской власти и оформлением основных контрреволюционных вооруженных фронтов (Северный, Восточный, Южный).

III этап — **от германской революции до начала наступления Колчака** (ноябрь 1918 г. — март 1919 г.) Основное содержание этого периода составляют: крах непосредственной вооруженной интервенции мирового (вначале германского, а затем и англо-французского) империализма; крах мелкобуржуазной контрреволюции и перерастание ее в помещичье-буржуазную контрреволюцию внутри страны, замена демократических правительств диктатурами (на Востоке — Колчака, на Севере — генерала Миллера, на юге — ген. Деникина); **массовые сдвиги на этой почве в сторону революции в среде мелкой буржуазии в период ярких успехов Красной армии на всех фронтах.**

IV этап — **кризисы и разгром основных внутренних фронтов** — (Колчак, Деникин, Юденич).

Полоса часных (территориальных) колебаний мелкой буржуазии (вначале крестьянство Поволожья и Приуралья, затем казачество и крестьянство Юго-востока и Украины) и ее окончательный отход от помещичье-буржуазной контрреволюции. В военном отношении этот период дает наибольший размах вооруженной борьбы. Итог периода — вооруженный разгром внутренней контрреволюции.

V этап — 1920 г. **Перерастание внутренней гражданской войны в войну «непосредственно» против Антанты.**

Война с панской Польшей и разгром остатков (военных кадров) внутренней контрреволюции (Врангеля). Выход советских республик «из первой полосы войн» (Ленин).

VI этап — 1921 г. **Борьба с бандитизмом**[1]. Массовый политический бандитизм на Украине, Сев. Кавказе, Тамбовщине, в Сибири, Кронштадтское восстание и т. п.

Территориальные очаги революции и контрреволюции в гражданской войне

Гражданская война 1918—1921 гг. охватила почти всю территорию бывшей Российской империи.

В ходе ее на этой территории резко выделились районы, явившиеся опорой революции, и участки, служившие базой для возникновения различных контрреволюционных движений. Территориальной базой революционных сил в основном явились те районы, в которых сосредоточение «ударного» политического и военного кулака еще в Октябрьские дни решило победу в пользу рабочего класса. Такими районами были Ленинград и Москва с прилегающими к ним промышленными областями (Иваново-Вознесенск, Нижний и др.).

Решающая роль принадлежала центральным районам. Ленинград, удаленный территориально от центра страны и ходом событий изолированный от прилегавших к нему некогда революционных округов (Прибал-

[1] Этого периода в нашей работе мы не касаемся, ограничиваясь рассмотрением в основном больших фронтов гражданской войны.

тика, Финляндия), оказался мощным форпостом революции, выдвинутым на северо-запад, принявшим на себя всю тяжесть борьбы в этом крае и питавшим своими бойцами самые различные участки гражданской войны. Центральные же губернии с центром в Москве оказались той основной силой, которая выдержала и разбила о себя весь натиск контрреволюционных вооруженных сил. Эта решающая роль в гражданской войне районов, расположенных вокруг Москвы, была обусловлена целым рядом обстоятельств. Из них на первом месте следует поставить само внутреннее состояние этих областей. Здесь было сосредоточено подавляющее большинство рабочего класса, собранного в крупных предприятиях, имеющего за собой десятки лет опыта революционной борьбы. В этих районах были наиболее острыми и непримиримыми противоречия между крестьянством и помещиками. Имея на своей территории мощно развитую, передовую промышленность, эти районы сочетали ее с наиболее отсталыми формами помещичьих землевладений и наиболее свирепой эксплоатацией крестьянства. В то время как в южных и юго-западных районах был силен переход помещичьих землевладений на капиталистические формы хозяйства, здесь наибольшее распространение имели помещичьи хозяйства крепостнического типа. Слабая капитализация сельского хозяйства обусловила здесь слабость кулацкого слоя деревни, и определила особую остроту перед революцией борьбы всей деревни против помещика. Волна крестьянских восстаний и разгромов помещичьих имений в 1917 г. нигде не была так высока, как именно в Московской промышленной области и в прилегающей к ней центрально-черноземной полосе. Этот коренной, а не пришлый характер самого рабочего класса с самого начала обусловил его большее, чем в других местах, влияние среди крестьянства.

Наибольший процент крестьянских голосов на выборах в учредительное собрание большевики получили в деревне Московской области и центрально-черноземной полосы. Эти районы в годы перед революцией не знали национальных и религиозных противоречий. Это в свою очередь содействовало сплочению их населения и в годы гражданской войны. Слабость кулачества в деревне

и отсутствие серьезных связей городской буржуазии с крестьянством «лишили» здесь пролетариат серьезных конкурентов на руководство деревней в революции.

Политически и экономически центральным районам принадлежала перед революцией главенствующая роль. Захват их пролетариатом разъединял его противников, а наличие мощной промышленности, в том числе и военной (напр. Тула), создавало для него прочную материальную базу для ведения вооруженной борьбы.

Крайне выгодным оказывалось положение этих районов и в географическом отношении. Их значительное удаление от границ обусловило невозможность скорого появления здесь вооруженных отрядов иностранной буржуазии, в то время как явный перевес революционных сил быстро ликвидировал всякие попытки к организации местных сил контрреволюции. Срединное положение этих районов по отношению к территориям, занимаемым контрреволюцией, ставило силы революции в более выгодное положение в борьбе с белыми армиями, давая возможность сосредоточивать подавляющие силы то на одном, то на другом участке (действия по внутренним операционным линиям). Этому содействовало и то обстоятельство, что здесь же сходились все основные железнодорожные, водные и грунтовые пути страны.

Слабой стороной территориальной базы пролетарской революции в гражданской войне явилась ее зависимость от окраин в продовольственном и сырьевом отношениях. Это подвергло рабочий класс и крестьянство этих областей тяжелым испытаниям. Однако многочисленность крестьянских хозяйств, периодически освобождаемые от контрреволюции то один, то другой богатые продовольствием районы при условии твердого руководства партии дали возможность рабочим и крестьянам пережить наиболее критические месяцы. На ряду с этим этот момент стимулировал в глазах масс наступательный характер военных действий в сторону контрреволюционных окраин (за хлебом, хлопком, углем, нефтью).

В территориальном отношении силы контрреволюции находились в менее выгодных условиях. Основным непосредственным нашим противником в гражданской

войне был русский помещичье-буржуазный блок, поддерживаемый иностранной буржуазией. Своей собственной территориальной базы этот блок не имел. В дореволюционное время его очагами, местами его важнейших организаций были те же столичные центры, что и у пролетариата. Захват последним этих центров разбил организованность буржуазно-помещичьих кадров, в значительной степени лишил их непосредственной материальной базы и выбросил на окраины, порой в мало знакомую обстановку. Это повело к тому, что территориальными очагами наиболее мощных контрреволюционных движений оказались не районы, где был наибольший сгусток помещичьих имений и промышленных предприятий, а преимущественно зажиточные крестьянские районы, где были слабее противоречия крестьянства с помещиками, слабо влияние промышленной буржуазии, сильно влияние кулачества, более развиты национальные и сословные противоречия и ничтожно влияние пролетариата. Такими районами в основном явились Украина, Дон, Северный Кавказ, Сибирь, частично Поволжье. Однако эти районы уже с самого начала таили в себе глубочайшие противоречия с помещичье-буржуазной контрреволюцией. Она, будучи в отношении их пришлой, в то же время носила всероссийский характер, была заинтерсована в захвате центров России (поход на Москву). Контрреволюция же этих районов носила, как правило, местный, мелкобуржуазный, кулацкий характер, осложняемый национальными (Украина) или сословными моментами (казачьи области).

Эта контрреволюция была заинтересована в сохранении своих привилегий на месте. Не будучи заинтересованной в походе в центр России, она в то же время оказывалась остро враждебной помещичьим землевладениям у себя на дому. Все это делало лагерь контрреволюции в целом противоречивым, не способным итти на борьбу с советской властью от начала до конца под единым знаменем.

Географически возможные очаги контрреволюции окружили революционные районы, но это могло дать выгоды лишь при условии согласованных действий различных контрреволюционных сил. Последнего не было

как из-за огромного пространства, разделявшего различные очаги, так и из-за противоречивости самого социального характера контрреволюционных сил.

Положительной стороной территориального размещения очагов контрреволюции была их близость к границе. Это облегчало как помощь им со стороны международной буржуазии, так и подчинение местной, мелкобуржуазной контрреволюции — контрореволюции помещичье-буржуазной, всероссийской: Колчак и самарская учредилка, Деникин и казачья государственность и т. п. С другой стороны эти районы, будучи в сельскохозяйственном отношении производящими, имели хорошую сырьевую базу и облегчали содержание в них контрреволюционных вооруженных сил.

По характеру поверхности охваченные боевыми операциями районы оказались самыми разнообразными (степи, лесные пространства, горы, болота, пустыни и т. п.). Это обусловило разнообразие форм и методов вооруженной борьбы.

Боевые действия развернулись во всех теперешних частях Советского союза, но все решительные события, все основные фронты выросли и ликвидировались на территории его европейской части.

Таким образом европейская часть СССР для обеих сторон играла решающую роль.

II. ОТ ОКТЯБРЯ ДО БРЕСТА

Обстановка первых недель после октябрьского переворота по основному соотношению сил складывалась в целом благоприятно для революции. Наличие на ее стороне всего целиком рабочего класса и переход в результате революционных государственных мероприятий советской власти (передача власти на местах местным советам, выход из войны, конфискация помещичьих земель с передачей их крестьянам и т. п.) на сторону революции основных слоев крестьянства обусловили беспечвенность сопротивления контрреволюционных сил. В течение нескольких недель власть перешла в руки советов на всей территории России, встретив серьезное сопротивление лишь в казачьих областях Юго-востока и на Украине. Территории последних с первых же дней Октябрьской революции стали пунктами притяжения самых различных контрреволюционных сил.

Организация этих сил здесь началась еще до переворота. По мере того, как пролетариат накапливал перевес сил в столичных центрах, буржуазно-помещичьи круги все большее внимание и надежды сосредоточивали на казачьих областях. Это внимание особенно усилилось после корниловского мятежа, когда значительная часть его активных участников бежала и укрылась на Дону. Еще при Временном правительстве в противовес революционным центрам здесь возникло стремление превратить казачьи области в самостоятельные государственные образования, подобно теперешним лимитрофам, объединив их в «Юго-восточный казачий союз» (Дон, Кубань и Терек).

Образовавшаяся в центре после переворота советская власть не была признана ни одной из этих областей, и местным революционным элементам пришлось вступить в упорную борьбу за ее утверждение на своих территориях. В то время как перевес в борьбе на Кубани и Тереке благодаря ряду благоприятствующих обстоятельств (в частности наличию революционных частей старой армии) постоянно клонился на сторону советов, на Дону восторжествовали контрреволюционные элементы. Казачьи верхи, под руководством первого «выборного» атамана, ген. Каледина, опираясь на кулачество в станицах и некоторые сохранившие контрреволюционый дух казачьи части в городах, сумели не только подавить революционное движение в промышленных центрах Дона (Ростов, Таганрог, Сулин и др.), но и предприняли ряд карательных экспедиций в соседний Донбасс. Донская контрреволюция не ограничивалась местным успехом. С первых дней Октябрьской революции на Дону — вначале под руководством генерала Алексеева, а затем под руководством генералов Корнилова и Деникина, бежавших из Быховской тюрьмы — начала формироваться из стекавшихся сюда юнкеров и офицеров Добровольческая армия, ставившая себе задачей борьбу с революцией во всероссийском масштабе. В создании Добровольческой армии самое деятельное участие принимали торгово-промышленные организации, существовавшие в центрах России. Было ясно, что Дон становился плацдармом, откуда подготовляется карательный поход против революционных рабочих и крестьян.

Контрреволюционные силы на Украине носили иной характер. Как и на Дону, их организация началась еще до октябрьского переворота. В основном — это были националистические украинские формирования, опиравшиеся на шовинистически настроенные кулацкие круги юго-западных районов Украины, мелкую буржуазию и мелкобуржуазную интеллигенцию непромышленных городов. После октябрьского переворота в Москве и Ленинграде существовавшая на Украине Центральная рада, возглавляемая украинскими меньшевиками и эсерами, провозгласила себя центральной украинской властью и, опираясь на указанные выше формирования

и некоторые украинизированные части старой армии, вступила в вооруженную борьбу с советской революцией.

Украинская контрреволюция не находилась в официальном союзе с Доном, но сразу же проявила себя как его союзница, разоружая революционные части старой армии и свободно пропуская на Дон казачьи эшелоны и офицерские отряды. Как на Украине, так и на Дону обстановка требовала скорейшей ликвидации всех контрреволюционных сил, пока они еще не организовались окончательно и не получили мощной поддержки в виде иностранной интервенции.

По решению советского правительства вооруженному разгрому подлежали в первую очередь силы белого Дона.

Руководство ведением боевых операций было поручено тов. Антонову-Овсеенко, назначенному главнокомандующим всеми силами, действующими против южной контрреволюции.

В декабре началось сосредоточение красных сил.

Эти силы образовались из нескольких отрядов (колонн), состоявших из частей старой армии и красногвардейских отрядов, общей численностью 6 000—7 000 штыков (пехоты), 30-40 орудий и нескольких десятков пулеметов.

Начав движение во второй половине декабря 1917 г., эти силы к 7 января заняли Донецкий бассейн, выставив заслоны против Украины по линии Ворожба, Люботин, Павлоград, Синельниково.

На помощь им с севера вдоль юго-восточной железной дороги двигалась сформированная в Воронеже колонна Петрова, силою около 3 000 шт., 40 пулеметов и 12 орудий.

Главные силы генерала Каледина, состоявшие к тому времени частью из старых казачьих полков, частью из белых добровольческих партизанских отрядов, численно не уступали красным войскам, располагались в районе Миллерово, Каменская и Лихая, прикрывая подступы к Ростову и Новочеркасску с запада и севера.

Советское командование предполагало уничтожить силы Каледина ударом с двух направлений: а) с запада со стороны Луганска на ст. Лихую должна была насту-

пать колонна тов. Саблина (около 2 000 штыков, 4 орудия и 8 пулеметов), южнее ее на ст. Зверево двигалась колонна тов. Сиверса (около 1 200 шт., 14 пулеметов, 6 орудий); б) с севера от ст. Миллерово должна была наступать колонна Петрова (3 000 пехоты, 40 пулеметов, 12 орудий).

Однако этот правильно намеченный план выполнен не был. Колонна Сиверса вместо ст. Зверево двинулась на юг. У ст. Иловайской два ее полка, выделенные из старой армии, отказались повиноваться и были разоружены.

Это ослабило и задержало ее движение. Колонна Петрова севернее Миллерова, у ст. Чертково, вместо боя завязала переговоры с казачьими частями. Колонна Саблина, которая должна была нанести главный удар Каледину на ст. Лихой, оказалась слабой для этой цели и, не поддержанная другими отрядами, была сама потеснена у ст. Дебальцево перешедшими в наступление отрядами белых.

Указанные события задержали, но не предотвратили разгром Каледина. Силы Каледина быстро разлагались изнутри. Казачество не изъявляло желания драться против советской власти, а одни добровольческие отряды были для этого слишком слабы. В станице Каменской некоторыми казачьими частями был образован донской военно-революционный комитет и сформировался «Северный казачий отряд» (Голубева), присоединившийся к советским войскам.

При помощи других казачьих частей этот отряд захватил станции Лихую и Зверево. Пользуясь этим, ревком начал было переговоры с Калединым, но тем временем белый партизанский отряд Чернецова захватил обратно Лихую и Зверево, прервал переговоры и заставил весь ревком перебраться из Каменской в Миллерово.

Эти события заняли весь январь. 3 февраля колонна Сиверса, переформировавшись и усилившись прибывшим из центра бронепоездом, возобновила наступление. 8 февраля, преодолевая упорное сопротивление добровольческих частей генерала Корнилова, сменивших здесь отказавшихся воевать казаков, она совместно с восставшими рабочими Таганрога заняла этот город.

В это же время белые части, нанеся удар колонне Саблина, дошедшей было до Лихой, возобновили преследование частей донревкома на север, заняли станции Каменскую и Глубокую, но здесь совместными усилиями войск донревкома и подошедшей колонной Петрова были разгромлены и рассеялись.

Колонна Саблина, усилившись подошедшими отрядами моряков и красногвардейцев, вновь перешла в наступление и 8 февраля овладела станциями Зверево и Лихая.

Положение донской контрреволюции стало критическим. С востока на ст. Чир против нее выдвинулись отряды революционных рабочих Царицына (Сталинграда), с юга на ст. Тихорецкой сосредоточивались части советско настроенной 39-й пехотной дивизии старой армии, возвращавшейся с кавказского фронта мировой войны и готовившейся теперь нанести удар Каледину в тыл у Батайска.

В такой обстановке сопротивление калединцев быстро падало. Прибывшие с фронта мировой войны казачьи части отказывались драться и расходились по домам, организуя по станицам советскую власть. 16 февраля колонна Саблина подошла к окрестностям Новочеркасска. Атаман Каледин, видя бесполезность борьбы, застрелился. 25 февраля эта колонна совместно с казачьей бригадой донского ревкома заняла Новочеркасск. 23 февраля отряд Сиверса занял Ростов, части 39-й пехотной дивизии — Батайск. С донской контрреволюцией первого периода таким образом было покончено. Добровольческая армия генерала Корнилова и Деникина (3 000 — 4 000 чел.) из Ростова, ускользая от окружения, двинулась на Кубань, думая там найти поддержку в казачестве. Между тем на Кубани белое казачье (кубанское) правительство в свою очередь к этому времени было выбито революционными частями из Екатеринодара (Краснодара) и вместе со своими немногочисленными отрядами бежало в горы. При уходе Добровольческой армии с Дона на Кубань от нее откололись все донские партизанские части (около 1 500 человек) и под руководством генерала Попова и Сидорина ушли в малолюдные Сальские степи (восток Дона).

Боевые действия на Украине, на Урале и в Сибири

В то время как на Дону шла борьба с донской контрреволюцией, на Украине развернулись боевые действия советских отрядов против правительства Украинской рады. Появление советских отрядов на территории Украины дало мощный толчок ее внутренним революционным силам. 8 января восставшие рабочие захватили власть в Екатеринославе. 12 января то же произошло в Мариуполе. Через несколько дней красногвардейцы утвердили советскую власть в Александровске (Запорожье). 18 января произошло успешное восстание в Одессе. Еще раньше весь Харьковский район перешел в руки советской власти.

Территории, занятой сторонниками Центральной рады (район Киева), с запада (у Жмеринки) угрожали большевистски настроенные остатки старой армии (2-й гвардейский корпус). С севера на нее через Гомель и Бахмач двигались отряды тт. Берзина и Вацетиса (всего — 3 000 солдат, 400 матросов, 12 орудий).

Попытки Украинской рады завязать сношение с немцами заставили советское командование еще более ускорить операции против украинской контрреволюции. Главный удар было решено нанести со стороны Харькова через Полтаву на Киев частями, собранными здесь под командованием бывшего полковника, левого эсера Муравьева. Этим частям должны были содействовать другие отряды, наступающие на Киев с разных сторон. Наступление революционных частей развивалось быстро и успешно. 28 января это наступление восстанием изнутри пытались поддержать рабочие Киевского арсенала и остатки некоторых воинских частей, расположенных в Киеве. Однако восстание началось преждевременно и до подхода красных войск было подавлено войсками рады. Только 9 февраля части Муравьева с боем захватили Киев и начали преследование остатков украинских войск, уходивших на Житомир. 12 февраля военных сил рады фактически уже не существовало. Наступавшие на Киев с разных сторон красные отряды объединились под командованием Муравьева.

Так без больших усилий был ликвидирован второй очаг внутренней контрреволюции — украинский.

Почти одновременно по соседству с украинской контрреволюцией развернулась борьба революционных частей с 1-м польским корпусом генерала Довбор-Мусницкого. Этот корпус начал формирование при Временном правительстве из уроженцев Польши для борьбы с немцами. Однако особый подбор солдат и офицеров еще до переворота давал возможность буржуазии рассчитывать на использование корпуса в контрреволюционных целях. Связь корпуса с донской контрреволюцией, отказ от проведения внутри частей начал демократизации и наконец целый ряд случаев вмешательства его частей в местную революционную борьбу на стороне помещиков заставили советское командование поставить вопрос о разоружении этого корпуса. В ответ на это последовало открытое восстание корпуса. Одна из дивизий корпуса заняла г. Рогачев, другая обложила ст. Жлобин, пытаясь перервать связь западного фронта с Украиной. Стянутые с разных направлений революционные части (латышские полки, 19-й сибирский полк, отряды моряков и красной гвардии) в боях 7-8 февраля под Рогачевым и Жлобиным нанесли поражение обеим дивизиям корпуса, вынудив их отступить на Бобруйск. Начавшееся через несколько дней после этого наступление немцев спасло корпус от окончательного уничтожения. Впоследствии этот корпус был разоружен немцами как сила, находившаяся в руках англо-французского империализма.

Политическая обстановка на Урале с первых же дней после Октября оказалась тревожной. Советская власть не располагала здесь прочными центрами. Пролетариат уральских заводов, имевший полукрестьянский характер, не проявлял большой политической устойчивости. Появление вскоре после Октября здесь военно-продовольственных отрядов из центра вызвало крупное волнение крестьянства (Уфимская губ.), захватившее и часть рабочих. Сильно сказывалось здесь и волнение соседних казачьих — Оренбургского и Уральского — районов. Казачьему атаману Дутову почти тотчас же после Октября удалось поднять восстание в южных районах Оренбургской области, где особенно было сильно влияние кулачества, слабы противоречия с помещиками и совсем отсутствовал рабочий класс. В начале

декабря 1917 г. восставшие захватили г. Оренбург. Это вызвало приток сюда красных сил из центра и наиболее стойких отрядов из рабочих промышленных районов Урала. 18 января 1918 г. Оренбург был занят революционными частями.

Дутов с небольшим отрядом ушел в Тургайские степи. Борьба с ним приняла мелкий партизанский характер и на время перестала иметь существенное значение. Однако наличие неуничтоженных дутовских частей впоследствии оказалось одним из благоприятных условий для возникновения восточного фронта, являясь кадрами, возглавлявшими восставшее казачество.

Распространение советской власти в Сибири в первый период встретило сопротивление только в Иркутске, где революционным отрядам (декабрь 1917 г.) пришлось выдержать упорную борьбу с частями Временного правительства, но уже в январе 1918 г. советская власть утвердилась по всей Сибири. 26 февраля на II съезде советов Сибири был избран Сибирский совет народных комиссаров и Сибирский центральный исполнительный комитет (Центросибирь). Однако это еще не означало окончательного успокоения Сибири. Исключительно крестьянское — с большой прослойкой зажиточно кулацкой части — население не могло явиться постоянной и прочной опорой советской власти. Его колебания были неизбежны при первых же трудностях революции. На ряду с этим со стороны Владивостока готовилась японская интервенция. В пограничных районах формировались белогвардейские отряды (наиболее сильный — атамана Семенова в районе ст. Манчжурия). В крупных центрах свивали гнезда офицерские и эсеровские контрреволюционные организации. Одновременно отсутствие рабочих центров обусловливало отсутствие прочных опорных пунктов советской власти в борьбе со всеми этими врагами.

Разгромом Каледина, поражением Украинской рады, Дутова и установлением советской власти в Сибири заканчивается первый период гражданской войны. Он привел к установлению советской власти на терри-

тории почти всей России, к разгрому всех основных центров внутренней контрреволюции. Сил внутренней контрреволюции оказалось недостаточно, чтобы сразу же организовать борьбу во всероссийском масштабе. Эта борьба вырождалась в местные, изолированные друг от друга территориально и по характеру, очаги (например Дон и Украина). Исходом этого периода внутренняя контрреволюция обрекалась на невозможность самостоятельно, без непосредственной помощи извне, вырасти во всероссийский масштаб. Оказание этой помощи придало ее борьбе иной размах, иные масштабы и повело к новому, более грозному для советской власти этапу гражданской войны.

III. ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ ВНУТРЕННИХ ФРОНТОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Международное значение Октябрьской революции и неизбежность интервенции

Октябрьская революция, несмотря на то, что она победила только в одной стране, не была только русским национальным явлением. Революционное движение в России не было изолированным. Оно составляло часть мирового революционного движения. Победа рабочего класса в России, ослабляя общую систему мирового империализма, вызывала подъем рабочих и национально-освободительных движений во всем мире. Последние находили богатейшую почву в том кризисе, который создала долгая мировая война.

«События, имевшие место в России, — пишет бывший английский военный министр Черчилль, — учение и лозунги, распространявшиеся из Москвы, казалось, миллионам людей различных стран открывали перспективы сияющего нового мира — братства, равенства и науки».

Ряд рабочих волнений, открытых восстаний солдат и матросов, прокатившихся вслед за октябрьским переворотом в важнейших странах, привел в тревожное состояние всю мировую буржуазию.

«У них одна мысль, — говорил в этот период об иностранных капиталистах тов. Ленин, — как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши» (т. XXII, стр. 249).

Уже одно это, помимо непосредственного материального ущерба, который наша революция причинила ми-

ровому империализму, делало его вооруженную интервенцию неизбежной.

Практически этот вопрос поставили прежде всего бывшие союзники России — страны англо-французского блока.

«23 декабря 1917 г. (т. е. через два месяца после начала революции. — *А. Г*). — сообщает Черчилль в своих воспоминаниях, — в Париже состоялось англо-французское соглашение между Клемансо, Пишоном, Фошем с одной стороны, лордом Мильнером, лордом Р. Сесилем и британским военным представителем — с другой, регулирующее будущие действия Франции и Британии в южной России. Это соглашение имело в виду поддержку генерала Алексеева, тогда находившегося в Новочеркасске, и разделило географически сферу действия двух государств так, чтобы они могли действовать свободно. Французские действия распространялись бы к северу от Черного моря против врагов, т. е. Германии и *враждебных русских,* Англии — к востоку от Черного моря, против турок».

Таким образом французская зона состояла из Бессарабии, Украины и Крыма, английская зона—из казацких территорий, Кавказа, Армении, Грузии и Курдистана.

Это соглашение и зоны, установленные для действия англичан и французов, красноречиво говорят о другом. Вчерашние союзники России готовились сегодня под предлогом борьбы с Германией и революцией («враждебными русскими») занять ее богатейшие области, превратив их в свои новые колонии.

Однако осуществить сразу же этот проект не удалось. Этому помешали как разногласия среди союзников (Америка вначале категорически высказалась против интервенции, рассчитывая сломить революцию другим путем), так и тот факт, что Германия еще не была разбита. Путь к берегам Черного моря лежал через Турцию, а Турция воевала на стороне Германии. Это отсрочило вмешательство союзной буржуазии, и нанесение первого удара выпало на долю германского империализма.

Этому удару предшествовало столкновение красных войск с боярской Румынией.

Пользуясь демобилизацией и развалом русских частей румынского фронта, Румыния в декабре 1917 г. заняла своими войсками Бессарабию, объявив о ее добровольном присоединении. Выдвинувшись на линию Днестра, румынские части создали угрозу Одессе и только что образовавшейся (18 января) Одесской советской республике. В пределах последней для борьбы с румынской оккупацией из остатков частей старой русской армии была создана «Особая армия» в 5 000 — 6 000 человек. В начале февраля эта армия дала успешный отпор румынам при их попытках перейти Днестр. Успех советских войск под Киевом и разгром украинской контрреволюции дал возможность усилить части Одесской республики группой Муравьева (3 000 — 4 000 чел.). Новая попытка румынских частей переправиться через Днестр была отбита, а затем 1 марта революционные части, перейдя в наступление, нанесли сильный удар румынской армии под Рыбницей (на Днестре), захватив у нее около 20 орудий. Это поражение вскрыло малую боеспособность румынской армии. 12 марта 1918 г. советскими властями и румынским правительством было подписано перемирие и соглашение, по которому Румыния обязалась очистить Бессарабию от своих войск. Однако начавшееся вскоре наступление немцев и оккупация ими Украины дали возможность румынскому правительству уклониться от выполнения принятых обязательств и насильно удержать Бессарабию до настоящего времени.

Наступление германского империализма и оформление донского фронта

Одним из первых мероприятий советского правительства, доставившим ему огромную популярность среди трудящихся не только России, но и всего мира, было предложение всем народам и их правительствам о прекращении войны и заключении мира. Когда выяснилась невозможность заключения общего мира, советское правительство вступило в непосредственные переговоры с Германией. 14 ноября 1917 г. тов. Крыленко, заменивший главнокомандующего ген. Духонина, отказавшегося вступить в переговоры с германским ко-

мандованием, послал последнему предложение заключить мир. 20 ноября в Брест-Литовске произошла первая встреча советской делегации с германской. Германские империалисты предъявили тяжелые требования. Предложение тов. Ленина заключить мир на этих условиях не было принято ЦК партии, ставшим на точку зрения Троцкого: «войны не вести, мира не подписывать». Сторонники этой точки зрения полагали, что затяжка переговоров с Германией неизбежно вызовет в ней революцию, совершенно не считаясь с тем, насколько в ту пору был еще силен германский империализм. Отказ советского правительства подписать мир вызвал 17 февраля решительный переход в наступление австро-германских войск по всему фронту. Этому наступлению предшествовало (9 февраля 1918 г.) соглашение изгнанного с территории Украины правительства Украинской рады с правительством Германии. По этому соглашению Германия признавала самостоятельность Украины и обеспечивала помощь войсками правительству Украинской рады во внутренней борьбе с большевиками.

Переход германских войск в решительное наступление поставил неокрепшую еще советскую власть на край гибели.

Для наступления в пределах Украины германское командование выделило 29 пехотных и три кавалерийских дивизии, общей численностью в 200 000 — 220 000 бойцов. Этим силам советское правительство могло противопоставить здесь всего около 15 000 бойцов, собранных в наспех организованные отряды. Старая армия к этому времени уже совершенно развалилась и не представляла никакой силы. Борьба в таких условиях не обещала ни малейшей надежды на успех, и германские войска подвигались вперед, встречая сопротивление лишь со стороны отдельных революционных групп старой армии и наспех сколоченных красногвардейских отрядов.

Это обеспечило точке зрения т. Ленина большинство в ЦК. Германии было послано уведомление о согласии заключить мир на условиях, выставленных ею в Брест-Литовске. Только через три дня германское правительство дало ответ. За это время его вой-

ска заняли Эстонию, Латвию, города Псков, Двинск, Минск, Могилев, т. е. почти всю Белоруссию, и продолжали движение на Украину. Условия мира в новом германском ответе оказались гораздо более тяжелыми, чем прежде. Германия потребовала оставления за собой всей захваченной территории в пределах Прибалтики и Белоруссии и немедленного очищения от советских войск всей территории Украины и Финляндии. Эти требования правительством и ЦК партии были приняты только после категорического требования тов. Ленина, видевшего в дальнейшей затяжке переговоров новое ухудшение условий мира, а быть может, и падение советской власти. 3 марта мир с Германией был подписан. Германские войска остановили продвижение в Прибалтике и Белоруссии, но продолжали занятие Украины. К концу апреля они здесь подошли к границе Донской области Великороссии. Отступавшие перед ними красные партизанские части ушли частью на Северный Кавказ, частью на север, в пределы Великороссии. Главные же силы их под руководством тов. Ворошилова пробились через Дон к Царицыну (Сталинграду), где и положили основу для создания впоследствии 10-й Красной армии.

Вторжение германских войск в пределы России и Украины для развития гражданской войны имело огромное значение. Помимо того, что мы лишились богатейших территорий и огромнейшего количества военного имущества, сосредоточенного старой армией в занятых немцами районах, самый факт германского наступления и отсутствие у революции вооруженных сил для действительного противодействия этому наступлению, внесли колоссальную сумятицу в настроение широких масс и ободрили всех врагов революции. Внутреннее положение советской власти, укреплявшееся в течение первых месяцев, было до основания потрясено. Это наступление отвлекло от окончательного разгрома внутренних контрреволюционных очагов значительные советские силы (так колонны Саблина и Сиверса с Дона были переброшены для борьбы с немецким наступлением), прекратило питание внутренних фронтов силами из рабочих центров (особенно Петрограда), перенесших

все внимание на борьбу с оккупантами, и дало передышку внутренним контрреволюционным элементам. Буржуазно-помещичья контрреволюция в немецком нашествии почувствовала непосредственную помощь.

В то же время тяжелые неудачи в борьбе с германским империализмом внутри страны вызвали сильнейшие колебания мелкой буржуазии. «Левые» коммунисты, отражавшие эти настроения внутри партии, готовы были довести свою борьбу до открытого раскола. Мелкобуржуазная партия левых эсеров вышла из состава правительства и готовила борьбу с ним. Углубление революции в деревне и необходимость изъятия из нее хлебных излишков для прокормления городов раскололи крестьянство, подчинив его во многих районах благодаря слабости местных советских сил кулацкому влиянию, подготовив тем самым почву для кулацких восстаний.

Эти восстания развернулись прежде всего в казачьих областях, где углубление революции ставило вопрос о наделении безземельного иногороднего крестьянства землей за счет зажиточных кулацких верхов казачества и где дутовско-калединская контрреволюция была сломлена, но не добита. Даже революционное настроение фронтового казачества с приходом домой и с постановкой земельного вопроса начало заметно падать. Приближение германских войск ускорило отход казачества от революции и взрыв восстаний в казачьих областях.

В марте 1918 г. вспыхнули восстания в ряде станиц Донской области под Новочеркасском. В Сальских степях оживилась деятельность партизанских частей генерала Попова, ушедших туда при первом занятии красными Новочеркасска и Ростова. Отсутствие на Дону значительных советских сил дало возможность повстанцам быстро развивать успехи. 6 мая восставшие заняли Новочеркасск, 8 мая—вместе с передовыми частями немцев—г. Ростов-на-Дону, 11 мая ими был взят Александров-Грушевск (ныне Шахты).

К концу мая донские повстанческие части насчитывали в своем составе около 17 000 бойцов при 21 орудии.

Распространение этих сил на север было поддержано восстаниями казаков северных округов (уездов)

Донской области. Так, отступавший с Украины отряд Ворошилова в мае вынужден был, уходя к Царицыну, выдержать ряд упорных боев с казаками Верхне-Донского и 2-го Донского округов.

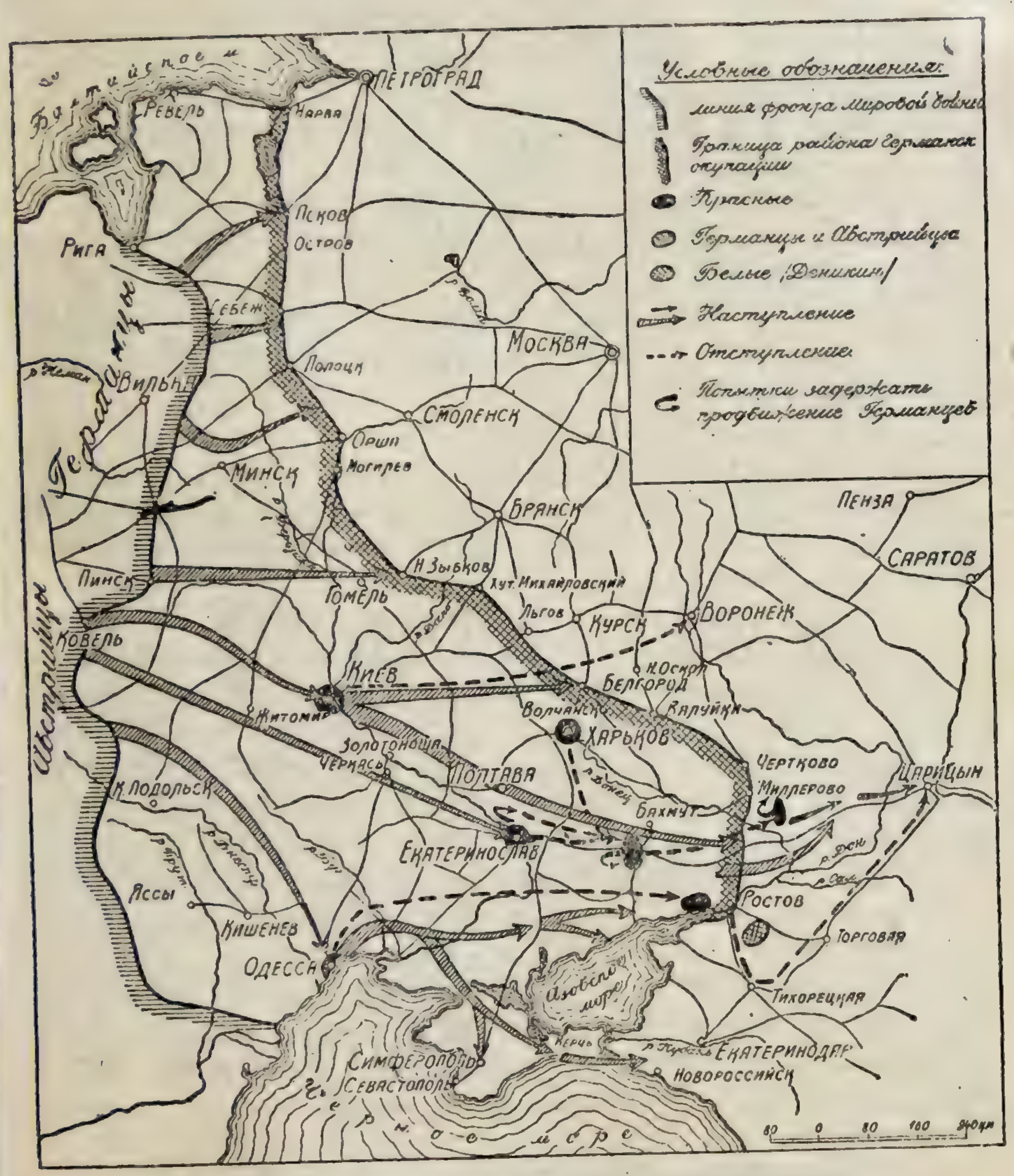

Схема 1. Наступление германского империализма.

Однако, несмотря на поддержку германского империализма, восстание донского казачества в этот период носило только местный характер. Оно не было движением «всероссийского» масштаба. Казачество стреми-

лось закрепить свои земельные привилегии и бытовой уклад только в пределах своей области, не задаваясь целями борьбы за ее границами и одновременно стремясь в широких массах изолироваться от помещичье-буржуазной реакции в лице Добровольческой армии. Это стремление мелкобуржуазных казачьих верхов занять самостоятельное, серединное положение нашло выражение в попытках организации самостоятельного донского государства — «Всевеликое войско донское». Эти настроения умело использовал монархист и ловкий дипломат генерал Краснов, выбранный восставшими казаками донским атаманом.

Движимая такими настроениями, донская казачья армия за лето 1918 г. заняла почти всю территорию Донской области.

В половине августа ее численность составляла уже свыше 40 000 чел. (преимущественно конница) при 93 орудиях. Успехам донской армии на ряду с вооруженной и материальной помощью германских войск в значительной степени способствовало то обстоятельство, что сосредоточенные в районе Царицына советские силы (до 30 000 бойцов) после отхода с Украины нуждались в большой реорганизации и приведении в порядок. Только с осени эти силы могли приступить к активным действиям против войск генерала Краснова. В подготовке этих сил к борьбе с Красновым колоссальную роль сыграли работавший в Царицыне (первоначально по обеспечению центра продовольствием) тов. Сталин и тов. Ворошилов, непосредственно возглавлявший эти части.

Так образование донской армии и донского государства под прикрытием немецких штыков повлекло к возрождению южного антисоветского фронта, представленного пока что частями донских казаков.

Образование северокавказского фронта

Параллельно с борьбой на территории Донской области в этот период развертывалась борьба на Кубани. Здесь обстановка оказалась сложней, чем на Дону. В конце 1917 г. кубанское казачество под руководством своих верхов, подобно донскому, пыталось органиво-

ваться в самостоятельное государство — «Кубанский край», располагавшее своей армией. Формирование этой армии поручено было капитану генерального штаба царской армии Покровскому, произведенному Кубанской казачьей радой в генералы. Однако эти попытки (не поддержанные массами казачества) не увенчались успехом. Под ударами революционных отрядов (части старой армии, моряки Черноморского флота, революционно настроенные казаки, иногородние, красногвардейцы городских центров) казачья государственность на Кубани быстро пала. Кубанское правительство вместе со своей «армией» (2 000—3 000 чел.) уже в начале 1918 г. вынуждено было бежать в горы. Советские отряды заняли столицу области — гор. Екатеринодар.

В таких условиях появились на Кубани кадры Добровольческой армии (генералы Алексеев, Корнилов, Деникин), отступавшей с Дона. Со стороны населения Кубани армия не встретила никакой поддержки. Более того, ее помещичье-буржуазный характер не соответствовал настроению и кубанской государственности. Однако слабая организованность и плохое управление красных войск не дали им возможности уничтожить эту армию с самого начала. Удачно пробираясь между советскими отрядами, Добровольческая армия в феврале вышла в районы, где скрывались части «демократического» кубанского правительства. Под угрозой уничтожения порознь обе стороны, несмотря на недоговоренность по многим вопросам, вынуждены были объединиться. Командование объединенными силами (4 000—5 000 бойцов, 10-12 орудий) принял генерал Корнилов. Так мелкобуржуазная контрреволюция Кубани, несмотря на еще более острую непримиримость помещичье-буржуазной контрреволюции, чем донская (подробней об этом скажем ниже), становилась с самого начала на службу последней.

В начале апреля объединенные силы белых атаковали Екатеринодар, располагавший советским гарнизоном в 15 000—18 000 чел. при 2-3 бронемашинах и 10-15 орудиях. Несмотря на упорство белых, их наступление было отбито. В одной из последних атак случайным снарядом был убит сам генерал Корнилов. Неудача на-

столько подорвала боеспособность белых сил, что вступивший в командование ими генерал Деникин не счел возможным продолжение борьбы на Кубани и быстрым маршем начал отступление на Дон. В начале мая Добровольческая армия вместе с остатками присоединившихся к ней кубанцев сосредоточилась в южной части Дона, в районе Мечетинской и Егорлыкской станиц, и под прикрытием продвинувшихся на север донцов стала приводить себя в порядок. Здесь же к ней присоединилась офицерская бригада генерала Дроздовского, сформировавшаяся еще на румынском фронте и шедшая на Дон вместе с оккупационными частями немцев.

Таким образом первые попытки помещичье-буржуазной контрреволюции опереться на Кубань были такими же неудачными, как и на Дону.

Весна и лето 1918 г. на Кубани дали значительное численное усиление советских сил. Это произошло как за счет пришедших сюда под натиском немцев украинских отрядов и уходящих с кавказского фронта частей старой армии, путь которым в центр России преграждал белый Дон, так и особенно за счет вовлечения в борьбу значительных слоев иногороднего крестьянства, видевшего в этом единственный путь к обеспечению за собой прав на землю. Общая численность советских сил здесь летом 1918 г. достигла 80 000—100 000 человек. Однако такая численность далеко не соответствовала той действительной силе, какую имели эти части. В основном это были рыхлые крестьянские массы, привязанные к определенным районам.

Отсутствие пролетарской прослойки определяло ярко партизанский характер частей, дававших почву для расцвета атаманщины, склок и авантюристических наклонностей отдельных начальников. Вооружение и снаряжение было плохим и недостаточным[1]. Этим и объясняется, что такие крупные силы были легко раз-

---

[1] Всему этому не в малой степени помогал и тот факт, что даже в общем советском строительстве здесь царствовал разнобой: существовали три самостоятельных советских республики: Ставропольская, Черноморская и Кубанская.

биты гораздо меньшими по численности, но более спаянными, крепкими и прекрасно обученными добровольческими отрядами генерала Деникина и восставших казаков.

Антисоветский сдвиг в массах кубанского казачества начался примерно с весны 1918 г. Его причинами в основном был тот же земельный вопрос, что и на Дону, при чем большая земельная теснота и более развитая товарность сельского хозяйства Кубани здесь придавали ему и большую остроту. Это дополнялось тем обстоятельством, что мало дисциплинированные, но многочисленные советские силы не раз проявляли большую нетактичность в отношении рядового казачества. Весной 1918 г., в связи с приближением волны немецкой оккупации, по всей Кубани вспыхнул ряд казачье-кулацких восстаний, особенно сильных в черноморских отделах (уездах). На Таманском полуострове восставшие казаки пригласили на помощь оккупировавших Крым немцев.

Высадившийся здесь немецкий пехотный полк сразу же приковал значительные советские силы.

Тем временем оправившаяся от потрясений Добровольческая армия предприняла вторичный поход на Кубань. Этому походу предшествовали большие разногласия среди ее руководителей. Вся армия к этому времени состояла из 5 пехотных (преимущественно офицерских), 8 конных полков, 5½ батарей и 3 броневиков (8 000—9 000 штыков и сабель, 21 орудие). «Конечная цель, — говорит Деникин, — не возбуждала ни в ком сомнений: выход на Москву, свержение советской власти и освобождение России». Разногласия шли по вопросу о конкретных путях к этой цели. Донской атаман Краснов звал добровольцев на Царицын и далее на Волгу, в центр России. К этому же одно время склонялся генерал Алексеев и монархическая организация «Национальный центр». «Правый центр предполагал вместе с немецкими корпусами движение на Москву через Воронеж. Генерал Деникин принял решение итти на Кубань, считая: 1) что это обеспечит армии прочную базу для дальнейшей борьбы и откроет доступ к Черному морю — кратчайший путь для помощи союзников

в случае открытия Дарданелл; 2) что движение на Волгу без базы при возможном «нейтралитете» донцов поведет к уничтожению армии на берегах этой реки.

К моменту второго похода Добровольческой армии на Кубань советские силы здесь располагались тремя группами: а) группа Сорокина в районе Кущевки, б) группа Калнина (численностью в 30 000—40 000 бойцов) у Тихорецкой, в) Таманская армия (20 000—25 000 человек) против Таманского полуострова. Оставив против группы Сорокина небольшой заслон, главные силы Добровольческой армии в середине июня двинулись на Торговую (Сальск). 25 июня они овладели Торговой, а через три дня заняли Великокняжескую. Это прервало сообщение Кубани с Царицыном и Центральной Россией.

10 июля Деникин продолжал наступление, повернув армию на Тихорецкую. Попытка группы Сорокина сбить белый заслон у Егорлыцкой кончилась неудачей; такая же неудача постигла группу Калнина при попытке встретить наступлением главные силы Деникина от Тихорецкой. В июле группа Калнина понесла сильное поражение, потеряла Тихорецкую и утратила свою боеспособность. Более или менее боеспособной оставалась только группа Сорокина. Поражения советских войск усилили антисоветское движение среди казачества. В июле армия Деникина насчитывала уже около 20 000 человек. В юго-восточных районах Кубани белый партизан Шкуро сформировал значительный отряд и с ним перешел в наступление на Ставрополь. На Тереке вспыхнуло сильное восстание местного казачества.

К 27 июля в руках белых были уже Ставрополь, Кавказская, Армавир, а главные силы Деникина наступали на Екатеринодар вдоль железной дороги от Тихорецкой. Попытка группы Сорокина в начале августа ударом от Тимошевской опрокинуть белых не увенчалась успехом. Благодаря высокой боеспособности своих частей Деникину удалось отбросить главные силы Сорокина на Краснодар, а затем за р. Кубань. 16 августа добровольцы, усилившись за счет казаков, заняли Екатеринодар, отрезав Таманскую красную армию от главных сил Сорокина. В тяжелых условиях таманцам при-

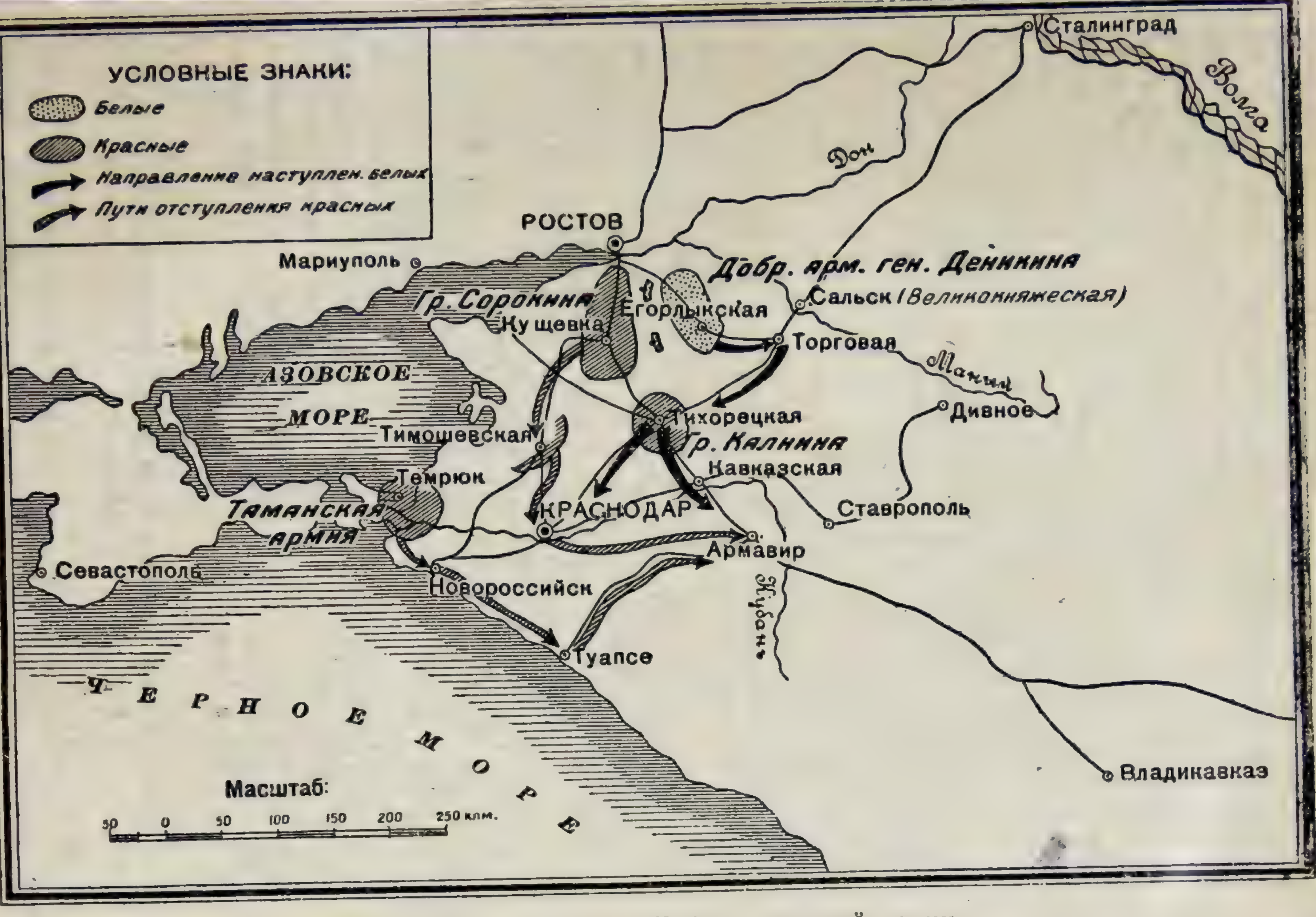

Схема 2. Наступление Добровольческой армии.

шлось пробиваться вначале вдоль берега Черного моря на Туапсе, а затем отсюда вдоль железной дороги на Армавир. 17 сентября таманская армия вышла к Армавиру, где в то время шла упорная борьба между главными силами Сорокина, являвшегося теперь главкомом красных войск Северного Кавказа, и стянувшимися сюда главными силами Добровольческой армии Деникина. Прибытие таманцев улучшило положение красных войск.

Их общая численность достигала 150 000 человек при 200 орудиях, силы же белых насчитывали всего 35 000—40 000 бойцов с 86 орудиями. Однако качественное превосходство белых в огромной степени компенсировало это численное неравенство.

Выход в район Армавира главных сил обеих сторон окончательно оформил новый северокавказский фронт гражданской войны, при чем красные силы имели своим тылом Ставропольскую губернию и начинавшиеся за ней песчаные, пустынные Каспийские степи, а белые — контрреволюционную теперь Кубань и Черное море, откуда можно было ежедневно ожидать помощи со стороны иностранной буржуазии. Оформлением этого фронта мы в огромной степени обязаны также германской оккупации. Она отвлекала наши силы от Добровольческой армии в самый критический для последней момент (начало 1918 г.). Она помогла оформиться казачьим частям на Таманском полуострове и, организовав донской фронт, прикрыла Кубань с севера.

Так благодаря интервенции германского империализма выросли два организованных антисоветских фронта—донской и северокавказский, слившиеся впоследствии в один — южный — уже при помощи союзников (англо-французов).

Восстание чехо-словаков и образование восточного фронта

В то время как на юге оформлялись антисоветские фронты под прикрытием германской оккупации, на севере и востоке почти одновременно с ними вырастали другие фронты уже при прямом вмешательстве англо-

французского и японского империализма. 4 апреля 1918 г. последовал японский десант во Владивостоке. Однако если захват Владивостока соответствовал империалистическим вожделениям Японии, то он мало содействовал основной цели мирового империализма — свержению советской власти. Для этого нужны были силы, которые поставили бы под угрозу основные центры революции. Удаленность союзников от России не давала им возможности сделать это своими войсками. Для этой цели был использован чехо-словацкий корпус. Чехо-словацкий корпус начал формироваться еще при царском правительстве и окончательно сформировался при Временном из пленных чехо-словаков австрийской армии. Командный состав корпуса был ставленником англо-французского империализма. В Октябрьские дни корпус заявил о своем нейтралитете, располагаясь на зимние квартиры в районе Полтавы и Киева. Наступление австро-германцев весной 1918 г. согнало его с этих мест. Центральное советское правительство дало согласие на переброску корпуса через Владивосток во Францию, однако обусловив это сдачей корпусом всего оружия. В мае эшелоны корпуса, двигаясь к Владивостоку, широко разбросались по железным дорогам восточной части Европейской России и всей Сибири; наиболее сильные его группы находились под командованием: а) генерала Чечека — в районе Пензы и Сызрани — около 8 000 чел., б) Войцеховского — в районе Челябинска — 8 000 чел., в) Гайды — в районе Новониколаевска — 4 000 чел., г) Дитерихса — у Владивостока — 14 000 чел. Штаб корпуса и Чешский национальный совет находились в Челябинске. С начала Октябрьского переворота в корпусе шла усиленная антисоветская агитация: распространялись слухи, что советское правительство решило выдать весь его состав немцам. В конце мая части корпуса, спровоцированные своим командным составом, одновременно в разных местах восстали против советской власти. Отсутствие в районах восстания значительных советских сил облегчало это восстание.

В начале июня чехо-словаки после ряда боев (напр. в районе Омска) занимали: а) группой Чечека — Сызрань и Самару, б) Войцеховского — район Челя-

бинска, в) Гайды — Омск и Новониколаевск, г) Дитерихса — район Владивостока. Немедленно после восстания во Владивостоке высадилась дивизия японцев, а после них — американцы, англичане и французы. Восстание чехо-словаков в занятых ими районах развязало местные контрреволюционные силы. В Омске образовалось Временное сибирское правительство, в Самаре — Комитет учредительного собрания, и т. п. По всей территории России прокатился ряд кулацких и контрреволюционных восстаний (Ярославль, Муром, ряд восстаний на Урале, мятеж левых эсеров в Москве и т. п.).

Захват чехо-словаками жизненных, близких к центру районов поставил советскую власть в критическое положение.

На борьбу с чехо-словаками были двинуты все свободные силы, сюда же направлялись все новые формирования. Все эти части вместе с бывшими на этих участках местными силами были сведены в единый восточный фронт первоначально во главе с левым эсером Муравьевым, а затем — после его измены — тов. Вацетисом. В организации нового — в тех условиях самого опасного — фронта рабочий класс и партия проявили колоссальное напряжение. В половине июля красные силы, двинутые на этот фронт, достигали уже 40 000—45 000 человек. Сосредоточение оперативно тактических усилий красных войск затруднялось крайне медленной работой железных дорог и разброской частей на широком простанстве. Это облегчило первоначальные наступательные операции чехо-словаков и присоединившихся к ним местных белогвардейцев. В конце июля они, тесня разрозненные отряды Красной армии, занимали уже целиком губернии Самарскую, Уфимскую, Екатеринбургскую, овладели Симбирском, а в некоторых местах подходили к Каме. 6 августа их отрядом была занята Казань, где находился основной золотой запас РСФСР в 651½ миллионоз рублей. К этому времени группировка белых сил была такой:

1. На Волге, от Казани до Самары, располагалась Поволжская армия полковника Чечека в составе 14 000—16 000 бойцов и около 100 орудий.

2. Южнее ее оформившиеся благодаря восстанию чехо-словаков части оренбургских и уральских казаков,

численностью 10 000—15 000 конницы с 30-40 орудиями.

3. В Екатеринбургском районе — армия Войцеховского — 22 000—25 000 штыков и сабель и 50-60 орудий.

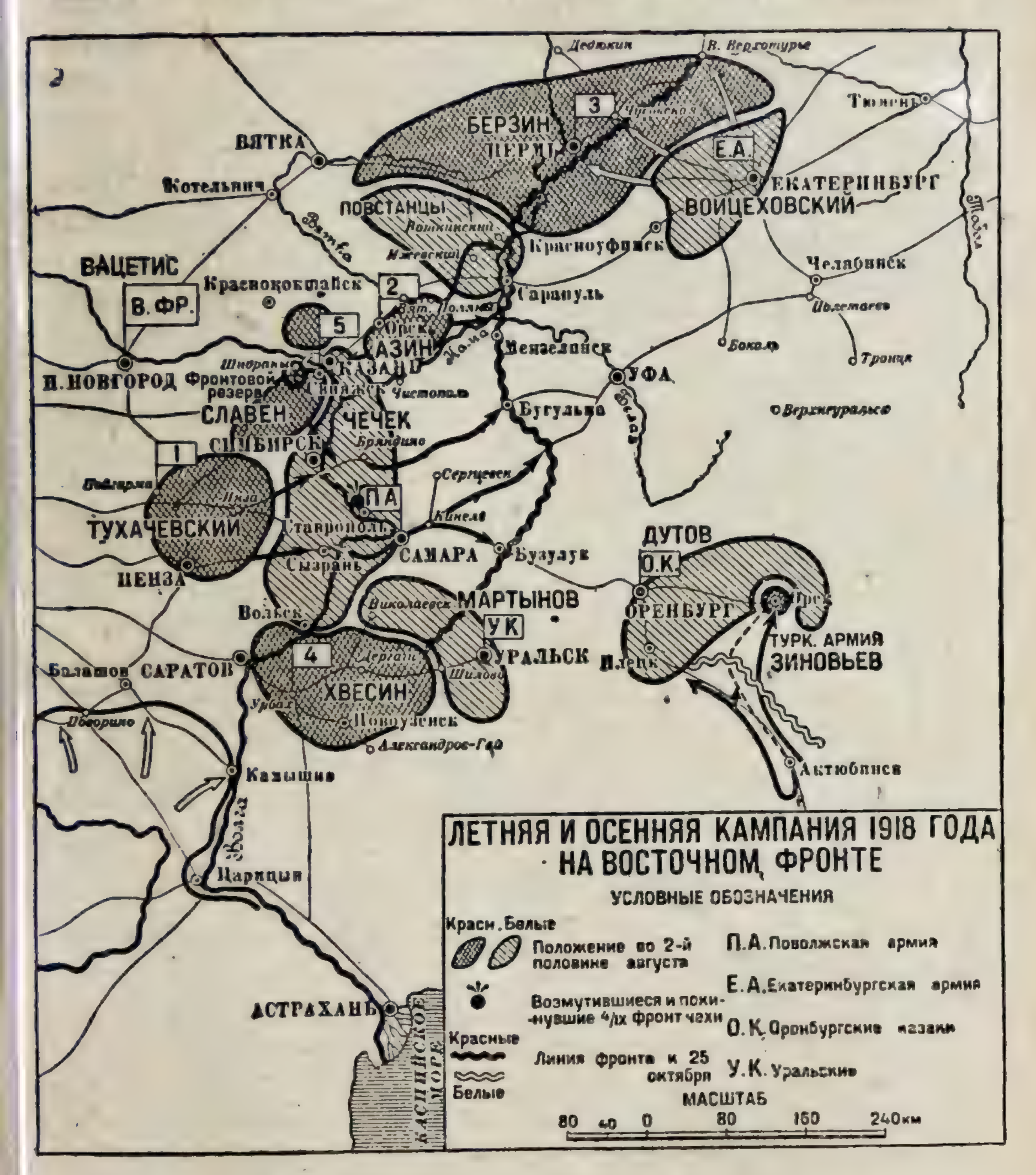

Схема 3. Летняя и осенняя кампании 1918 г. на восточном фронте.

Таким образом общая численность белых сил на вновь выросшем восточном фронте достигла 50 000 — 55 000 бойцов при 200—220 орудиях.

Им Советская республика противопоставляла:

1. В районе Перми — 3-ю Красную армию: 18 000 штыков, 1 500 сабель, 43 орудия.

2. В районе Казани по обоим берегам Волги—5-ю армию: 8 400 штыков, 540 сабель, 43 орудия.

3. В районе Орска — 2-ю армию: 2 500 штыков, 600 сабель, 14 орудий.

4. Против Симбирска—1-ю армию: 6 800 штыков, 700 сабель, 50 орудий.

5. В районе Саратова и Новоузенска — 4-ю армию: 23 000 штыков, 3 200 сабель и свыше 200 орудий.

Вне связи с этими силами со стороны Туркестана действовала против Дутова Туркестанская красная армия в 6 000—7 000 штыков, 1 000—1 500 сабель.

Эти события оформили восточный фронт гражданской войны. Если на юге к моменту возникновения фронтов уже имелись значительные местные контрреволюционные очаги и им нужна была лишь косвенная и материальная помощь германского империализма, чтобы притти в движение, здесь понадобилась мощная посторонняя военная сила, чтобы под ее прикрытием местная контрреволюция могла достигнуть внушительных размеров и оформиться в самостоятельный фронт. Колебания крестьянства и здесь облегчили восстание чехо-словаков и создали почву для формирования местных контрреволюционных сил.

Возникновение северного фронта

Восточный и южный фронты в истории гражданской войны играли выдающуюся роль. Менее значительная роль выпала на долю северного фронта, образовавшегося почти одновременно с ними. Это объяснялось тем, что последние, возникнув при непосредственном содействии иностранной интервенции, нашли известные внутренние силы, на которые смогли опереться на некоторое время. Северный фронт скорее был внешним фронтом, черпая свои силы только в непосредственной помощи иностранных штыков. Редкое население и незначительные местные средства не могли создать никакой серьезной базы ни для внешней, ни для внутренней контрреволюции.

Началом фронта послужила высадка в Мурманске батальона английских моряков и небольшого сербского отряда. Первоначально это имело чисто местное значение. Но затем союзные правительства постепенно увеличивали свои силы, предполагая впоследствии с этого фронта нанести своими войсками главный удар на Москву.

Для такой операции летом 1918 г. здесь было решено сосредоточить сильную армию из англо-французских войск. Сюда же из Парижа было приказано повернуть двигающемуся на восток чехо-словацкому корпусу, однако чехо-словакам не удалось повернуть на север, и они подняли восстание в Поволжье, на Урале и в Сибири. Союзные войска таким образом принуждены были действовать только собственными силами. 2 августа, намереваясь в дальнейшем действовать совместно с восставшими чехо-словаками, английкий десант при содействии немногочисленных местных белогвардейцев занял Архангельск. В конце августа союзники имели 13 182 чел. своих войск в Архангельском и 10 334 человек в Мурманском районах. Местных белогвардейцев хватило только на два небольших отряда. В Архангельске под прикрытием десантных отрядов было образовано эсеровское правительство во главе с Чайковским, замененное впоследствии при помощи союзников диктатурой генерала Миллера.

Летом 1918 г. высадившиеся десанты начали продвижение в глубь страны вдоль линий железных дорог (от Мурманска и Архангельска) и вдоль р. Северной Двины в направлении на Котлас. Крайняя медленность продвижения дала возможность советскому командованию сосредоточить свои силы для защиты этих направлений.

Осенью красные части здесь имели в направлении на Архангельск 5 500 штыков, 145 пулеметов, 27 орудий; в районе Котласа — 4 300 штыков, 59 пулеметов и 39 орудий.

Обе эти группы вошли в состав 6-й Красной армии, основу которой составили питерские рабочие, что обеспечивало армии крепость и устойчивость, несмотря на численное превосходство на стороне противника.

К осени 1918 г. северный фронт установился по линии на 40 километров южнее ст. Сороки, Чекуево на р. Онеге, ст. Обозерская, Тулгас на р. Северной Двине и Труфаново на р. Пинеге. Дальнейшее продвижение противника было задержано.

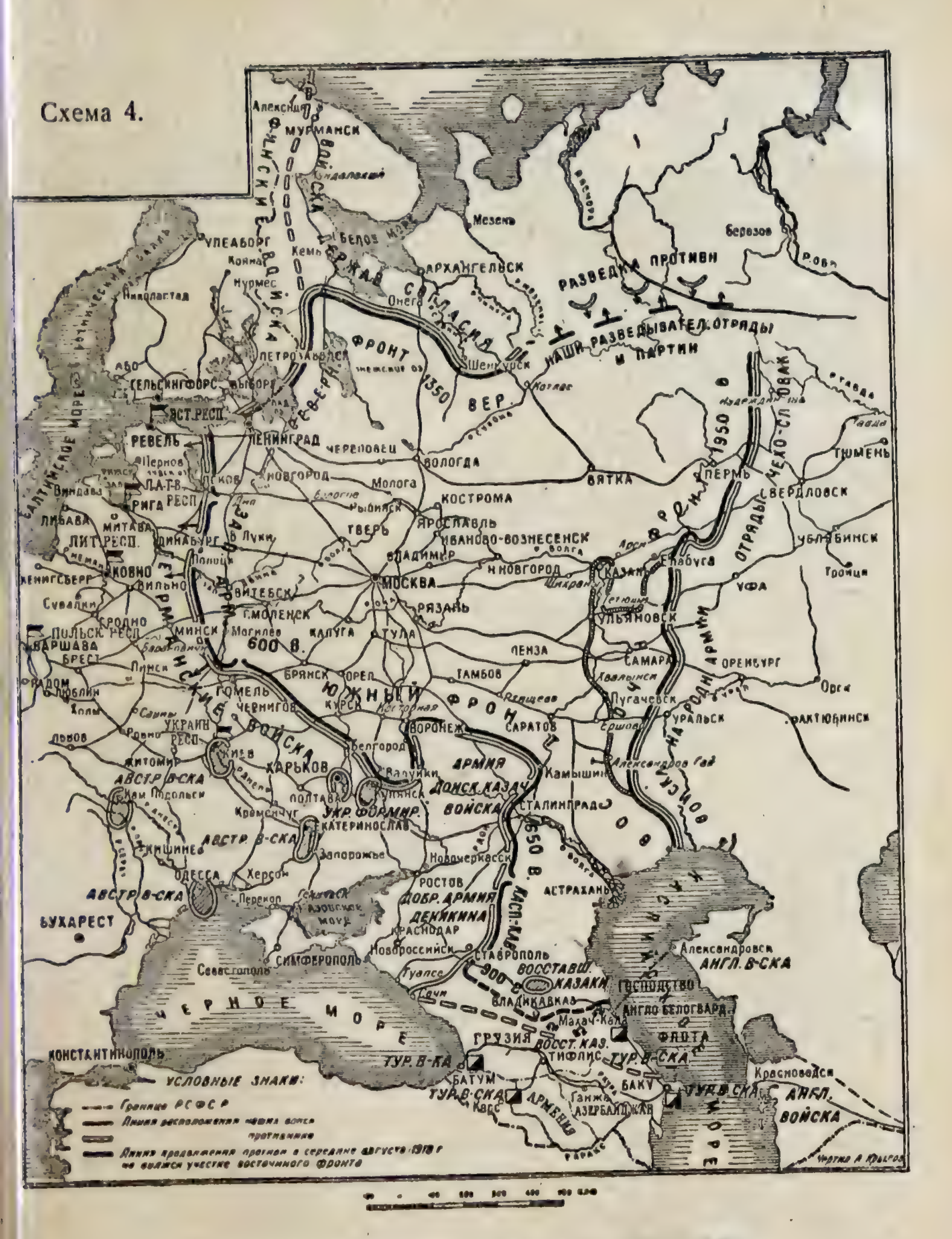
Общие итоги второго периода гражданской войны

К осени 1918 г. Советская республика была окружена сплошным кольцом вооруженных фронтов: на юге — донской и северокавказский, на востоке — восточный бело-чехо-словацкий с примыкающим к нему уральско-оренбургским казачьим участком, на севере — северный, в основном интервенционистский. Относительно спокойным оставался пока что западный участок, где удовлетворенный захватом Украины, Белоруссии, Прибалтики и Финляндии и занятый упорными боями на западном фронте германский империализм соблюдал хотя и враждебный, но все же нейтралитет.

Итоги этого периода гражданской войны для Советской республики оказались крайне тяжелыми. От нее были отторгнуты громаднейшие и богатейшие территории: Прибалтика, Белоруссия, Украина, Дон, Кавказ, Сибирь, Урал, вся восточная полозина Поволжья, побережье Белого моря. Советская власть сохранилась лишь в центральных районах европейской части России.

Организация всех внутренних фронтов произошла при непосредственном участии вооруженной силы иностранного империализма, но тем не менее основные причины их появления крылись не в этом. Иностранная интервенция оказалась плодотворной потому, что она попала на относительно подготовленную почву в виде очередного колебания мелкобуржуазных крестьянских и казачьих масс. Именно это и дало возможность и на юге и на востоке основным фронтам принять относительно массовые размеры.

В этот период внутренняя контрреволюция стремится сохранять мелкобуржуазный, демократический характер. Донской фронт вырастает под лозунгом создания «Всевеликого войска донского» — кулацко-казачьего государства, пытающегося отмежеваться от помещичье-буржуазной Добровольческой армии. На во-

Итоги второго периода гражданской войны.
Положение на фронтах поздней осенью 1918 г.

стоке и в Сибири организуют власть и пытаются создать свои народно-демократические армии под флагом учредительного собрания меньшевики и эсеры, на севере утверждается эсеровское правительство Чайковского. И только на Кубани гегемоном в борьбе с Советами с самого же начала выступает помещичье-буржуазная реакция в лице Добровольческой армии генерала Деникина, ведущая на поводу кубанских самостийников и демократов.

Существенной чертой в характеристике этого периода войны является то обстоятельство, что на территории б. России через белые фронты действуют враждебные друг другу империалистические группировки: на западе, Украине и на Дону — германский империализм, на Северном Кавказе, востоке и севере — англо-французы, при чем последние в этот период в организации борьбы внутри России пытаются больше опираться на соглашательские, демократические элементы, чем на открыто реакционные, ненавистные массам помещичье-буржуазные круги.

В итоге второго периода гражданской войны на ее фронтах качественно и количественно вырастают вооруженные силы обеих сторон. К осени 1918 г. против революции действуют уже не разрозненные отряды, а крупные, организованные во фронты и армии белые силы.

Силы внутренних белогвардейцев вместе с англо-французским десантом достигают 140 000—150 000 человек, не считая 230 000—250 000 австро-немецких оккупационных войск.

Перед партией и советской властью этот период во весь рост ставит вопрос об организации вооруженных сил. Уже первое столкновение с немецким империализмом показывает недостаточность Красной гвардии как вооруженной силы. В феврале 1918 г. партия приступает к созданию регулярной Красной армии, строящейся пока что на добровольных началах. Рост опасности и одновременно сплоченности вокруг советских органов в важнейших районах рабоче-крестьянских масс наряду с укреплением самого советского аппарата дает возможность летом 1918 г. призвать под ружье некоторые возрастные категории трудящегося населения, а

затем постепенно перейти на построение массовой Красной армии на основе воинской повинности трудящихся.

Попутно оформляется внутренняя организация вооруженных сил. От самых разнообразных «отрядов», «колонн», «завес» и т. п. армия переходит к однообразным полкам, бригадам, дивизиям. Создается полевое управление армии (полевой штаб ДВСР, фронты, армии), ведающее боевыми операциями. Вырастает местный военный аппарат (военкомат), формирующий и подготовляющий новые части. Привлечение в армию старых военных специалистов в сочетании с комиссарским аппаратом дает возможность в строительстве армии широко использовать их опыт и знания. К осени 1918 г. количественно Красная армия не уступает внутренним врагам.

Выдвижение военной опасности на первый план заставляет партию и рабочий класс всю жизнь страны приспособить к организации отпора врагу. Вся страна постепенно начинает превращаться в военный лагерь.

Рабочий класс и деревенская беднота мобилизуют под руководством партии все силы на борьбу с врагом.

IV. ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРВЫЕ УСПЕХИ КРАСНОЙ АРМИИ НА ВНУТРЕННИХ ФРОНТАХ

Освобождение Украины и наше наступление на запад

В начале октября 1918 г. советское военное командование считало наиболее опасными внутренние фронты — восточный и южный, а из них более важным — южный. Разгром этих фронтов намечался в первую очередь, при чем наибольшее усиление резервами и средствами получал южный (донской) фронт. На севере предполагалось перейти к обороне, на западе—ограничиться охраной границ оккупированных германскими войсками областей.

Коренное изменение в эти планы внесли революционные события за границей.

В начале ноября 1918 г. вспыхнула революция в Австрии и Германии. Вслед за ней из оккупированных ими областей начался стихийный уход австро-германских войск.

Это вызвало переброску на нашу западную границу значительных сил Красной армии, двинутых для занятия освобождаемых немецкими и австрийскими войсками областей. Наше продвижение на запад приобретало огромное значение тем, что сближало революционные силы Советской России с германской революцией и оказывало огромное влияние на развитие борьбы рабочего класса Германии. Кроме того скорейшее занятие освобождаемых территорий требовалось и потому, что на смену германскому империализму сюда стремительно двинулся империализм Антанты (союзный).

Наступление Красной армии здесь развернулось в двух направлениях: на юго-запад — в пределы Украины и на запад — в Прибалтику и Белоруссию.

На Украине советские войска попали в необычайно сложную политическую обстановку. Уже первые дни господства германского империализма на Украине ознаменовались разгоном демократического правительства рады и заменой его военной диктатурой гетмана Скоропадского — ставленника украинских помещиков. Вся политика последнего сводилась к превращению Украины в буржуазно-помещичью монархию с возмещением помещикам и капиталистам всех убытков, понесенных за время революции.

Это повело к бурному росту недовольства рабоче-крестьянских масс, вылившемуся уже к маю 1918 г. в массовое повстанческое движение против Скоропадского и австро-германских оккупантов. В городских центрах интенсивную подпольную работу развернули рабочие организации. С уходом австро-германских войск повстанческая волна в несколько дней смела правительство и весь аппарат гетмана Скоропадского. Выплывшая было после него власть мелкобуржуазной директории оказалась также непрочной. Вступление на территорию Украины отрядов Красной армии нашло массовую поддержку в советских настроениях повстанцев. В результате этого уже в конце декабря 1918 г. вся восточная Украина с городами Харьковом, Полтавой и Екатеринославом оказалась в руках советских войск. 5 февраля 1919 г. ими был занят г. Киев.

Успехи Красной армии на Украине совпали с появлением на ее Черноморском побережье союзнических оккупационных отрядов. К средине февраля французские и греческие части заняли Одессу, Николаев, Херсон и некоторые города Крыма. Их численность вместе с отрядами белогвардейцев-добровольцев достигала 20 000 чел. В начале марта красные части и отряды перешедшего на сторону советской власти партизанского атамана Григорьева установили с этими войсками первые боевые соприкосновения.

Войска англо-французских интервентов постигла та же участь, что и австро-германцев. Солдатские массы не изъявили ни малейшего желания драться против ре-

волюции. Во многих частях началось революционное брожение, перекинувшееся на суда и вылившееся в открытое восстание. В такой обстановке в первой половине марта 1919 г. партизанские части Григорьева нанесли сильное поражение греческим войскам у Николаева и Херсона. 6 апреля французы очистили Одессу. Таким образом попытка Антанты двинуть против нас свои войска потерпела неудачу.

В апреле красные войска занимали уже весь Крым за исключением небольшой части Керченского полуострова, удержанного добровольческими отрядами Деникина. В западной и северо-западной части Украины наши части подошли к границам Галиции и к линии реки Днестра. Быстрое освобождение Украины имело и отрицательные последствия. Регулярные части Красной армии растворились в местных формированиях партизанского типа с колеблющейся, а иногда и явно анархо-кулацкой идеологией. Это обусловило слабость украинских частей в будущих боях с добровольцами генерала Деникина.

Одновременно с наступлением красных частей на Урале развернулось их наступление в Прибалтике и в Белоруссии. Как и на Украине, существенные надежды возлагались нами здесь на местные национальные формирования (латышские и эстонские).

В начале декабря 1918 г. 7-я Красная армия и полки красной эстонской дивизии перешли в наступление у Нарвы и со стороны Пскова, имея целью утвердить советскую власть на территории Эстонии. Наступление встретило упорное сопротивление эстонских и русских белогвардейцев. Невозможность выделить на эстонский участок большие силы не позволила нашим частям добиться значительных успехов. В свою очередь и противник не имел серьезного продвижения вперед, и фронт к весне 1919 г. установился несколько восточнее Чудского озера и р. Наровы.

Более успешно развивались действия на территории Латвии. Красная армия Латвии имела в своем составе сильную девятиполковую дивизию латышских стрелков. В конце декабря латышские стрелки вторглись в пределы Латвии и при поддержке местного населения быстро продвинулись вперед. 3 января при помощи

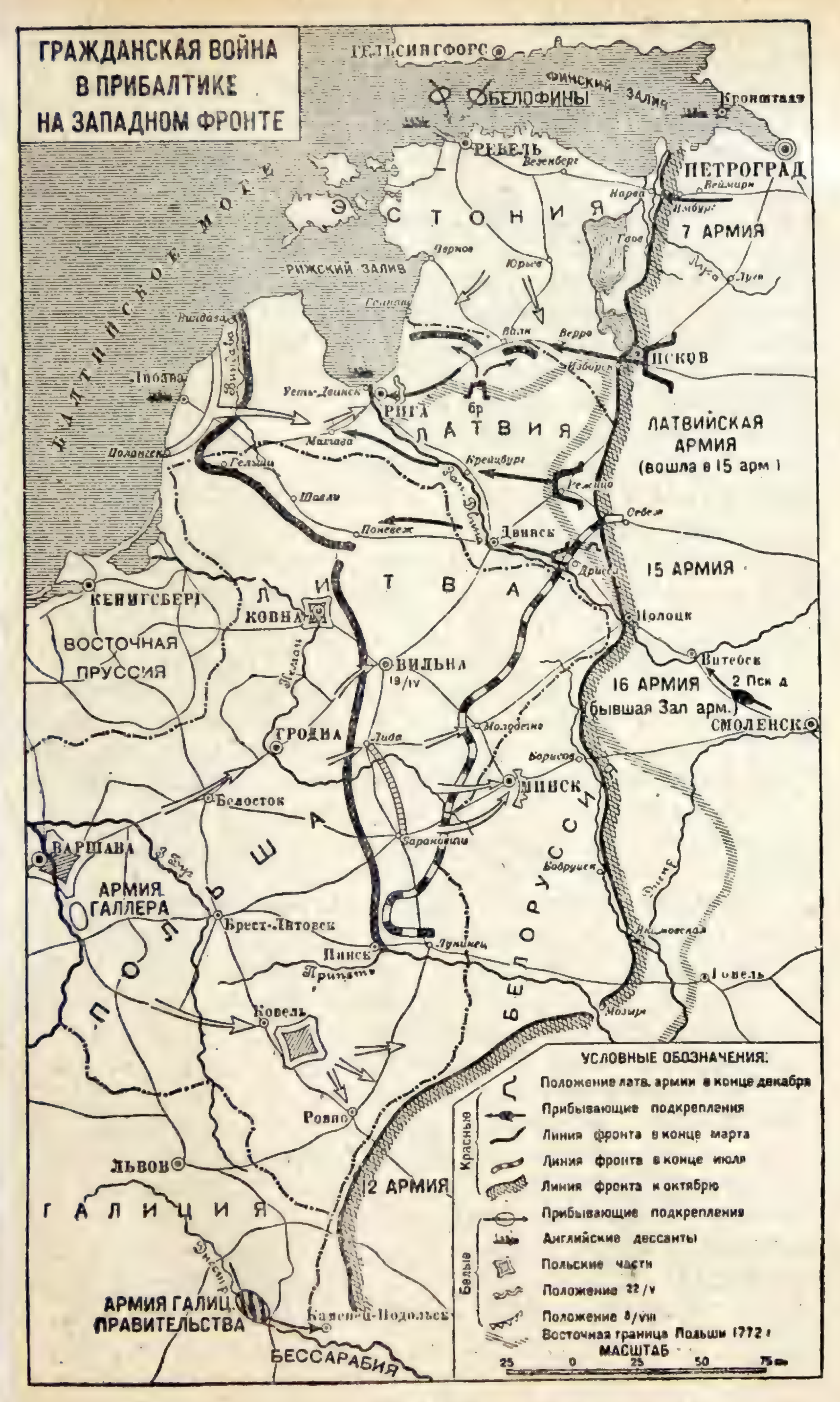

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В ПРИБАЛТИКЕ
НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ
ФИНСКИЙ ЗАЛИВ
БЕЛОФИНЫ
ПЕТРОГРАД
РЕВЕЛЬ
Нарва
7 АРМИЯ
ЭСТОНИЯ
РИЖСКИЙ ЗАЛИВ
Юрьев
Валк
Верро
ПСКОВ
Изборск
Усть-Двинск
РИГА
бр
ЛАТВИЯ
ЛАТВИЙСКАЯ
АРМИЯ
(вошла в 15 арм.)
Крейцбург
Режица
Шавли
Поневеж
Двинск
Себеж
15 АРМИЯ
ЛИТВА
КОВНА
ВОСТОЧНАЯ
ПРУССИЯ
Полоцк
Витебск
ВИЛЬНА
19/IV
16 АРМИЯ
(бывшая Зап арм.)
2 Пск д
СМОЛЕНСК
ГРОДНА
Лида
Борисов
МИНСК
Белосток
ВАРШАВА
ПОЛЬША
Барановичи
Бобруйск
АРМИЯ
ГАЛЛЕРА
Брест-Литовск
БЕЛОРУССИЯ
Пинск
Лунинец
Ковель
Ровно
ЛЬВОВ
12 АРМИЯ
ГАЛИЦИЯ
АРМИЯ ГАЛИЦ.
ПРАВИТЕЛЬСТВА
БЕССАРАБИЯ
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
Положение латв. армии в конце декабря
Красные
Прибывающие подкрепления
Линия фронта в конце марта
Линия фронта в конце июля
Линия фронта к октябрю
Белые
Прибывающие подкрепления
Английские дессанты
Польские части
Положение 22/V
Положение 8/VIII
Восточная граница Польши 1772 г.
МАСШТАБ
25
0
25
50
75

Схема 5.

восставших рабочих была занята Рига, через несколько дней — Митава. В конце января красные части продолжали наступление на Либаву. К марту белые сохраняли уже только незначительную часть Латвии между р. Виндавой и Балтийским морем. Однако такое быстрое продвижение вперед поставило красную латышскую армию в тяжелое положение, так как севернее — эстонские красные части, а южнее — красные части в Литве в своем продвижении сильно отстали от нее. В связи с этим красная латышская армия часть своих сил вынуждена была выделить на помощь обоим своим соседям. Это привело к разброске ее сил и ослаблению основного фронта. Этим воспользовался противник, состоявший из отборных латышских, русских и немецких белогвардейцев. В конце апреля фронт красных частей был прорван. 22 мая после упорной борьбы белые заняли Ригу. В последующие дни части красной латышской армии вынуждены были покинуть всю Латвию и, отойдя в район Себежа, влились в 15-ю Красную армию.

На территории Белоруссии и Литвы наши части к концу марта занимали города Вильно, Лиду, Пинск. На этой линии они были встречены наступлением польских частей генерала Галлера, сформированных во Франции. Численное превосходство дало успех полякам. Мы потеряли сначала Лиду и Барановичи, а затем, не получая пополнений, забираемых на южный и восточный фронт, отошли еще восточнее, к району Минска.

На этом окончилась наша первая попытка наступать на запад. Результатом неудачи было образование на нашей западной границе ряда мелких буржуазных государств — лимитрофов, до сих пор рассматриваемых мировой буржуазией как кордон, отделяющий нас от европейского рабочего класса. Неудачный исход наступления на запад может быть объяснен тем, что, с одной стороны, красные силы, брошенные для выполнения этих задач, были крайне незначительны и не сумели справиться с местными белогвардейцами (бросить большие силы мы не могли в связи с тем огромным оживлением, которое к этому времени дали наши внутренние — восточный и южный — фронты), с другой стороны, факт нашей неудачи крылся и в том,

что основная масса местного населения — крестьянство — не оказало нашим отрядам достаточно активной поддержки.

Рабочий класс этих районов оказался деморализованным годами империалистической войны и диктатурой германской военщины в период оккупации. Количество его значительно уменьшилось. Так, в Латвии до мировой войны имелось около 120 000 рабочих, во время войны в глубь России было из них эвакуировано около 100.000. Разоренное крестьянство, не получая с нашим приходом немедленных осязательных выгод, находилось под влиянием местных националистически настроенных элементов и буржуазии, ободренной мощной поддержкой Антанты и крупным поражением рабочего движения в Германии (разгром спартаковцев в январе 1919 г.). Существенную роль сыграло и прежнее угнетение народностей этих районов русским царизмом. Ненависть к царизму у мелкобуржуазных масс нередко переходила в неприязнь ко всему русскому.

Наша неудача в продвижении на запад сыграла огромную роль в развитии мирового революционного движения. Она не дала возможности соединиться немецкой и русской революциям. Возникшие в этот период советские республики в Венгрии и Баварии, оставленные без поддержки, погибли под натиском врага.

Первые успехи Красной армии на восточном фронте

Тяжелые поражения, понесенные революцией после Брестского мира, имели и обратную сторону. Успех контрреволюции неизбежно ставил трудящиеся массы перед фактом возвращения помещика, капиталиста, генерала, перед фактом восстановления дореволюционных отношений. Такие факты толкали эти массы и основную их толщу — трудовое крестьянство — в сторону революции, на союз с пролетариатом. Осень 1918 г. характерна именно таким поворотом, давшим возможность нам в ряде районов призвать несколько возрастов в армию в порядке воинской повинности и существенно увеличившим наши силы (всего в Красной армии к этому времени насчитывалось около 450 000 бойцов).

4 октября 1918 г., подводя итоги пройденному этапу борьбы, тов. Ленин писал:

«...Перелом наступил. Мы все это знаем, видим и чувствуем. Рабочие и трудящиеся крестьяне передохнули от ужасов империалистической бойни, они поняли и на опыте увидели необходимость войны с угнетателями для защиты завоеванной их революции, революции трудящихся, их власти, советской власти. Армия создается... Армия крепнет и закаляется в боях с чехословаками и белогвардейцами».

Этот перелом в первую очередь испытал на себе белый восточный фронт. Закончив сосредоточение, красные войска перешли здесь в общее наступление на всем фронте. Этому предшествовала попытка белых захватить г. Свияжск с железнодорожным мостом через Волгу. 27 августа отряд полковника Каппеля — 2 300 штыков, 14 орудий, — подойдя от Симбирска к Свияжску на судах, атаковал наши части на правом берегу Волги, но был наголову разбит. Разгром Каппеля поднял дух красноармейцев. 9 сентября под ударами 2-й Красной армии пала Казань. 12 сентября 1-я армия красных овладела Симбирском. 4 октября белые оставили Сызрань. Почти одновременно нами была занята Самара. Все течение Волги вновь стало советским. Поражение белых войск сопровождалось их внутренним разложением. Многие из чехо-словацких частей, поняв, куда ведет их офицерство, отказывались драться с частями Красной армии. Так, 4 октября отряд чехо-словаков в Ставрополе-Самарском отказался повиноваться и, захватив эшелоны, железной дорогой двинулся на Уфу. Мобилизованная учредиловцами под прикрытием чехов «Народная армия» также имела многочисленные случаи разложения, распространявшиеся даже на офицерские части. Ее полки спешно отходили перед фронтом 5-й и 1-й Красных армий, начавших теперь продвижение от Казани, Симбирска и Самары на восток, в заволжские районы. 25 октября фронт красных войск шел уже по линии Пермь—Сарапуль—Мензелинск—Бугульма—Бузулук. К этому времени численность наших армий восточного фронта достигла 58 000 штыков, 5 980 сабель, 265 орудий. Ближайшей задачей им ставился выход на фронт Челябинск—Екатеринбург.

Однако, поставив на уфимском направлении разлагающиеся части «Народной армии» и оренбургских казаков, противник начал усиливать свои части, действующие на пермском направлении против нашей 3-й армии. К концу ноября армия генерала Гайды достигла здесь (район Екатеринбурга) численности 40 000—42 000 штыков, 4 000—5 000 сабель, 100—120 орудий. Ее ближайшая задача заключалась в захвате Перми и выходе на р. Каму с последующим наступлением в направлении Вятки и Вологды на соединение с союзными десантами, занявшими Архангельск и Мурманск. Этим силам 3-я Красная армия могла противопоставить только 30 000 штыков и сабель при 78 орудиях. Такое соотношение сил привело к тому, что в начале декабря 3-я Красная армия вынуждена была перейти к обороне, а затем 24 декабря, оставив Пермь и потеряв значительную часть артиллерии и обозов, в беспорядке начала отход к Глазову, отступив за 20 дней почти на 300 километров. Такой неуспех был уже не только результатом военной неудачи, но и политического состояния армии. Рабочие кадры армии, поредевшие в предыдущих боях, оказались сильно разбавленными мобилизацией местного крестьянства, переживавшего полосу неустойчивых настроений. Военное поражение усилило эти настроения. В армии развились дезертирство, неповиновение, массовая сдача в плен и даже случаи перехода к белым. Между тем дальнейший отход этой армии ставил в серьезное положение весь восточный фронт и создавал угрозу г. Вятке. В связи с этим ЦК ВКП(б) для приведения армии в порядок направил специальную комиссию в составе тт. Сталина и Дзержинского. Усилиями этой комиссии и присланных из центра партийных и рабочих пополнений порядок в армии был быстро восстановлен, и уже в середине января она сумела остановить продвижение противника.

Неудачи на пермском направлении совпали с успехами других армий восточного фронта под Уфой и на путях к Туркестану. 31 декабря 5-я Красная армия заняла г. Уфу, вступив в полосу среднего Урала. 22 января 1-я Красная армия соединилась с Туркестанской (наступавшей из Туркестана) в Оренбурге. 24 января

4-я Красная армия заняла столицу уральского казачества г. Уральск.

Таким образом в результате осенней кампании красные части очистили от белых все Поволжье и подошли к Уралу.

Успехи были огромны, одновременность нашего успеха под Уфой и неудач под Пермью все же свидетельствовала о некотором неустойчивом равновесии на этом фронте и недостатке наших сил для дальнейшего решительного наступления. Между тем Уральский хребет с заводами, в которых были заинтересованы и наши и иностранные капиталисты, был тем военным и политическим рубежом, на котором белые неизбежно должны были дать решающий бой. Закончившая в их глубоком тылу формирование Сибирская армия послужила противнику мощным резервом для этого боя, в то время как красные части, отвлекаемые другими фронтами, серьезными резервами на этом участке не располагали.

На северном фронте зима 1918/19 г. прошла без крупных операций. Этому мешали как суровый климат и бездорожье, так и недостаточные силы для этого каждой из сторон. Однако некоторый перелом здесь все же намечался в нашу пользу. После упорной борьбы 25 февраля нами был взят Шенкурск. Это уже свидетельствовало о потере противником наступательной инициативы.

Разгром Донской армии генерала Краснова

К осени 1918 г. белая Донская армия генерала Краснова занимала всю территорию Донской области.

Не предполагая пока глубокого продвижения в глубь России, Краснов решил для стратегического обеспечения области «Всевеликого войска Донского» занять ближайшие к нему крупные советские дорожные центры — Царицын, Камышин, Балашов, Поворино, Новохоперск, Калач, Богучар. 1 сентября об этом последовал приказ Донского округа.

Действовавшие на этом фронте советские войска к этому времени были уже сведены в три армии: 8-я — у Воронежа, 9-я — у Балашова и 10-я — у Царицына.

Последняя из них, закончив реорганизацию и имея в своем составе 39 645 штыков и сабель при 240 орудиях и 13 бронепоездах, сама готовилась к активным действиям.

Схема 6. Борьба на восточном, северном и южном фронтах во второй половине 1918 г.

Несмотря на то, что наибольшее значение для противника имел Царицын, генерал Краснов все же решил предварительно разбить нашу 9-ю армию и захватить Балашов. Сюда он направил свои главные силы — 22 000 чел.; на Поворино и Воронеж наступала вспомогательная группа в 12 000 бойцов. Со стороны Царицына операцию обеспечивал заслон такой же численности. План генерала Краснова был сорван действиями 10-й Красной армии.

22 августа эта армия сбила заслон противника и, наступая на юг, быстро вышла на линию реки Сал. Вместо движения на север противнику пришлось бросить главные силы против 10-й армии. В середине сентября под действием этих сил 10-я армия была вынуждена отойти снова к Царицыну.

В октябре Краснов возобновил наступление, ведя его одновременно на Воронеж и Царицын.

На царицынском направлении это наступление не получило успеха, зато под Воронежем казакам удалось захватить узловую станцию Лиски и Новохоперск, а у Камышина выйти в тыл Царицыну. На этом кончились успехи казачьих армий. Тяжелая борьба за пределами родной области быстро подорвала боевой дух казачества. Среди казачьих частей началось разложение. Часть полков отказалась повиноваться и разошлась по домам.

Такое состояние донских сил, с одной стороны. совпало с прибытием на южный советский фронт новых резервов, доведших его численность до 124 500 штыков и сабель, 2 330 пулеметов и 485 орудий, с другой — с очищением немцами Украины. Уход немцев открыл с запада левый фланг донских сил. На этот фланг из харьковского направления красное командование напраьило группу Кожевникова (около 20 000 бойцов и 20 орудий).

Не имея возможности отразить удар своими силами, Краснов обратился за помощью к Деникину, успешно развивавшему боевые операции на Северном Кавказе. Последний направил через Мариуполь в район Юзовки офицерскую добровольческую дивизию генерала Май-Маевского (3 000—4 000 чел.). Пока шла переброска этой дивизии, на севере области развернулось концентрическое наступление 8-й, 9-й и 10-й Красных армий против войск генерала Краснова. Последние не оказали серьезного сопротивления. 8 февраля на ст. Арчеда сдалось в плен 7 донских полков, 11 февраля на ст. Котлубань к ним присоединилось еще 5 полков. Уцелевшие остатки Донской армии начали спешный отход вдоль железных дорог от Миллерова на Ростов и от Царицына на Лихую. Двигавшаяся от Старобельска через Луганск на Лихую группа Кожевникова

могла поставить отход донских частей в тяжелое положение. Но эта группа 27 января у Луганска была сама атакована подоспевшей дивизией генерала Май-Маевского.

Наступление белых хотя и было отбито, но оно задержало движение группы Кожевникова и дало возможность остаткам Донской армии отойти на южный берег рек Дона и Донца. Наступление оттепели и разлив рек задержали дальнейшие наступательные действия наших частей, поставив их перед необходимостью совершить ряд новых перегруппировок. Тем временем обстановка на южном фронте быстро менялась.

Неудачи подорвали авторитет генерала Краснова как ставленника немцев и противника Добровольческой армии.

В феврале он был переизбран и заменен на посту донского атамана генералом Богаевским, сторонником Деникина. Армия Деникина к этому времени успела разгромить красные части Северного Кавказа, отбросив их в пустынные Астраханские степи. Это, подняв авторитет Добровольческой армии, заставило донцов признать ее главенство. Деникин вступил в общее командование всеми белыми силами на южном фронте, переименовав их в «Вооруженные силы юга России». Это событие имело уже существенное политическое и военное значение. Политически это означало банкротство мелкобуржуазной казачьей контрреволюции на Дону и подпадение ее под гегемонию помещичье-буржуазной реакции, более непримиримого и последовательного врага пролетарской революции. В военном отношении это означало объединенное командование всеми южными силами белых, действовавших до сих пор разрозненно, и появление против Красных армий южного фронта, уже надорванных прежними боями, свежих частей офицеров-добровольцев и кубанцев с Северного Кавказа. Этим начался новый этап нашей борьбы на южном фронте. Он совпал с тем моментом, когда внимание всей страны было приковано к востоку.

Период от германской революции (ноябрь 1918 г.) до весны 1919 г. в развитии гражданской войны имеет огромное значение. Он знаменует нашу неудачу в по-

ходе на запад и образование барьера из лимитрофных государств, отделяющего германскую революцию от русской.

В свою очередь в течение этого периода окончательно выяснилась невозможность для Антанты раздавить Советскую республику силой собственных войск. Европейский рабочий класс оказался слабым для того, чтобы развить победоносное наступление навстречу русской революции, но он оказался достаточно сильным для того, чтобы связать руки собственной буржуазии в ее попытках раздавить нас непосредственно военной силой. Брошенные в пределы Украины и Крыма французские моряки и солдаты быстро разложились, оказавшись неспособными к подавлению пролетарской революции. Одновременно началось брожение в союзных войсках, высаженных на севере. «Мы отобрали у Антанты ее солдат», подытожил тов. Ленин это явление.

Именно с этого периода явно обозначается крах попыток мировой буржуазии сломить нас путем собственной военной силы. Отныне ее основное внимание переносится на поддержку наших внутренних белогвардейцев и организацию похода против нас пограничных государств.

Внутри страны этот период обозначает окончательный крах мелкобуржуазной контрреволюции и переход руководящей роли в борьбе с нами к открытым реакционным помещичье-буржуазным элементам.

На востоке Колчак сменил эсеровскую директорию и объявил себя правителем и главнокомандующим всеми вооруженными силами России. На юге помещичье-буржуазная Добровольческая армия генерала Деникина окончательно утвердила свою гегемонию над мелкобуржуазными казацкими областями, поставив себе на службу мелкобуржуазную казачью контрреволюцию. На севере диктатура генерала Миллера сменила полуэсеровское правительство Чайковского.

Гражданская война приняла тем самым более ожесточенный и непримиримый характер. Это нашло отражение и в росте вооруженных сил обеих сторон.

Как революция, так и контрреволюция не ограничиваются уже немногочисленными добровольческими от-

рядами. Та и другая, опираясь на созданный в процессе войны государственый аппарат, пытаются поставить под ружье массы населения в порядке обязательной воинской повинности. В строительстве наших вооруженных сил к этому времени относится лозунг Ленина: «Нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь». К концу этого периода на фронтах действовало 312 500 бойцов и 1 697 орудий Красной армии. Им противостояло около 300 000—307 000 бойцов белых армий различных фронтов.

В области внутренней политики в этот период мы имеем дальнейшее оформление и развитие системы военного коммунизма как единственной политики, дававшей в то время возможность использовать все внутренние ресурсы страны для защиты революции. С другой стороны, этот период характеризуется решительным поворотов в сторону прочного союза с середняком. «Теперь уже недостаточно,— говорил тов. Ленин весной 1919 г.,— сделать из этого среднего крестьянина общественный слой, если не активно помогающий революции пролетариата, то по крайней мере не препятствующий нашей работе. Мы вошли в такую стадию социалистического развития, когда обязаны выработать конкретно, детально, на опыте работы в деревне основные правила и указания, какими мы должны руководствоваться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянству стать на почву прочного союза».

Поворот в политике партии в сторону союза с середняком для развития гражданской войны в дальнейшем сыграл решающее значение. Он создал нам прочные основы для формирования массовой армии, исключив эту возможность для наших врагов. Линия на прочный союз с середняком предопределила и ускорила выявление позиции крестьянства в гражданской войне, обеспечив окончательный переход его основных слоев на сторону пролетариата.

V. БОРЬБА НА ВНУТРЕННИХ ФРОНТАХ

Обстановка к весне 1919 года

К весне 1919 г. силы Красной армии, занятые на различных фронтах, насчитывали примерно 450 000 бойцов кавалерии и пехоты при 2 000 орудий.

Эти силы были сведены в 17 армий, которые располагались:

1) 1, 2, 3, 4, 5-я и Туркестанская армии (всего около 100 000 штыков и сабель, 379 орудий) — на восточном фронте.

2) 8, 9, 10, 11, 12-я армии — на южном фронте.

3) 15 и 16-я армии находились на западном фронте.

4) 7-я — на Петроградском.

5) 6-я — на Северном.

6) 1 и 2-я Украинские армии, носившие преимущественно партизанский характер, были заняты освобождением Украины.

Таким образом основная масса сил Красной армии была занята борьбой на внутренних фронтах. На них действовало 14 армий из 17 имевшихся у нас.

Основная масса контрреволюционных сил в свою очередь также группировалась на внутренних фронтах. Всего Красная армия в это время имела перед собой 400 000—420 000 бойцов противника, из которых около 150 000 находилось на восточном и около 80 000 — на южном фронтах.

Уже одно это, делая последние фронты объективно важнейшими, обусловливало развитие на них в течение весны и лета наиболее активных операций. Этому благоприятствовала и политическая обстановка. Англо-французский империализм, оказавшись не в состоянии

Схема 7. Положение на фронтах к весне 1919 г.

двинуть против нас собственные силы, поставил основную ставку на внутренние фронты и принимал все меры к их активизации, оказывая им мощную помощь. Внутри страны весной и летом 1919 г. крестьянство пережило очередную полосу колебаний, вызванных трудностями революции (продразверстка) и особо сильных в районах, непосредственно соприкасающихся с восточным и южным театрами военных действий.

Эти обстоятельства в основном определили тот грандиозный и напряженный характер боевых операций, которые развернулись в этот период на внутренних фронтах.

Наступление Колчака

К марту 1919 года Красные армии восточного фронта вплотную подошли к Уральскому хребту.

4-я армия заняла фронт от Каспийского моря через ст. Сломихинскую до Илецкого городка, имея в своем составе до 16 000 бойцов.

На участок Илецк — Актюбинск — Орск вышла Туркестанская армия — 12 800 бойцов.

На фронте Орск — Стерлитамак расположилась 1-я армия—20 000 бойцов.

Севернее этой армии, между Стерлитамаком и Бирском, шел фронт 5-й армии — около 11 000 бойцов.

В районе г. Оса, за промежутком от 5-й армии в 60 километрах, находилась 2-я армия— 22 000 бойцов.

На пермском направлении, по обе стороны железной дороги Пермь—Вятка,— 3-я армия — 27 000 бойцов.

Всего таким образом на восточном фронте наши силы составляли около 110 000 штыков и сабель, 379 орудий и 1 721 пулемет. Эти силы, разбросанные на фронте свыше 1 200 километров, распределялись неравномерно. Наиболее слабым участком у них оказывался центр, где на фронте в 200 километров имелось всего 11 000 бойцов 5-й армии.

Ближайшей задачей войскам восточного фронта ставилось преодоление Уральского хребта. Для этого их южная группа (1-я, 4-я и Туркестанская армии) должна была в кратчайший срок закончить разгром уральского и оренбургского казачества, а затем 1-й армией насту-

пать в направлении на Челябинск, остальными двинуться в Туркестан.

5-я армия должна была наступать от Уфы на Златоуст.

2-я армия наступала с юга на те части белых, которые до сих пор довольно упорно держались против нашей 3-й армии. 3-я армия, единственная из всех армий фронта, получала пассивную задачу — сковать действующие перед ней белые силы.

Большим недостатком такого плана было то, что он не давал ни на одном из направлений нашим частям сильной группировки и требовал большого времени на свое выполнение. Прежде чем 1-я и 5-я армии выходили на чувствительные для противника места в его тылу, белые получали полную свободу действий против нашего северного участка. В то время как наши армии на восточном фронте медленно приближались к Уральскому хребту, белые развернули против них свои силы для решительного наступления. Утвержденный Колчаком план наступления предусматривал нанесение главного удара северным крылом белого фронта в направлении Пермь — Вятка — Вологда. В районе Вологды предполагалось соединение с десантными отрядами союзников, наступавшими от Архангельска, для дальнейших совместных действий с ними против Москвы и центральных революционных районов. Одновременно с этим ударом готовился и второй удар, но меньшими силами, — из района севернее Уфы на Симбирск и Самару.

В этом плане обращает на себя внимание то обстоятельство, что главные силы Колчака направляются не на соединение с уже оформившимся южным фронтом, а на сближение с иностранными интервентами, и это — несмотря на то, что северное направление (отсутствие дорог, лесные пространства, малонаселенность, отсутствие важных центров и т. п.) менее способствовало действиям крупных сил, чем путь, идущий от Уфы к Средней Волге. В таком планировании сказывалась зависимость Колчака от иностранного империализма, отсутствие у него в тылу прочной базы для самостоятельной борьбы с Советами и боязнь крестьянских районов Поволжья.

Для выполнения этого плана силы Колчака располагались следующим образом.

Сибирская армия генерала Гайды сосредоточивалась на северном направлении, примерно на полпути между Пермью и Глазовом, имея в своем составе около 52 000 штыков и сабель при 83 орудиях.

Западная армия генерала Ханжина в количестве 48 000 штыков и сабель со 120 орудиями развернулась на фронте Уфа — Бирск.

Южнее — от Стерлитамака до Каспийского моря — находились армии генерала Белова, уральских и оренбургских казаков, численностью в 35 000—40 000 человек.

В их задачу входили вспомогательные действия против наших 1-й, 4-й и Туркестанской армий.

Такое расположение сил обеих сторон приводило к тому, что на северном направлении против 49 000 штыков и сабель 2-й и 3-й наших армий должны были действовать 52 000 штыков армии генерала Гайды, т. е. почти равные силы.

На центральном уфимско-симбирском направлении 48 000 штыков и сабель Западной армии противника имели против себя всего 10 000 штыков и сабель 5-й Красной армии, растянутой по фронту в 200 километров.

Наконец на южном участке 45 000—48 000 бойцов 1-й, 4-й и Туркестанской Красных армий имели против себя 35 000—40 000 белых. Таким образом противник, имея небольшое общее превосходство (110 000 красных, 120 000—130 000 белых), имел решительное превосходство на центральном направлении. По сравнению с этим наше превосходство на южном участке не имело существенного значения, поскольку этот участок фронта имел в предстоящих действиях второстепенное значение.

Кроме того здесь наши силы были разбросаны на огромном фронте и не были способны на быстрые решительные действия. Между тем успех противника на центральном направлении грозил выходом его Западной армии к Симбирску и Самаре, перехватом среднего течения Волги и разгромом тылов наших южных армий. Все это не замедлило сказаться в начавшейся операции.

В 20-х числах февраля, выполняя частную операцию по обеспечению левого фланга ударной группировки (армия генерала Гайды), противник нанес сильный удар правому флангу 2-й Красной армии и отбросил его к Сарапулю.

В начале марта, используя этот успех, перешли в наступление главные силы Колчака. В течение марта, преодолевая сопротивление 2-й и 3-й Красных армий, Сибирская армия генерала Гайды продвинулась примерно до Глазова и устья реки Вятки. Ее продвижение, как и следовало ожидать (бездорожье, малое превосходство в силах), было медленно и не оказало существенного значения на положение всего восточного фронта. Основная задача армии — соединиться с главными силами северного белого фронта — выполнена не была. Дальнейшее ее наступление было задержано частями 2-й и 3-й Красных армий.

Гораздо больше эффекта дал удар белой Западной армии, хотя в расчетах Колчака она не играла решительной роли. Эта армия, перейдя в наступление 6 марта, охватила открытый левый фланг 5-й Красной армии, а затем легко опрокинула в четырехдневных боях и главные силы последней. Четверное превосходство белых сказалось решительным образом. 4 апреля противник занял Стерлитамак, 6 апреля — Белебей и подходил к Чистополю, где были сосредоточены большие хлебные запасы для голодных центров. Остатки 5-й Красной армии поспешно отходили на Симбирск и Самару. Занятие Стерлитамака создавало угрозу главным силам 1-й и Туркестанской армий, а дальнейшее продвижение белых на запад вело их уже на линию Волги, лишая нас богатого хлебом Поволжья. Потеря Поволжья была чревата для Советской страны самыми тяжелыми последствиями.

Восточный фронт снова, как и в 1918 г., становился наиболее опасным. Это приковало к нему внимание партии и рабочего класса всей страны. На отпор Колчаку были мобилизованы все силы. В распоряжение фронта были переданы две новых дивизии и около 22 000 чел. пополнений. 22 губернии послали на фронт многочисленные партии мобилизованных комунистов,

комсомольцев, членов профсоюзов и отряды добровольцев.

Прибытие этих пополнений и поворот в настроениях середняка, увидевшего в успехах Колчака возврат помещика, быстро преобразили части восточного фронта. Упадочнические настроения сменились сознанием необходимости скорейшего уничтожения Колчака.

Это дало возможность приступить на фронте к подготовке решительного контрманевра против колчаковских армий.

Контрнаступление южной группы тов. Фрунзе

Выполнение контрманевра возлагалось на южную группу армий (1-я, 4-я, Туркестанская, а впоследствии и 5-я армии) под руководством М. В. Фрунзе. Общей задачей этой группы ставилось «разбить ударом с юга на север силы противника, продолжающие теснить 5-ю армию, собрав для этого кулак в районе Бузулук — Сорочинская — Михайловская (Шарлык)».

Проведение этой операции М. В. Фрунзе представляет собой один из самых ярких и поучительных примеров правильного построения и руководства операцией.

Первоначально глубоким ударом из района Бузулук на Уфу тов. Фрунзе предполагал начисто срезать весь клин противника, выдвинувшийся к Волге. Для этого предполагалось довести ударную группу, собираемую в районе Бузулука, до 26 000 штыков и сабель.

Большая неустойчивость, проявленная 5-й армией, прикрывавшей Волгу с фронта, изменяет намерения тов. Фрунзе. Значительная часть резервов идет на усиление 5-й армии. Силы этой армии возрастают до 24 000 бойцов.

В результате ее возрастающего сопротивления продвижение противника замедляется, но это уменьшает ударную группу до 11 000 штыков. Учитывая такое соотношение сил, тов. Фрунзе изменяет направление наступления ударной группы. Вместо удара по глубоким тылам удар наносится непосредственно во фланг наиболее сильной — бугурусланской группы белых.

К 25 апреля противник достиг наибольших успехов. Им к этому времени были заняты Чистополь, ст. Челны,

Схема 8. Операции против Колчака весной и летом 1919 г.

Сергиевск, Бугуруслан, Шарлык. Одновременно, воспользовавшись нашим вниманием к армии генерала Ханжина, оренбургские и уральские казаки проявили большую активность, и, потеснив часть 4-й и Туркестанской армий, близко подошли к Оренбургу, окружив оставшиеся в Уральске части 22-й дивизии.

Эти успехи однако уже в значительной степени исчерпали силы противника. Наступавшая ранее компактно, теперь армия Ханжина разбросалась на фронте 200—250 километров между Чистополем и Бузулуком. Против нашей 5-й армии оказались ее 2-й и 3-й корпуса (около 20 000 штыков), против ударной группы (Туркестанской армии) — части 6-го и 3-го корпусов (около 10 000 штыков). Против 1-й армии находились 5-й, 4-й и часть 6-го корпусов (всего около 14 000 штыков).

В районе Белебея находился резервный корпус генерала Каппеля — около 5 000 бойцов. С этим корпусом противник насчитывал около 45 000 бойцов против примерно 50 000 бойцов наших армий.

В конце апреля наши армии перешли в наступление. 5-я армия наступала прямо на восток, Туркестанская отрезала сообщение противника от Белебея. 1-я армия наступлением на северо-восток обеспечивала операции 5-й и Туркестанской армий. 4-я должна была сдержать белых в оренбургском и уральском районах. Нашим успехам на главном направлении предшествовал яркий, но частный успех в оренбургском районе. Наступавшая сюда армия генерала Белова для скорейшего овладения Оренбургом ввела в дело 14-й корпус генерала Бакича, бывший до сего времени у нее в резерве. Корпус, переправившись через р. Салмыш, повел наступление на Оренбург с северо-востока, но, атакованный с севера во фланг частями 20-й красной дивизии между 22—25 апреля, был разбит. Значительная часть корпуса во время боев перешла на нашу сторону. Этот факт показал всю неустойчивость колчаковских частей и перемену в настроении местного крестьянства в нашу пользу.

Противоречие между крестьянским составом белой армии и помещичье-буржуазным руководством Колчака дало свои первые результаты.

28 апреля последовал наш успех на главном направлении: части 5-й и Туркестанской армий у Бугуруслана разгромили 3-й корпус противника. Разгром вновь начался переходом на нашу сторону целого полка белых. Хотя этот успех сразу и не сказался на северном участке 5-й армии, где мы в этот день были несколько потеснены к Волге, тем не менее участь Колчака была предрешена. Левый фланг 1-й армии в эти дни значительно продвинулись вперед, на Белебей, угрожая глубоким тылам противника.

В последующие дни наступление южной группы тов. Фрунзе развивалось успешно. В первых числах мая ее усилия сосредоточились против Сергиевской группы противника. 4 мая нами был занят Бугуруслан и ст. Абдулино на Самаро-Златоустовской железной дороге. 5 мая пал Сергиевск. 2-му корпусу белых пришлось спешно отходить на Уфу вдоль Бугульминской железной дороги.

Не желая дать противнику уйти на Уфу, тов. Фрунзе уклонил наступление наших главных сил на северо-восток наперерез отступающему противнику. 1-я армия, удерживая Оренбург левым флангом, получила приказание наступать на ст. Шафраново, Туркестанская — прямо на Белебей. 5-я армия должна была захватить в тылу белых ст. Дымка. Этот замысел не вполне удался из-за крайне поспешного отхода противника и малой подвижности наших частей.

13 мая, преследуя противника, 5-я армия заняла Бугульму. В средине мая части 1-й и Туркестанской армий вступили в районе Белебея в бой со свежим резервным корпусом белых под командованием генерала Каппеля. Сопротивление каппелевцев было непродолжительно. 17 мая, под угрозой окружения с севера и юга, белые очистили Белебей и отошли на Уфу.

Взятием Белебея заканчивается первый этап разгрома Колчака. Этот этап весьма поучителен. Успехи белых в основном были построены на использовании очередных колебаний крестьянских масс, нарушивших стойкость наших частей. Измотанные красные части первоначально были легко смяты. Противник одержал крупный успех, который при благоприятных условиях мог превратиться в катастрофу всего красного фронта. Но этому поме

шали, с одной стороны, быстро обнаружившиеся противоречия между колчаковщиной и крестьянством, вызвавшие даже в момент успехов разложение белых войск и переход части их на нашу сторону, с другой — колоссальная организующая роль партии, комсомола и передовых рабочих. Именно они, прибыв на фронт, вдохнули в войска решимость бороться до конца, заменив упадок духа боевым подъемом. Оперативная работа наших войск нашла талантливого руководителя в лице М. В. Фрунзе.

Его операция является образцом контрманевра в сложной обстановке с использованием малейших ошибок противника.

Освобождение Урала

После того как колчаковская угроза Поволжью была устранена, перед армиями восточного фронта встала новая задача — освободить Урал. Обстановка требовала скорейшего выполнения этой задачи и полного разгрома Колчака. Между тем крупные успехи в борьбе за Поволжье вызвали у наших частей некоторое замедление в развитии дальнейших операций, чем давалась противнику передышка для дальнейшей борьбы.

25 мая тов. Ленин телеграфировал Реввоенсовету восточного фронта (Гусев, Лашевич, Юренев): «Если мы до зимы не завоюем Урала, то считаю гибель революции неизбежной; напрягите все силы, следите внимательно за положением, мобилизуйте поголовно все прифронтовое население, следите за политработой... Вы отвечаете за то, чтобы части не начали разлагаться и наступление не падало».

Телеграмма ускорила развитие последующих операций восточного фронта.

Между тем Колчак после первого поражения не считал свое дело окончательно проигранным и готовил встречное наступление. Для этой цели им у устья р. Белой, севернее г. Уфы, сосредоточивались шесть свежих полков. Другая ударная группа белых сосредоточилась южнее Уфы. Ударами этих групп белые думали опрокинуть наши наступающие части, рассчитывая на их расстройство прежними боями.

В свою очередь красное командование, выполняя

указания тов. Ленина, намеревалось покончить с белой уфимской группой решительным ударом с юга.

Такие решения сторон, в период между 28 мая и 16 июня, привели к боям в уфимском районе. В этих боях решительный успех одержала 5-я армия. 29 мая она разбила во встречном бою северную группу белых, форсировав на следующий день р. Белую, 7 июня ее части заняли Бирск. Это облегчило продвижение как ее северному соседу — 2-й армии, так и южному — Туркестанской армии. 4 июня Туркестанская армия подошла к р. Белой в районе Уфы. В ночь с 7 на 8 июня, несмотря на упорное сопротивление противника, она переправилась, и 9 июня овладела Уфой. Белые, потеряв свыше 25 000 человек, начали спешный отход к Златоусту.

Шестью свежими, введенными в этих боях в дело полками были исчерпаны все готовые резервы противника. В тылу у него остались лишь три только что начавшие формироваться дивизии.

Одновременно с успехами на центральном направлении северная группа красных армий (2-я и 3-я) вышла на рубеж р. Камы.

Положение в оренбургской и уральской областях оставалось прежним.

Такая обстановка требовала стремительного развития наших успехов. К этому склонялось командование и Реввоенсовет восточного фронта. Против этого решительно возражали главком (Вацетис) и председатель Реввоенсовета республики (Троцкий). Взамен решительного наступления последние предполагали остановить восточный фронт на достигнутом рубеже, перейти на нем к обороне и перебросить значительную часть сил на юг, где в это время Деникин одержал ряд крупных побед. Вопрос был поставлен перед ЦК ВКП(б). ЦК стал на точку зрения востфронта, решив прежде всего добить Колчака. Это решение ускорило нашу победу в гражданской войне: на Деникина мы обратились главными силами тогда, когда Колчак уже не представлял большой силы [1].

---

[1] Разногласия о характере действий на востоке у Главкома имели в основе военно-технический характер. У Троцкого они вытекали из его политической концепции. Видя спасение нашей револю-

Между тем в дни, когда Троцкий предлагал здесь оборону, соотношение сил выглядело так: 4-я Красная армия (в Уральской области), в составе 13 000 штыков и сабель, имела против себя 21 000 штыков и сабель (из них 15 000 конницы) белых.

1-я армия численностью в 11 000 бойцов действовала против группы противника такой же силы.

5-я армия, в которую теперь вошла и Туркестанская армия, имела 29 000 бойцов. Против нее действовала попрежнему армия генерала Ханжина, уменьшившаяся в численности до 18 000 штыков и сабель, сильно подорванной боеспособности. Севернее — 2-я Красная армия — 21 600 бойцов — теснила группу противника в 14 000 штыков и сабель.

На пермском направлении против 29 000 бойцов 3-й армии противник располагал 23 000 бойцов генерала Гайды. Таким образом общая численность белых была еще значительней, но некоторое превосходство было на нашей стороне. Наиболее выгодно это превосходство складывалось на участке 5-й армии. Здесь же был и наиболее удобный для развития действий крупными силами участок Уральского хребта.

Прямое направление 5-й армии выводило ее на центр среднего Урала — г. Златоуст. В этом направлении и было решено нанести очередной решительный удар Колчаку. В свою очередь и противник не думал отступать без боя. Для обороны Златоустовского района он на линии железной дороги Уфа — Златоуст сосредоточил еще довольно сильный корпус генерала Каппеля; на почтовом тракте Бирск — Златоуст стоял мало боеспособный уральский белый корпус. В районе самого Златоуста стояли на отдыхе 2½ пехотных дивизии.

Против этих сил командование 5-й Красной армии построило свои действия необычайно искусно. Главный удар было решено развить по бирскому тракту и идущей параллельно ему долине р. Юрезани, выводящих на

ции в конечном счете лишь в государственной поддержке западного пролетариата, он в эту пору гражданской войны считал нашей задачей лишь как-нибудь отбиться от наседающих врагов и продержаться до того момента, как вспыхнет революция в капиталистических странах, но не задаваться столь решительными целями, как полного уничтожения белых собственными силами.

тылы основных белых сил. Здесь на участке в 30 километров для наступления было сосредоточено 15 стрелковых полков (27-й и 26-й дивизий). Вдоль линии железной дороги продолжали наступать 3 стрелковых и 2 кавалерийских полка. Южнее железной дороги на фронте в 90 километров растягивалось всего шесть полков. Значительный участок фронта между трактом и железной дорогой, идущий по горной, бездорожной лесной местности, совсем обнажался от войск. Так достигалось сосредоточение превосходных сил на важнейшем направлении. Такой план принес полную победу 5-й Красной армии. В ночь с 23 на 24 июня ударная группа армии (15 полков) переправилась через р. Уфу у бирского тракта и, сбив части противника, двинулась на Златоуст. Это наступление развивалось в тяжелых условиях, особенно для 26-й дивизии, шедшей долиной реки Юрезань, местами без всяких дорог.

1 июля 26-я дивизия вышла на подступы к Златоусту и атаковала сосредоточенные здесь резервы противника. Через 2 дня подошла 27-я дивизия. Совместными усилиями обеих дивизий противник был разбит и отброшен к Златоусту. Выход наших сил в район Златоуста ускорил отход белых перед нашими северными армиями, содействуя в то же время перелому операций в нашу пользу и на туркестанском направлении. Разбитая армия генерала Ханжина спешно отступала к Челябинску.

Поражение на фронте усилило разложение в войсках и в тылу Колчака. Белые армии таяли от массового дезертирства. Попытка Колчака двинуть вновь в бой чехо-словацкий корпус, успеха не имела. В тылах Колчака выросло мощное партизанское движение, особенно сильное в Енисейском крае. Смелые действия партизанских отрядов нарушили всякую нормальную жизнь тыла. Борьба с ними требовала отрыва больших сил от фронта.

Конец колчаковщины

В таких условиях последовала очередная попытка Колчака остановить наступление Красных армий. В район г. Челябинска были подтянуты последние белые

резервы — три не успевших доформироваться дивизии. 30 июля белые под Челябинском перешли в наступление с трех сторон против сильно выдвинувшейся вперед 5-й армии, потеснив некоторые ее части. Однако 5-я армия, укрепленная еще с весны прочными и стойкими кадрами рабочих и коммунистов, встретила это наступление жестоким отпором. 1 августа бои шли с переменным успехом, 2 августа севернее Челябинска мы имели уже полную победу, уничтожив начисто несколько белых полков, а в следующие дни противник находился уже в полном отступлении, оставив в наших руках около 15 000 пленных.

Челябинское поражение окончательно сломило силы колчаковских армий. Новое заметное сопротивление они попытались оказать уже только в районе Петропавловска, когда выход Красных армий поставил под непосредственную угрозу г. Омск, являвшийся центром сибирского казачества, еще не совсем отмежевавшегося от Колчака. На восток за Омском начиналась сплошная полоса крестьянских восстаний. Потерять Омск, а с ним казачью территорию, для белых означало потерять всякую надежду на дальнейший успех. Колчак поставил последнюю ставку. Мобилизовав в казачестве все, что можно, он довел свои силы под Петропавловском до 29 000 штыков и сабель, с 60 орудиями. Между тем 5-я Красная армия, действовавшая против этих сил, имела лишь 24 000 бойцов, утомленных предыдущими боями[1]. В первых числах сентября развился контрудар белых. Охваченная белой конницей справа, 5-я Красная армия к 1 октября вынуждена была главными силами податься назад и отойти за р. Тобол, за которой и сдержала дальнейшее наступление противника. Значительный успех противника поднял на ноги все местное население. Крестьянство, не говоря о рабочих, испытав на себе правление Колчака, никак не хотело его возврата. В части 5-й армии начался приток добровольцев. Объявленный призыв населения в армию прошел необычайно дружно. В половине октября 5-я армия имела в своем составе уже 37 000, которым

[1] К этому времени в составе восточного фронта остались только две армии — 5-я и 3-я, 1-я и 4-я армии вошли в состав туркфронта, 23-я — была переброшена на южный фронт.

противник при всем нажиме мог противопоставить только 31 000 чел., и то мало надежных.

14 октября началось новое наступление красных частей, сломившее последнее сопротивление белых. 14 ноября наши части заняли Омск с многочисленными запасами колчаковских армий. 22 декабря в наши руки перешел Томск. 6 января под Красноярском были настигнуты и взяты в плен остатки колчаковских армий (около 20 000 чел.). 15 января Колчак и его первый министр генерал Пепеляев были выданы чехо-словаками Политическому центру — власти, образовавшейся в Иркутске перед приходом красных войск.

6 февраля Колчак и Пепеляев были расстреляны по постановлению военно-революционного комитета. 7 марта красные войска вступили в Иркутск.

Борьба на восточном фронте поучительна во многих отношениях. Весь этот грандиозный фронт, создавший серьезную опасность самому существованию советской власти, вырос под непосредственным прикрытием англо-французской интервенции в лице чехо-словацкого корпуса.

Выступление чехо-словаков совпало с колебаниями поволжского и уральского крестьянства, находившегося под сильным влиянием эсеров. Этим объясняется тот факт, что широкие крестьянские массы не дали решительного отпора выступлениям чехо-словацких частей, а под прикрытием последних на первый план выплыли эсеровские правительства (самарское, омское, уфимское), пытавшиеся организовать «народные», «демократические» армии против большевиков. Легкий разгон эсеровских правительств Колчаком показал, с одной стороны, всю непрочность их влияния на массы, а с другой — их неспособность к руководящей роли в гражданской войне.

Выступившая затем военная диктатура адмирала Колчака быстро вошла в коренные противоречия с крестьянством. Крестьянские восстания разъели тыл и фронтовые силы Колчака, но они дали решительный результат лишь в связи с блестящими победами Красной армии на противоколчаковском фронте. Без этого крестьянское движение, как бы оно сильно ни было, осуждено было бы на поражение.

Колчаковщина не располагала массовой базой внутри страны. Отсюда — шаткость ее вооруженных сил и стремление опереться в борьбе с большевиками не столько на свои собственные силы или силы других контрреволюционных внутренних групп, сколько на непосредственную вооруженную помощь Антанты. Именно стремление к последней обусловило весной 1919 г. нанесение главного удара северным крылом фронта в направлении Пермь—Вятка, хотя сам по себе этот район и был крайне неудобен для действия крупными силами.

Красные силы вырастали и оформлялись в процессе борьбы на восточном фронте. Этот фронт был первым, поставившим во весь рост необходимость перехода строительства вооруженных сил революции на регулярные начала. Весной 1919 г. Красная армия, отражая крестьянские настроения, пережила жестокий кризис. Этот кризис был быстро преодолен усилением ее партийных и рабочих кадров, сковавших части в крепкие организмы и мобилизовавших крестьянские массы против помещичье-буржуазной реакции и кулачества. Только этим можно объяснить быстрое восстановление боеспособности 3-й армии в январе, а 2-й и 5-й в марте — апреле 1919 г.

Борьба с Деникиным

Начало весенней кампании на южном фронте характеризовалось вступлением в командование всеми контрреволюционными силами генерала Деникина, опиравшегося на Добровольческую армию. Это обуславливалось с одной стороны поражением Донской армии в начале 1919 г., деморализовавшим казачьи верхи Дона и толкнувшим их на союз под гегемонией генерала Деникина. Другой причиной было то, что к этому времени германский империализм был разбит, а с ним рухнула опора красновских кругов Дона, противопоставлявших самостоятельность Дона Деникину.

Пришедший на смену германского империализма англо-французский империализм ставил ставку на Деникина как на представителя всероссийской контрреволюции и оставшегося «верным» союзником во време-

на германской оккупации. Казачьи территории, на которых действовал Деникин, по соглашению союзников от 23 декабря 1917 г. вошли в сферу влияния Англии. Французы в начале 1919 г. пытались утвердиться на Украине путем переброски туда своих отрядов.

Это развязало руки англичанам в своей зоне и на время вынесло противоречия между союзниками за пределы территорий Дона и Северного Кавказа.

Англичане приняли деятельное участие в объединении казачества с Добровольческой армией и заняли руководящую роль при Деникине.

За счет запасов, оставшихся от мировой войны, англичане начали обильное снабжение Деникина вооружением и снаряжением. Новороссийский порт превратился в главную базу деникинских сил, опиравшихся материально на англичан.

В начале 1919 г. деникинские вооруженные силы состояли из двух армий: а) Кавказско-добровольческой, куда входили добровольческие, кубанские, терские полки и небольшие отряды горцев и б) Донской, состоявшей из донских частей.

В январе, когда Донская армия была еще на высоте Царицына, а поражение Красных армий на Северном Кавказе уже определилось, в ставке Деникина было решено начать переброску главных сил Кавказско-добровольческой армии в район Царицына с последующим наступлением ее вдоль Волги на соединение с колчаковским фронтом.

Однако до конца февраля этой переброски произвести не удалось. В конце же февраля обстановка на Дону резко изменилась.

Донская армия была смята и едва удерживалась на рубежах рек Дона, Сала и Маныча. Главные силы армий красного южного фронта двигались в Донецкий бассейн, охватывая Донскую армию с запада.

Переброшенный в Донбасс добровольческий отряд генерала Май-Маевского вел упорные бои с наступавшей здесь группой Кожевникова и начинал уже сдавать. Восточнее, на линию Дона и Донца, выходила 8-я и 9-я Красные армии. Наступавшая от Царицына вдоль железной дороги на Тихорецкую 10-я Красная армия только еще подходила к линии реки Сал и пока не

создавала непосредственной угрозы ни ростовскому району с востока, ни Кубани — тогдашней базе Деникина — с севера.

Такая обстановка по-иному ставила вопрос о выборе главного направления наступления белых. Наступление через Царицын требовало прочного удержания района Ростова. На последнее, учитывая состояние Донской армии, Деникин твердо не рассчитывал. Между тем взятие Ростова красными ставило под удар основные районы Кубани и пути на Новороссийск, откуда шло снабжение деникинских войск англичанами. Исходя из этого, Деникин изменил решение: главные силы Кавказско-добровольческой армии начали переброску не на Царицын, а в Донбасс, на поддержку левого фланга Донской армии. Удержание Донбасса в руках белых помимо этого имело огромное и экономическое значение. Оно повышало удельный вес Деникина за границей, служа известной гарантией за отпускаемые ему кредиты; лишая угля советские республики, оно ставило в тяжелое положение все их хозяйство.

К середине марта основные силы Кавказско-добровольческой армии были переброшены в Донецкий бассейн, образовав вместе с Донской армией сплошной антисоветский фронт.

Группировка белых сил была следующей:

а) в Донбассе, на фронте от Азовского моря до ст. Колпаково, расположилась Кавказско-добровольческая армия (около 12 000 штыков и сабель). В тылу у нее, у г. Шахты (б. Александровск-Грушевск), сосредоточивались только что прибывшие с Северного Кавказа конные дивизии генералов Шкуро и Покровского;

б) от Луганска до Дона, прикрываясь р. Донцом, располагались главные силы Донской армии (12 000—13 000 бойцов);

в) восточнее, от р. Дона до р. Маныча, находилась группа генерала Мамонтова (донцы) в 5 000—6 000 бойцов. Южнее ее, между Торговой и с. Дивным, прикрывая путь на Кубань, занимала фронт группа генерала Кутепова, состоявшая преимущественно из кубанских частей, около 9 000—11 000 чел. Общая численность «вооруженных сил юга России» достигала 42 000—45 000 штыков и сабель. Качественно эти части, особенно

Кавказско-добровольческая армия, состоявшая в огромном проценте из офицеров, стояли на высоком уровне.

Красные части, не успев к этому времени добить Донскую армию до соединения ее с силами Деникина, занимали следующее положение:

а) в районе Юзово-Бахмут — 13-я армия (бывшая группа Кожевникова) — 20 000—25 000 штыков и сабель;

б) между Луганском и ст. Каменской по обеим берегам р. Донца — 8-я армия — около 20 000 штыков и сабель;

в) далее до Дона шел фронт 9-й армии — около 25 000 бойцов;

г) и наконец, вне непосредственной связи с этими силами, вдоль железной дороги Царицын — Тихорецкая наступала 10-я армия — около 22 000 штыков и сабель.

Всего таким образом мы имели против объединенных сил Деникина около 90 000 бойцов, т. е. двойное численное превосходство.

Однако это превосходство сводилось почти на-нет с одной стороны разбросанностью красных частей на широком фронте, а с другой — их более низкой (чем у белых) боеспособностью (слабая выучка, партизанщина, усталость от прежних боев и т. д.).

Имея с фронта сильные водные преграды в виде разлившихся Донца и Дона, командование красного южного фронта в середине марта решило перебросить главные силы 8-й армии через Донец в Донбасс и отсюда ими и 13-й армией нанести решительный удар белым. В свою очередь Деникин для удержания за собой Донбасса в это же время решил нанести совместными силами добровольцев, кубанцев (Шкуро и Покровский) и части донцов сильный удар на фронте Дебальцево — Луганск.

Этот удар захватил наши части как раз во время перегруппировки и повел к поражению порознь целого ряда дивизий (особенно тяжелое поражение потерпела одна из лучших частей южного фронта — Московская рабочая дивизия).

Этот успех однако не был развит белыми, так как в этот период 10-я Красная армия, выйдя к Великокняжеской, переправившись в ее районе через Маныч, поставила под угрозу тылы Деникина и сообщения его с

Кубанью. Приближение красных частей к границам Кубани вызвало беспокойство и среди кубанских казаков. Для защиты Кубани Деникин снял из Донбасса три лучших конных дивизии (корпус Покровского и одна терская дивизия) и перебросил их на Маныч. Это значительно ослабило белых в Донбассе, вынудив их перейти к обороне. Зато на Маныче белые части под непосредственным руководством самого Деникина перешли в наступление, при чем от Батайска наступала группа Покровского, западнее Торговой группа Кутепова и от с. Дивного 2-й Кубанский корпус генерала Улагая.

Наступлению белых значительно помогло одно обстоятельство. До этого времени наша 10-я армия шла прямо на юг — на ст. Тихорецкую, теперь фронтовое командование, желая привлечь эту армию к борьбе за Донбасс, приказало изменить ей направление и вместо Тихорецкой наступать на Батайск, т. е. повернуть на запад, под прямым углом к прежнему направлению. Это потребовало от армии больших перегруппировок, во время которых она и была захвачена ударом белых. Атакованная с фронта генералом Кутеповым, с фланга и тыла — генералом Улагаем, армия быстро сдала и откатилась за р. Маныч. Неудача на Маныче (начало мая) совпала с резкой переменой всей обстановки на южном фронте не в нашу пользу.

В Донбассе в ряде разрозненных атак и наступлений наши армии постепенно потеряли свою наступательную силу и сильно сократились численно. В тылу у красных частей, в районе Вешенской, вспыхнуло восстание казачества, охватившее большой район и оттянувшее на себя около 14 000—15 000 наших войск из состава 8-й и 9-й армий. Это означало временный отход донского казака от революции. Одновременно крестьянство Украины под влиянием кулачества вступило в полосу сильнейших колебаний, не удовлетворившись земельной и продовольственной политикой советской власти. Перешедший в начале весны на сторону советских войск атаман Григорьев восстал теперь против советской власти в районе Одессы. В частях, особенно украинских, сильно развилось дезертирство. Махно, действовавший на нашем правом фланге, почувствовал силу в колебаниях

Схема 9. Положение на южном фронте в середине марта 1919 г.

крестьянства, не выполнил целого ряда ответственных приказаний командования Красной армии. Наоборот, близость советских войск к казачьим территориям, боязнь казачества за землю и расплаты со стороны иногородних за прежнее угнетение сблизили казачество с Добровольческой армией и повысили боеспособность всех белых сил.

Это создало генералу Деникину благоприятные условия для перехода в общее наступление. В середине мая его силы насчитывали уже около 70 000 человек. Несколько меньшей численности были наши силы.

В середине мая белые перешли в решительное наступление по всему фронту. Этим закончился первый период борьбы с Деникиным на южном фронте.

Он поучителен тем, что благодаря еще слабой военной организации мы не сумели добить Донскую армию до подхода добровольческих войск с Северного Кавказа.

Но и тогда, когда большая часть деникинских сил оказалась здесь, мы первое время располагали двойным численным превосходством.

Однако разбросанность наших сил на всем фронте, неопытность нашего командования в управлении крупными войсковыми массами, партизанский характер многих наших частей и наконец высокое военное качество противника не дали нам возможности использовать своевременно это превосходство. Противник бил наши силы по частям, не раз захватывая их в процессе перегруппировок неподготовленными к бою (например, в Донбассе, на Маныче). Это почти уравновесило численно наши силы с противником к маю, когда с одной стороны резко обозначился отход от нас донского казачества и украинского крестьянства на почве продразверстки и ошибок в земельной политике, а с другой — наше внимание было поглощено борьбой с наступлением Колчака, куда ушли все свободные резервы. Однако все же коренной переворот в обстановке на южном фронте весной произвели не наши военные ошибки (они тоже имели значение), а изменение политической обстановки, выразившееся в очередных колебаниях крестьянских масс.

Крестьянские и казачьи волнения в тылах наших

войск отвлекли на себя значительную часть их сил и резко подорвали их политическое настроение.

План весеннего наступления Деникина интересен тем, что каждая из составных частей его сил получала оперативные задачи, близкие к ее политическому характеру и настроению.

Кубанские части, объединенные на Маныче в Кавказскую армию генерала Врангеля, направлялись на Царицын, т. е. действовали на направлении, непосредственно прикрывавшим Кубань со стороны 10-й Красной армии. Донская армия, наступая на север, должна была освободить территорию Дона и соединиться с восставшими казаками в районе Вешенской. Добровольцы, наступая на Харьков и к низовьям Днепра, должны были разбить действовавшие здесь части Красной армии, захватить Донбасс и восточную Украину.

Этими задачами казачьи армии ставились на защиту своих областей. Добровольческая армия, направляясь в важнейшие экономические районы, должна была обеспечить себя собственной территориальной базой и в этом отношении стать независимой от казачества.

Московские планы Деникина

Общее наступление деникинских сил в мае 1919 г. не встретило серьезного сопротивления надорванных прежними боями и начинавших разлагаться политически красных частей. Атакованные с фронта белыми войсками, не встречая при отступлении поддержки местного населения, красные войска быстро сдавали и откатывались к пределам коренных великорусских губерний. Этот откат в большинстве случаев шел без достаточного порядка. Здесь сказывалось и сильное преобладание в рядах противника конницы. Обладая большой подвижностью, белая конница неотступно преследовала наши части, состоящие главным образом из пехоты, легко настигала их и, появляясь даже в незначительных силах на тылах отступающих красных войск, не раз вызывала в их рядах паническое настроение.

В конце июня белые овладели уже Царицыным (в чем им сильно помогли английские танки), заняли почти всю Донскую область, часть Воронежской губер-

нии, Крым и вышли на Украине на высоту Белграда, захватив Харьков.

Силы белых к этому времени частью за счет добровольчества, а в основном за счет привлечения в порядке воинской повинности значительно выросли. Так, добровольческая армия, имевшая в половине мая 9 600 бойцов, насчитывала теперь в своем составе 26 000 бойцов, Донская армия вместо 15 000 насчитывала 28 000 Численность Казказской армии оставалась почти без изменений.

Расценивая свои успехи как крах не только Красной армии, но и всей советской системы, Деникин 3 июля отдал свою «знаменитую» московскую директиву. Эта директива гласила:

«Вооруженные силы юга России, разбив армии противника, овладели Царицыным, очистили Донскую область, Крым и значительную часть губерний Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.

Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю...» Далее ставились задачи.

Кавказской армии генерала Врангеля, выйдя на фронт Саратов — Балашев, наступать на Пензу, Рузаевку, Арзамас, Нижний-Новгород, Владимир, Москву.

Донской армии — наступать на Москву в двух направлениях: а) через Воронеж, Козлов, Рязань и б) через Новый-Оскол, Елец, Волово, Каширу.

Добровольческой армии, обеспечив себя с запада занятием Киева и захватом переправ через Днепр и Десну на участке от Брянска до Екатеринослава, наступать на Москву на центральном направлении через Курск, Орел и Тулу.

Отдельный корпус генерала *Добровольского* направлялся от крымских перешейков к низовьям Днепра и далее на Херсон, Николаев.

Между армиями устанавливались разграничительные линии: между Кавказской и Донской — Калач, граница Донской области, Балашев, Тамбов, Моршанск; между Донской и Добровольческой — Славяносербск, Старобельск, Валуйки, Короча, Кашира.

«Московская директива» генерала Деникина — интереснейший документ гражданской войны. В каждой ее строчке сквозит торжество классового врага, теря-

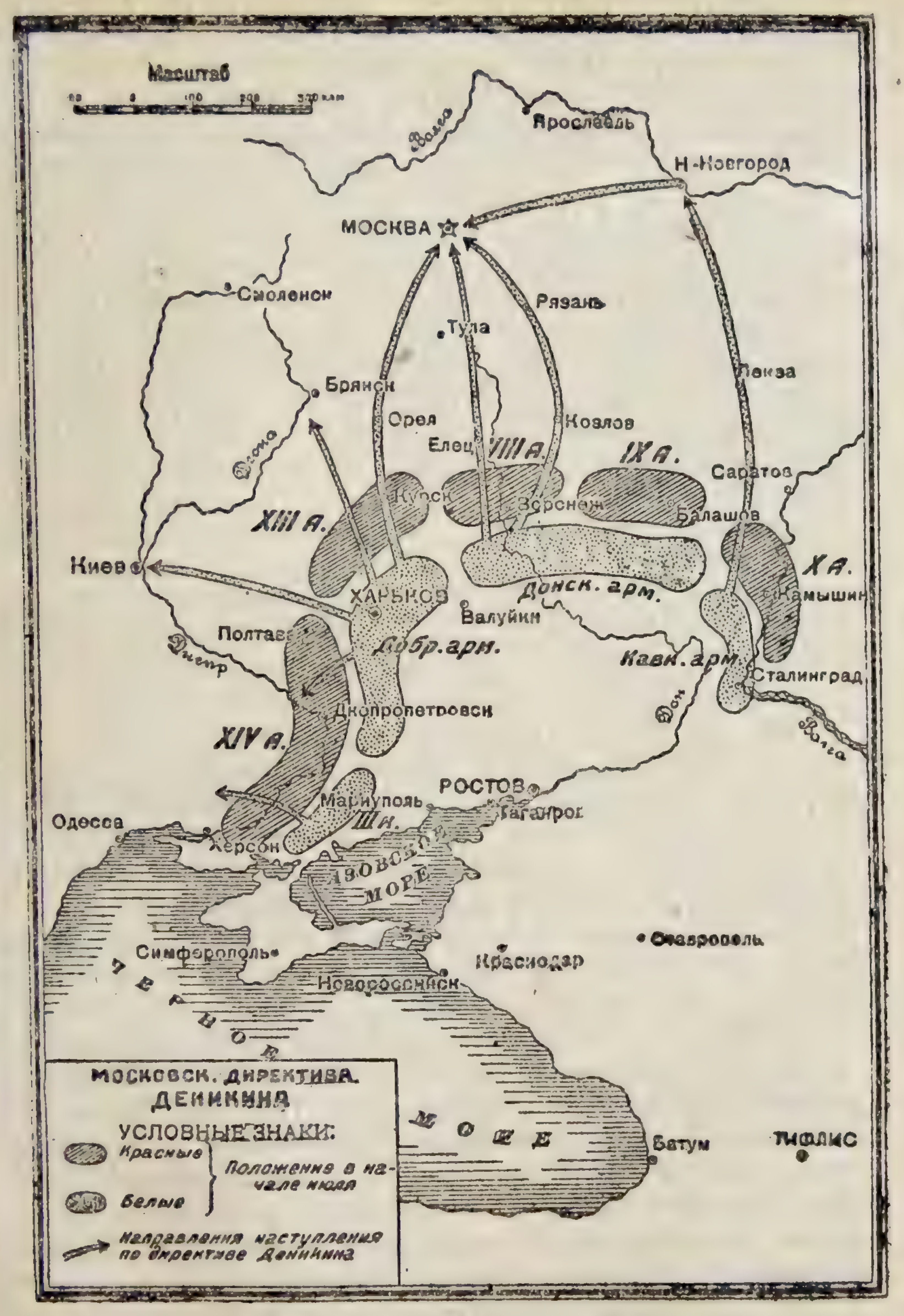

Схема 10. „Московской директивы“ Деникина.

ющего способность смотреть объективно в глаза действительности. Директива дышит уверенностью в победе. Победа связывается с захватом Москвы. До Москвы остается еще от 600 до 1 000 километров, но уже все белые армии южного фронта концентрически нацеливаются на нее: Москва тянет к себе все внимание классового врага. Радужные надежды Деникина подкрепляются наличием в Москве подпольного «национального комитета» (так называлась раскрытая в Москве осенью 1919 г. контрреволюционная организация, готовившая вооруженное восстание). Задачи армиям похожи скорее на задачи на преследование, чем на задачи, предполагающие встретить сколько-нибудь организованное сопротивление противника. В белом лагере потом, после разгрома, не раз зло критиковали оптимизм этой директивы.

Деникин сознается: «Да — пишет он, — я тогда был оптимистом. И это чувство владело всем югом — населением и армиями. Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги». Реальная почва, как видно теперь, была весьма непрочной. Но мог ли это чувствовать классовый враг — помещик, перед лицом возвращающихся имений, кровью и железом усмиренных крестьян; фабрикант — при виде возвращающихся предприятий и перспектив усиленной эксплоатацией разгромленного рабочего класса покрыть все полученные убытки?

Помимо этого непрекрытого торжества, директива полностью отражала и имевшиеся глубокие противоречия в стане южной контрреволюции. Освобождение Донской области поглощало все стимулы для дальнейшей борьбы донских казаков. При выходе за пределы области настроение казачьих полков быстро падало. Москва среди них совсем не была таким пунктом притяжения, как для помещичье-буржуазных кругов Добровольческой армии. Деникин наносил главный удар стыком Донской и Добровольческой армий, думая примером добровольцев потянуть донцов за пределы области. В тылу Деникина его успехи вскрыли противоречия между ним и казачьими верхами. Почувствовав свою силу, казачьи верхи обнаруживали все меньшую склонность

быть на задворках великодержавных помещичье-буржуазных кругов. Широкие массы рядового казачества вступили в острые противоречия с восстанавливаемым на их территории дореволюционным административным аппаратом и офицерско-помещичьим землевладением. Имея большинством своих сил казачество, Деникин вынужден был пока что считаться с его тяготением к самостоятельности. Разграничительные линии внимательно очерчивали территорию Донской области для Донской армии. Но если на востоке эти линии ставили в тяжелое положение тылы Врангеля, сдавливая их у Царицына и не давая им в полное распоряжение ни одной железной дороги, то на западе это шло уже в ущерб Донской армии, от которой для добровольцев старательно отрезывался весь каменноугольный Донецкий бассейн. А все это ставило в тяжелое положение и управление армиями и устройство их тылов.

Директива Деникина не была так выполнима, как он предполагал. Усилившееся сопротивление красных армий на центральном направлении по мере приближения фронта к наиболее революционно настроенной полосе, с одной стороны, падение боевого порыва с выходом за северные границы своей области у донских казаков, с другой — обусловили в последующие недели наибольшее продвижение белых помимо воли Деникина не в центр, к Москве, а на фланговых направлениях — вдоль Волги и в пределах правобережья Украины. К началу августа белые, слабо продвинувшись по направлению к Курску и Воронежу, овладели Камышином — на востоке, Киевом и Одессой — на западе.

Однако уже это продвижение было продвижением в сторону наименьшего сопротивления, вводя белых в полосы широкого крестьянского движения, направленного не только против советской власти, но еще более против буржуазно-помещичьей контрреволюции. Это не замедлило сказаться в последующие дни.

В августе, отступая в глубь центральной России, опираясь на наиболее жизненные для революции районы, получив ряд пополнений и укомплектований как путем общих, так и профессионально-партийных мобилизаций, красные армии не только стали оказывать Деникину уже более стойкое сопротивление, но и попыта-

лись перейти в решительное контрнаступление для его ликвидации[1]. Для этого красные армии южного фронта были сведены в две группы. Группа тов. Шорина из 9-й и 10-й армий с фронта Балашев — Царицын должна была наступать по обоим берегам р. Дона к Ростову-на-Дону с целью занять Донскую область и отрезать сообщение с Северным Кавказом. Численность группы достигала 60 000 штыков и сабель.

Группа тов. Селивачева из 8-й и 13-й армий должна была наступать с фронта Лиски — Обояны на Купянск, обходя Харьков с юго-востока. Численность ее составляла около 40 000 штыков и сабель.

Главный удар наносила группа Шорина. Подготовка красных армий южного фронта к наступлению не осталась незамеченной для противника. Деникин решил сорвать это наступление ударом конного корпуса генерала Мамонтова (около 9 000 сабель) по тылам центральных армий южного фронта (8-й и 13-й). 10 августа корпус Мамонтова прорвался у Новохоперска между 8-й и 9-й Красными армиями и двинулся на Тамбов, Козлов, Елец, т. е. по глубоким тылам южного фронта. Глубокое вклинение Мамонтова однако не сорвало нашего наступления, хотя, порвав связь между группами Селивачева и Шорина и заставив спешно эвакуировать штаб южного фронта из Козлова в Орел, поставило в тяжелое положение управление красными частями.

15 августа началось наступление наших армий. Группа Шорина, успешно опрокинув Кавказскую армию Врангеля и правый фланг Донской армии генерала Сидорина, начала продвижение к Царицыну и среднему течению Дона.

В начале сентября фронт этой группы шел уже по рекам Хопру и Дону, упираясь в Волгу севернее Царицына. Дальнейшее наступление группы тов. Шорина было приостановлено контрманевром Врангеля у Ца-

---

[1] Для этого времени необычайно характерны такие цифры. Тылом армии южного фронта был Орловский военный округ. В мае по этому округу было задержано 16 247 дезертиров, добровольно явилось 504. В июле, после успехов Деникина, было задержано 18 737 дезертиров, добровольно явилось 101 699 чел.

рицына и усилением донских частей перед ее фронтом, путем снятия их с других участков.

Одновременно с наступлением группы Шорина развернулось наступление группы Селивачева. К 1 сентября 8-я армия этой группы глубоким клином вдалась в расположение противника, достигнув Купянска. Угроза Харькову вызвала решительный маневр Деникина против этой группы. Сосредоточив у Белграда сильную группу из добровольческого корпуса генерала Кутепова и конного корпуса генерала Шкуро, Деникин 5 сентября нанес сильный удар во фланг нашим частям, вышедшим к Купянску, и заставил их осадить к северу.

Таким образом наша первая крупная наступательная попытка кончилась неудачей. План этого наступления впоследствии в нашей литературе вызвал решительное осуждение, так как предусматривал главный удар через Донскую область — район особо неблагоприятный для революции. Но такая оценка не во всем правильна. Окончившись неудачей, это наступление тем не менее для дальнейшей борьбы на южном фронте сыграло колоссальную роль. Поставив казаков под угрозу вторжения красных войск в Донскую область, оно привлекло на ее защиту главную массу Донской армии, сделав тем самым невозможной ее помощь добровольческим частям Деникина, наступавшим на Орел. Все попытки генерала Деникина в дальнейшем подтянуть донские части к орловскому участку разбились о нежелание донских частей и их командования ослаблять оборону непосредственных границ области.

«Все мои директивы требовали от Донской армии,— пишет Деникин, — растяжки фронта и сосредоточения сильной группы к левому флангу на воронежском направлении. Это стремление разбивалось о пассивное сопротивление донского командования, и донской фронт представлял линию, наиболее сильную в центре — на Хопре, где сосредоточена была половина донской конницы, и слабую в Лискинском районе, почти исключительно пехотного состава. Это развертывание отвечало стремлению удержать и прикрыть возможно большую часть Донской области, но в корне расходилось с планом операции. Повидимому на стратегию донца Сило-

рина (командующий Донской армией) и российского профессора Кельчевского (начальник штаба Донской армии) производила сильнейший нажим психология донской казачьей массы, тяготевшей к родным хатам».

Это тяготение вряд ли выявилось бы так резко без нашего предварительного удара по Дону.

Решительное сражение на южном фронте

Успех Деникина под Белградом против группы Селивачева собрал ему на курском направлении в ударный кулак всю Добровольческую армию генерала Май-Маевского. Этим кулаком он легко прорвал фронт 13-й Красной армии и двинулся к Курску. Конный корпус Шкуро был двинут к Воронежу, откуда вместе с левым флангом донцов должен был оказать содействие Добровольческой армии в развитии операций на Москву.

Таким образом ходом событий Деникин снова возвращался к своему «московскому» плану.

Первоначально события развивались с исключительной быстротой в пользу белых. К 20 сентября белые заняли Курск, оттеснив к северу от него нашу 13-ю армию, к северо-западу за р. Десну — 14-ю, к северо-востоку — 8-ю. К 13 октября наш фронт здесь шел уже от Чернигова через Кромы, Орел на Елец, при чем все эти города за исключением Ельца были в руках противника. Но это были уже последние успехи противника. Гонясь за пространством и стараясь нанести поражение возможно большему количеству красных частей, Деникин в последующие дни разбросал свой ударный кулак на широком фронте от Ельца до Севска (около 240 километров), сведя на-нет его ударную силу.

В этом положении его и застало контрнаступление Красных армий.

Общая группировка противника перед решительными боями на южном фронте была такова:

В районе Царицына, удерживая этот город за собой, располагалась Кавказская армия генерала Врангеля — около 15 000 штыков и сабель.

К северо-западу от нее, от р. Иловли до г. Задонска, шел фронт Донской армии генерала Сидорина — около 50 000—60 000 бойцов.

На центральном направлении, на фронте от Задонска до Чернигова, действовала Добровольческая армия генерала Май-Маевского — 20 500 бойцов.

Западнее Чернигова и у Киева находилась группа войск Киевской области под командованием генерала Драгомирова — 9 000 бойцов.

В правобережной Украине оперировала группа генерала Шиллинга — около 15 000 бойцов.

Таким образом всего на фронте к моменту решительных боев Деникин имел 105 000—115 000 бойцов. Распределение этих сил совсем не соответствовало тем замыслам, какими задавался Деникин. На северо-восточном крыле его фронта, которое должно было играть второстепенную роль, находилось 70 000—75 000 бойцов, т. е. около 65% всех сил. Главную роль должно было играть центральное направление — Орел—Тула—Москва, но здесь, разбросавшись на фронте в 500—600 километров, находилось всего 20 500 бойцов Добровольческой армии, или меньше 20% всех сил. Остальные силы обеспечивали операции со стороны Киева и Западной Украины. Само положение Добровольческой армии представлялось в виде большого клина, выдавшегося вперед. Такая группировка и положение сил Деникина явились прямым следствием самого социально-политического характера деникинщины. Основу ее составляли офицерские кадры добровольческих частей, настроенные к революции непримиримо и готовые драться с ней до последнего конца. С ними Деникин вышел к Орлу.

Массовые резервы деникинщины — казачество — тяготели к своим областям. Августовское наступление красных частей притянуло эти части к своим границам и, несмотря на все старания Деникина, лишило его возможности двинуть их вместе с добровольцами на центральное московское направление.

В ином положении оказалась группировка красных сил. Красные армии южного фронта к этому времени располагались:

На участке Житомир—Киев—Чернигов — 12-я армия, около 35 000 штыков и сабель.

От Чернигова до Дмитровска — 14-я армия, около 17 000 штыков и сабель.

На фронте Кромы—Орел—Елец — 13-я армия, около 18 000 штыков и сабель.

Далее, от Ельца до Боброва, находилась 8-я армия, около 22 000.

Кроме того в районе Карачева сосредоточивались латышская дивизия, бригады Павлова и Примакова, около 8 000 штыков и 1 500 сабель, бывшие в резерве главкома. К Орлу из Тулы перебрасывалась эстонская дивизия силою в 3 000 штыков.

Вместе с этими резервами силы южного фронта исчислялись в 120 000—123 000 штыков и сабель.

Принимая во внимание, что все эти силы располагались фактически на фронте Добровольческой армии генерала Май-Маевского и киевской группы генерала Драгомирова (всего 29 500), мы получали тройное превосходство над основным военным и политическим ядром врага[1]. Однако, как и весной 1919 г., военное качество и на этот раз было на стороне белых, и понадобился ряд упорнейших боев, чтобы даже при таком превосходстве сломить сопротивление офицерских частей генерала Деникина.

Восточнее южного фронта располагались наши 9-я и 10-я армии, объединенные в юго-восточный фронт и имевшие общей численностью вместе с корпусом тов. Буденного, сосредоточенным в районе Воронежа, около 40 000—42 000 штыков и сабель. Имея здесь перед собой Донскую и Кавказскую армии противника (всего 65 000—75 000), мы на этом фронте уступали ему в численности почти в 1½ раза, имея примерно такое же, как и он, боевое качество.

Тылы сторон перед решительным сражением представляли обратную картину. Наступление Деникина в глубь крестьянских районов Великороссии, где перед революцией были особенно сильны противоречия с помещиками, резко уменьшило колебания крестьянства, толкнув его в сторону рабочего класса. Это на ряду с политикой партии на союз с середняком упрочило

---

[1] Не менее половины сил 12-й армии было обращено в сторону поляков и не могло принять участия в борьбе с Деникиным. Значительная часть 8-й армии приходилась против участка Донской армии и также не могла быть учтена при борьбе с Добровольческой армией Май-Маевского.

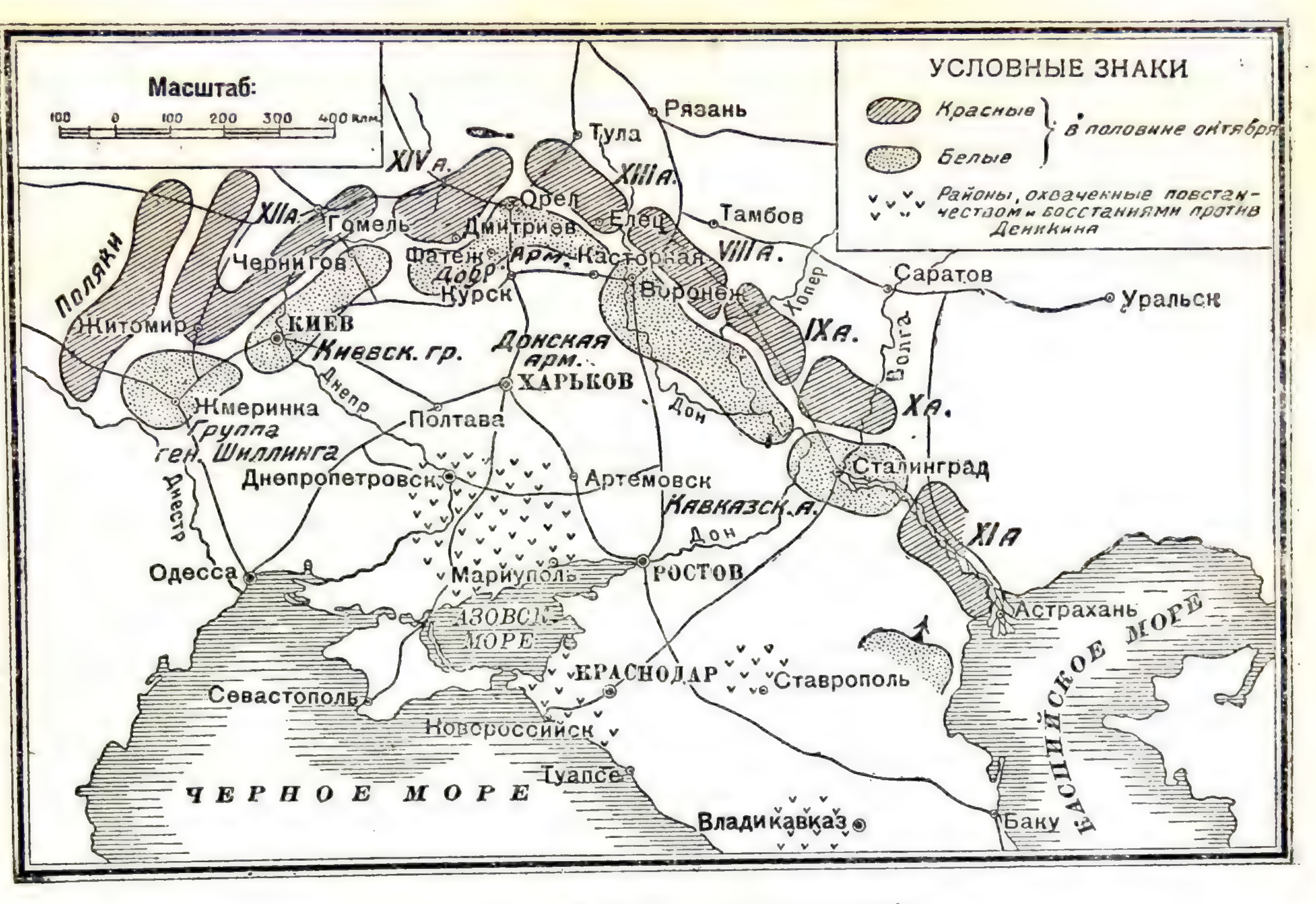

Схема 11. Южный фронт в половине октября

внутреннее политическое положение советской власти. Раскрытые в Москве и Ленинграде крупные контрреволюционные организации оказались лишенными массовых связей и были легко ликвидированы.

Приближение Деникина сократило количество крестьянских волнений в Черноземной и Центрально-промышленной областях и усилило приток и добровольную явку в армию дезертироз.

Острая опасность со стороны южного фронта заставила партию еще раз напрячь все усилия, всю энергию для укрепления положения на фронте. Глубочайшую связь партии с рабочим классом в эти дни показали такие две кампании, как чистка партии и партийная неделя, давшие з самые тревожные дни качественное и количественное укрепление партии. Для укрепления фронта был проведен, как и в период успехов Колчака на восточном фронте, целый ряд партийных, комсомольских и профессиональных мобилизаций.

Петроград, Москва, Иваново, Нижний, Владимир и почти все другие губернские города провели мобилизацию партийных организаций, доходившую местами до 50% общего их состава, для укрепления частей южного фронта. По данным ЦК, только с 15 сентября по 15 октября в распоряжение южного фронта были переданы 2 000 ответственных партийных работников. Партийные организации, организации ВЛКСМ и советские работники районов, захватываемых Деникиным, почти целиком вливались в ряды отступазших красноармейских частей, превращая их упадочнические настроения в решимость бороться до полной победы над Деникиным. На ряду с укреплением самих частей происходило укрепление и руководство южным фронтом. Непосредственно перед решительными боями был обновлен почти весь Реввоенсовет фронта. Командующим фронтом был назначен тов. Егоров, членом Реввоенсовета — тов. Сталин.

Все эти мероприятия в своем итоге дали возможность к осени значительно поднять боеспособность частей противоденикинского фронта, при чем наиболее прочными выглядели части, прибывавшие из резерва (например латышская и эстонская дивизии) и предназначавшиеся для ударной группы под Орлом.

Иначе выглядели в этот период тылы Деникина. Его успехи быстро привели к острым противоречиям помещичье-буржуазных добровольческих кругов с широкими крестьянскими и казачьими массами, не говоря уже о рабочем классе. Деникин сам признает, что уже «с весны 1919 г. (т. е. с первых же успехов Деникина — *А. Г.*). Терско-Дагестанский край пылал в огне восстаний. В Чечне и Дагестане, то затихая, то вновь разгораясь, шла борьба между вооруженными силами юга и горцами этих округов». К осени эта борьба усилилась. К ней присоединилась борьба с Кубанью. Кубанское казачество по освобождении своей территории от красных войск с большой неохотой пошло за пределы Кубани. Чем дольше затягивалась борьба и чем дальше уходила она в глубь России, тем большое росло это недовольство. В кубанских частях развивалось массовое дезертирство. Их численность с 35—40 тыс. в начале 1919 г. сократилась до 14—15 тыс. к осени этого года.

На Кубани это явление не только не встречало отпора, но и пользовалось пассивным покровительством со стороны Кубанской рады.

В июле радой был заключен «договор дружбы» с горцами Северного Кавказа, считавшимися враждебными Деникину. Узнав об этом, Деникин в октябре приказал предать военно-полевому суду кубанских деятелей, подписавших этот договор. Это создало накануне решительных боев на южном фронте напряженное положение на всей Кубани.

Но хуже всего для Деникина обстояло дело на Украине. Украинский крестьянин, своими колебаниями обеспечивший Деникину победу весной 1919 г., уже летом почувствовал в нем смертельного врага, несущего с собой помещика и феодальную кабалу. К осени вся Украина покрылась сетью восстаний. Силы Махно, объединявшего повстанчество в степной Украине (Екатеринославская, Таврическая, часть Харьковской губернии), выросли до 30 000—40 000 чел. Его отряды не раз занимали Екатеринослав, Мариуполь, Мелитополь и др. города, угрожая самой ставке Деникина в Таганроге. Накануне решительных боев Деникин вынужден был взять из группы Шиллинга целый корпус генерала Слащева, из Добровольческой армии — терскую кон-

ную дивизию, из Донской — кавалерийскую бригаду генерала Морозова и бросить их против Махно.

Деникинщина не имела тыла. Она жила фронтом. Только победа там могла продлить ее существование, поражение вело к неминуемой быстрой катастрофе. Это поражение последовало во второй половине октября — начале ноября 1919 г.

План красного командования перед решительным сражением первоначально заключался в том, чтобы сдержать, а затем и разбить наступающие части Деникина у Орла и Кром. Для этого главный удар по предложению тов. Сталина наносился от Орла через Харьков на Донбасс. Этот удар как нельзя лучше соответствовал тогдашней обстановке. Успех такого наступления отрезал Донскую армию белых от Добровольческой, сбрасывая последнюю в районы Донбасса и Южной Украины, объятые рабоче-крестьянскими восстаниями против Деникина. Для этого 13-й армии 9 октября была передана ударная группа из латышской дивизии, бригад Павлова и Примакова (11 500 штыков и сабель). 10 октября эта группа была введена в дело у г. Кромы, завязав упорный бой с лучшими частями противника. 15 октября, не одержав решительного успеха, эта группа была передана в состав 14-й армии. 17 октября подошла эстонская дивизия, и бой на фронте Орел—Кромы принял исключительно напряженный характер. Оба противника подтягивали и вводили в бой на этом участке все, что могли. Бой носил преимущественно фронтальный характер. Уже одно это являлось крупным выигрышем для нас. В этом чувствовалась связанность противника, до сих пор стремившегося решать бои маневром, охватом и обходом красных частей. В этих боях наши — численно большие — части постепенно изматывали и, как жернова, перемалывали подбрасываемые по частям белые полки. 20 октября нами был занят г. Орел, а в последующие дни — гг. Кромы, Севск, Дмитровск. Добровольческие части белых осадили к югу.

Почти одновременно разыгрались крупные бои в районе Воронежа. Сосредоточенные здесь конные корпуса генералов Шкуро и Мамонтова должны были, как известно, оказать содействие наступлению Доброволь-

ческой армии, но они с самого начала оказались скованными приближавшейся сюда с юго-востока конницей тов. Буденного (около 6 000 сабель). 19 октября под Воронежем тов. Буденный нанес сокрушительный удар белым корпусам. 24 октября белая конница потерпела вторичное поражение и потеряла Воронеж. Это открывало возможность уже двинуть нашу конницу на тылы Добровольческой армии навстречу нашей ударной группе, наступавшей со стороны Орла—Кром—Севска, т. е. попытаться двойным ударом срезать весь клин Добровольческой армии.

В начале ноября наши армии развивали успех. 5 ноября кавалерийская дизизия червонных казаков прорвалась в тыл противника и заняла г. Фатеж, 13 ноября она захватила уже г. Льгов на тылах у противника. На другом фланге 9 ноября конный корпус тов. Буденного появился в районе ст. Касторной. Угрожаемая с обоих флангов, Добровольческая армия быстро покатилась назад. Положение не спасли некоторые частные успехи противника на фронте Донской армии.

С первыми же неудачами затрещало все хрупкое здание деникинщины. Резко обнаружились и обострились все ее внутренние противоречия. Повстанческое движение получило мощный размах. Расправа Деникина с Кубанской радой вконец подорвала боеспособность кубанских частей, вызвав в некоторых районах Кубани красно-зеленое движение кубанцев против Деникина.

Красные армии перешли в решительное преследование.

Глубокий удар конницы тов. Буденного от Касторной на Купянск грозил отрезать Добровольческую армию от Донской.

Вступивший в командование добровольцами генерал Врангель, пользуясь этим, хотел отвести их части в Крым, предоставив казакам самим решать свою судьбу. Этот план был однако решительно забракован Деникиным, видевшим в разрыве с казачеством гибель всего белого движения. Врангель получил категорический приказ итти к Ростову на соединение с Донской армией.

Удачным фланговым маршем добровольцам удалось избегнуть разгрома и уйти за Дон. Но это в свою очередь разорвало самую Добровольческую армию. Выход

наших частей в Донбассе сделал невозможным соединение киевской и новороссийской групп белых с основными силами Деникина, уходящими на Северный Кавказ. Обе эти группы Деникиным были объединены под командованием генерала Шиллинга, получив приказание — главными силами прикрыть Одессу, корпусом Слащева оборонять северную Таврию и Крым.

Разгром Юденича

В то время, когда Деникин со своими добровольцами рвался к Орлу и оттуда измерял количеством корниловских переходов расстояние до Москвы, другой царский генерал, Юденич, с белой северо-западной добровольческой армией предпринял решительное наступление на вторую столицу Советской страны, колыбель рабочего движения — Петроград (Ленинград).

Северо-западная армия генерала Юденича состояла из добровольцев такого же типа, как и добровольческая армия генерала Деникина: она выросла из белогвардейских отрядов, дравшихся против Красной армии на северо-западном фронте и на территории Эстонии еще в период нашего первого наступления на запад (начало 919 г.).

Ядро этой армии составил северный русский белогвардейский корпус, начавший свое формирование в Пскове, во второй половине 1918 г. под покровительством германского командования. Занятие Пскова (25 ноября 1918 г.). Красной армией вынудило корпус отойти на территорию Эстонии. Включив в себя большое число реакционного офицерства из прибалтийского дворянства и петербургской знати, корпус носил явно реакционный характер и был непримиримо настроен по отношению к самостоятельности «демократической» Эстонии. Тем не менее смертельная угроза, нависшая одновременно и над корпусом, и над «демократический» эстонской контрреволюцией в лице приближающейся Красной армии, заставила их быстро объединится. Эстонским правительством и командованием корпуса в декабре 1918 г. был заключен особый договор «об общих действиях, направленных к борь-

бе с большевиками и анархией». Войдя в формальное подчинение эстонскому командованию, корпус был переброшен в район Нарвы и здесь принял самое активное участие в борьбе с наступлением красноармейских частей.

В этом же районе произошло соединение корпуса с партизанским отрядом Булак-Балаховича. В результате зимних операций против Красной армии к весне 1919 г. в руках корпуса оказался небольшой участок территории по правому берегу р. Нарвы. Этот участок был слишком мал, чтобы послужить оазой для серьезных действий против Красной армии. Поэтому первой задачей, вставшей перед белыми, было расширение собственной территории. Это должно было дать возможность расширить формирование белых сил, одновременно освободив их от исключительной зависимости от Эстонии, мало расположенной к поддержке белых в их стремлении восстановить прежнюю Россию, никогда не могшую примириться с отделением Эстонии.

К началу активных операций корпус имел в своем составе около 5 000 штыков, более 1 000 сабель и 11 легких орудий. Его первые действия оказались удачными. Растянутые на нарвском участке части 7-й армии, защищавшей подступы к Петрограду, имели в своем составе всего около 2 700 штыков, 160 сабель и 18 орудий. 13 мая 1919 г. неожиданным ударом белые прорвали красный фронт и овладели городами Ямбургом и Гдовом. Южнее поддерживавшие белых эстонские войска захватили Псков. Из этих районов была предпринята уже более крупная операция в сторону Петрограда. Связанная в это время крупными действиями на востоке против Колчака и на юге против Деникина, Красная армия не сразу нашла в себе нужные силы для организации отпора. Отпор же наступлению непосредственными силами 7-й армии оказался крайне затрудненным в силу многочисленных измен и белогвардейских заговоров внутри частей. Так, брошенные против белых 3-й Петроградский и 2-й кавалерийский полки перешли к противнику во главе с командным составом. Форт Красная Горка в тылу красных частей поднял восстание. В таких условиях продвижение белых вперед развивалось довольно быстро.

В июне их фронт проходил уже через ст. Кикерино, Струги-Белые (ныне Струги-Красные), Порхов. Мизерность сил не дала возможности белым совершить дальнейший скачок, а огромная помощь, оказанная 7-й армии рабочими и партийной организацией Петрограда, укрепила ее боеспособность. К этому же времени на петроградский участок была брошена часть сил с других фронтов и изнутри страны.

В июле красные части перешли в наступление и, продвигаясь с рядом упорных боев, к сентябрю оттеснили белых за линию г. Ямбурга и реки Сабы, заняв на южном участке г. Псков. На этом фронте наступление Красной армии замерло, не поддержанное подкреплениями и резервами из-за напряженной борьбы на юге.

Таким образом в результате первой операции корпус несколько расширил свою территорию. На этой территории и началась подготовка ко второму решительному наступлению на Петроград. Пополняясь и укомлектовываясь на средства Антанты, белые к октябрю довели свою численность до 18 500 штыков и сабель при 57 орудиях, нескольких танках и броневиках. В связи с увеличившейся численностью эти силы были переименованы в Северо-западную армию в составе двух корпусов, одной отдельной дивизии и нескольких запасных полков. На указанную численность в армии имелось 5 500 офицеров, 1 000 подпрапорщиков и 6 958 младших и старших унтер-офицеров, т. е. почти на ⅔ армия состояла из командного состава. Командование армией принял на себя генерал Юденич, бывший командующий Кавказским фронтом старой армии во время мировой войны. На этот раз армия была обильно снабжена всем необходимым. С моря армию должен был поддержать английский флот. В тылу Красной армии и в самом Петрограде плелась сеть заговоров и измен. При армии образовалось северо-западное белое правительство, готовое принять власть над захваченным Петроградом. Благодаря широко развитому шпионажу, расположение и силы красноармейских частей, стоявших на подступах к северной пролетарской столице, для Юденича не были секретом. Ему было также прекрасно известно, что в это время все внимание Советской страны было при-

ковано к югу, где Деникин, взяв Курск, шел к Орлу. В этих условиях план Юденича был прост, но и крайне опасен для Петрограда. Он предполагал коротким ударом на псковском участке отвлечь внимание красного командования, а затем, овладев Ямбургом, открыть стремительное прямое движение через Гатчину на Петроград и захватить его, опираясь на заговоры внутри, раньше чем поспеют красные резервы с других фронтов и центра страны.

Если принять во внимание, что противостоявшие Юденичу части 7-й армии, уставшие от боев, обескровленные потерями, опутанные сетями предательств, измен и заговоров и к тому же несколько потерявшие бдительность в связи с шедшими мирными переговорами с Эстонией, значительно потеряли прежнюю боеспособность и не могли выдержать первого же серьезного удара, станет ясно, что над теперешним городом Ленина нависала грозная опасность.

Наступление белых началось 28 сентября. 2-й белый корпус, легко опрокинув на псковском направлении части 10-й и 19-й красных дивизий, начал продвижение в юго-восточном направлении. Уже 4 октября белогвардейцы, захватив ст. Струги-Белые, перерезали железную дорогу Псков—Петроград. Как и предполагал Юденич, красные резервы потянулись сюда, оголив еще более дорогу на Петроград от Ямбурга. Пользуясь этим, 10 октября на этом направлении перешел в наступление 1-й корпус белых. 11 октября Ямбург пал, а 12 октября части 7-й армии стремительно отходили уже по всему фронту. Брошенные на помощь отдельные части, снятые с других участков, и питерские курсанты при общей потере армией боеспособности не спасли положения. 16 октября противник занял Гатчину, оказавшись таким образом в 40-50 км от Петрограда. Занятие Петрограда становилось ближайшей задачей армии Юденича. Оголив южные направления, она подтягивала на подступы к нему почти все свои силы. Поражения на любом другом участке при условии занятия Петрограда не были опасны для нее. Между тем занятие Петрограда белыми было бы сильнейшим ударом для революции. К петроградскому участку было приковано внимание всей внутренней и миро-

вой контрреволюции, а одновременно и всей пролетарской страны.

Одновременно маневром на Петроград контрреволюция стремилась отвлечь наши силы и внимание от основного, решающего наступления Деникина к Москве.

«Ясно, что наступление белых — маневр, чтобы отвлечь наш натиск на юге. Отбейте врага, ударьте на Ямбург и Гдов. Проведите мобилизацию работников на фронт. Упраздните девять десятых отделов. Надо успеть их прогнать, чтобы вы опять могли оказать помощь югу», телеграфировал т. Ленин Питеру 10 октября, после первых же неурядиц на этом фронте. Политбюро ЦК ВКП(б) 15 октября постановило: **«Петроград не сдавать!** Снять с беломорского участка максимальное количество людей для обороны Петроградского района. Помочь Петрограду посылкой некоторого количества кавалерии. Вопрос о северном и западном фронтах рассматривать лишь под углом зрения **безопасности Московско-Тульского района в первую очередь, Петрограда — во вторую».**

Контрреволюция ошиблась в расчетах. Стремительный наскок на Петроград, как ни был он чувствителен для нас, не отвлек внимания партии от юга. Партия, сделав твердый расчет, признала возможность отстоять Питер одновременно с усилением отпора Деникину на юге.

Лозунг партии отстоять Петроград был подхвачен всей страной, а в первую очередь самим петроградским пролетариатом. Само решение оборонять Петроград, не отвлекая сил с юга, вытекало из твердой уверенности в стойкость пролетариев Питера. 17 октября т. Ленин писал в воззвании к красноармейцам и рабочим Петрограда:

«Решается судьба Петрограда. Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Вы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь на каждую пядь земли. Будьте тверды до конца. Победа недалека! Победа будет за нами!»

Опасность Петрограду подняла на ноги весь его ра-

бочий класс, всю партийную организацию, весь комсомол. На помощь Питеру потекли рабочие и партийные отряды всех пунктов страны. В короткий промежуток времени в поредевшие, упавшие духом части 7-й армии влилось около 5 тыс. коммунистов, помимо тех, что были в составе частей. Из них половина приходилась на долю самого Питера. Напряжение его организации будет ясно, если принять во внимание, что весь ее состав перед наступлением Юденича насчитывал всего около 5 тыс. коммунистов. Петроградский комсомол объявил мобилизованными всех своих членов, начиная от 16 лет. В рабочих районах образовались отряды самообороны. Петроградский гарнизон целиком вошел в первую линию фронта. Все это помогло поднять настроение красноармейских частей и восстановить их боеспособность, создать твердый отпор врагу. Сам Петроград на ряду с борьбой на подступах к нему готовился стать могилой для ворвавшихся частей врага.

Пока шла вся эта работа, борьба под Петроградом продолжалась. 18 октября белые заняли Красное Село. 20 октября ими были захвачены Павловск и Детское (Царское) Село. 21 октября они приближались к Стрельнинской заставе, являющейся уже предместьем Петрограда. На этом прекратились успехи Юденича. Петроградский пролетариат, укрепив красные части, нашел в себе силы остановить натиск врага. Но это была только половина задачи. Требовалось не остановить врага, а уничтожить его. К выполнению этой задачи и приступили оправившиеся и окрепшие части Красной армии. Красное командование, готовя переход в наступление, в основу его клало удар во фланг Юденичу со стороны Колпина. Здесь сосредоточивалась ударная группа в составе 7 470 штыков и сабель при 12 орудиях. Эта группа должна была наступать на фронт Детское Село — Гатчина. Одновременно 15-я армия готовила со стороны Пскова и Луги удар по глубоким тылам Юденича, стремясь отрезать ему путь в Эстонию.

21 октября началось контрнаступление 7-й армии. Первоначально оно развивалась медленно. Противник, ожесточенный тем, что добыча начинает ускользать из

его рук (английское радио успело уже оповестить мир о занятии белыми Петрограда и торжественном въезде в него генерала Юденича), оказывал упорное сопротивление. Но перелом наступил. Шаг за шагом теснили красные части белогвардейцев. Павловск и Детское Село несколько раз переходили из рук в руки. 2 ноября части 7-й армии прочно закрепили за собой Гатчину. К этому времени сказалось и наступление 15-й армии в тыл Юденичу. 31 октября здесь был занят г. Луга. 3 ноября, выйдя на ст. Мшинскую, эти части поставили под угрозу тыл гатчинской группы белых.

Фронт Юденича дрогнул и покатился назад. Контрреволюционные заговоры в тылах 7-й армии при общем подъеме питерского пролетариата легко были ликвидированы, не оказав помощи Юденичу.

14 ноября Юденич пытался оказать сопротивление в районе Ямбурга, но и оно было быстро сломлено. Прижатая к эстонской границе белая Северо-западная армия вынуждена была перейти на территорию Эстонии, где и была разоружена. Разгром Юденича, доказав правильность руководства партии и силу красного оружия, ускорил заключение мира и с самой Эстонией, сделав тем самым первый прорыв в дипломатической изоляции Советской республики.

Борьба под Петроградом — поучительный пример гражданской войны. Он с редкой силой вскрыл значение в ней коммунистической и рабочей прослойки, показав лишний раз героизм питерского пролетариата. Отпор Юденичу был решен боевым настроением и порывом питерских рабочих, восстановивших нарушенную боеспособность красноармейских частей.

Эта же борьба показала и противоречия в стане наших врагов. Выступи на помощь Юденичу Финляндия, когда он был в нескольких верстах от Петрограда, судьба города была бы решена. Этого не случилось потому, что Финляндия, как и другие государства Прибалтики, несмотря на непримиримую враждебность к Советской стране, в победе Юденича видела еще большую опасность, зная, что эта победа немедленно лишит ее самостоятельности.

Разгром Юденича оказался прологом и к окончательному разгрому Деникина.

Разгром Деникина на Северном Кавказе и образование крымского фронта

Отступая двумя группами — главной на Северный Кавказ, меньшей в правобережную Украину, Деникин предполагал в дальнейшем, приведя свои армии в порядок, перейти из этих районов в решительное контрнаступление. Это предположение потерпело крах прежде всего на Украине. Направленные для преследования правобережной группы белых 12-я и 14-я Красные армии южного фронта, переименованного теперь в юго-западный, в феврале 1920 г. начисто разгромили эту группу и заняли всю правобережную Украину. В иных условиях оказалась наша борьба на Северном Кавказе.

Здесь, отойдя в середине января за Дон и Маныч, Деникин попытался опереться на казачество Дона и Кубани и дать ряд новых боев. В связи с этим Добровольческая армия была сведена в корпус и подчинена Донской армии. Такое небывалое в истории деникинщины явление, как подчинение добровольцев казакам, было предпринято в основном с целью поднять удельный вес Донской армии и придать очередному этапу борьбы характер борьбы за освобождение Дона. На Кубань для поднятия кубанского казачества были посланы бывшие в свое время наиболее популярными среди него генералы Врангель и Шкуро. Однако оба эти мероприятия не дали существенных результатов, и обстановка перед началом конца деникинщины складывалась не в пользу белых.

Численность деникинских «вооруженных сил юга России» к этому времени сохранилась до 54 000 штыков и сабель при 289 орудиях. Из них 37 000 (в том числе почти всю конницу) составляли донцы, 10 000—добровольческий корпус, около 5 000—кубанцы; остальные—терцы, астраханцы, горцы.

Настроение белых армий было подавленное. Надежнее других были добровольцы, сумевшие сохранить при отступлении основные, наиболее контрреволюционные офицерские кадры, но зато резко сократившиеся в численности. Численность Донской армии была значительна, но она была деморализована и стремилась только к своим станицам. Совершенно разложив-

шимися выглядели кубанские части. Тыл Деникина был крайне ненадежен. Ставрополь, Дагестан, Черноморье были полны красных повстанцев. Кубанские казаки категорически отказывались драться за Деникина против большевиков. В черноморских районах часть казачества открыто выступала против Деникина. Чувствуя свою зависимость от казачества, Деникин пытался укрепить свое положение в тылу рядом уступок казачеству (выделение самостоятельной Кубанской армии, образование парламентского южно-русского правительства и т. п.), но это не дало никаких результатов. Месяцы деникинской власти решительно оттолкнули от него широкие массы крестьянства и казачества Северного Кавказа.

В такой обстановке силы Деникина в феврале располагались: а) добровольческий корпус у Батайска, б) от Батайска до Великокняжеской — Донская армия, в) восточнее ее, по обеим сторонам железной дороги (Царицын — Тихорецкая), — Кубанская армия (верней ее остатки), г) район Ставрополя от наступавшей от Астрахани 11-й Красной армии обеспечивался смешанными отрядами кубанцев и добровольцев.

Первые крупные бои разыгрались в районе Батайска. Подошедшие сюда в середине января части 8-й и Конной Красных армий, переправившись через Дон, попытались овладеть Батайском лобовым ударом. Попытка не удалась. Повторенная несколько раз в начале февраля она опять не дала никаких результатов. Ликвидация Деникина таким образом затягивалась, между тем это затягивание грозило поднять вновь удельный вес Деникина как за границей, так и среди самого казачества, отсрочить его ликвидацию на продолжительный срок. Это вызвало изменение планов командования красного кавказского фронта. Отказавшись от лобового удара на Батайск, где условия местности облегчали оборону противнику, а наше наступление выводило на фронт наиболее крепкие белые части (добровольческий корпус), наше командование перенесло центр тяжести наступления в район Великокняжеской. Здесь из шести стрелковых дивизий 10-й Красной армии, вышедшей к этому времени на линию реки Маныч, и всей 1-й Конной армии, перебрасываемой сюда из Ростовского

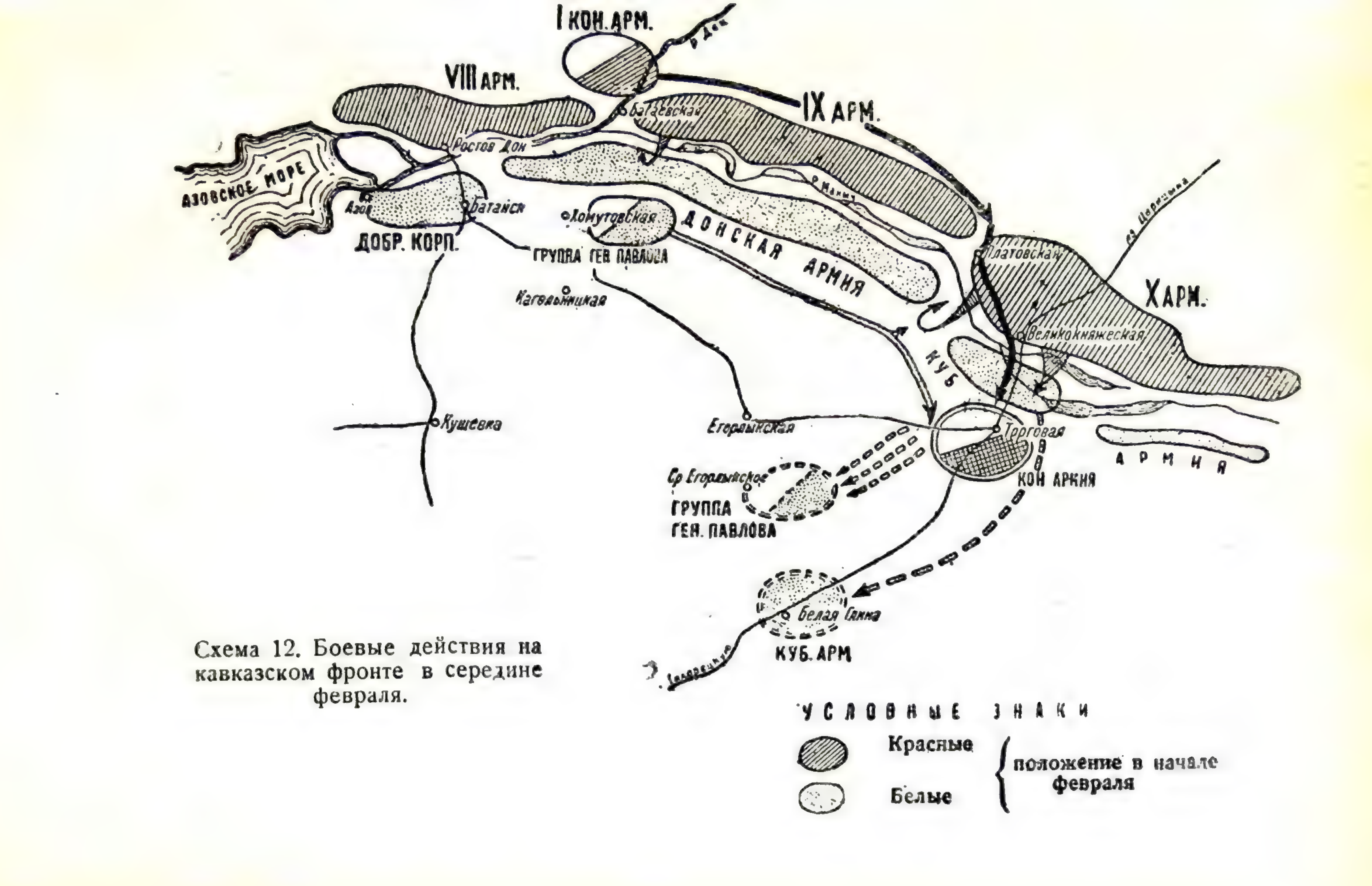

Схема 12. Боевые действия на кавказском фронте в середине февраля.

района, создавалась ударная группа нашего фронта. Эта группа должна была обрушиться на наиболее слабую Кубанскую армию белых и, разгромив ее, развивать удар в глубь Кубани — на ст. Тихорецкую, отрывая Донскую армию от Кубанской.

14 февраля армии кавказского фронта приступили к выполнению нового плана. Изменение плана красного командования не осталось секретом для Деникина.

Узнав о переброске 1-й Конной армии к Великокняжской, Деникин двинул туда же южным берегом р. Маныча сильную группу из лучшей донской конницы (2-й и 4-й донские корпуса — всего около 10 000 сабель), поставив ей задачу разбить нашу Конную армию.

Это мероприятие, правильное с военной точки зрения, было крайне неприязненно встречено донцами: Донская армия устала от войны и теперь стремилась прямо на север к родным станицам. Между тем выдвижение Донской конной группы к Великокняжеской ставило ее на защиту Кубани, которую сами кубанцы не хотели защищать. Основываясь на этом, командующий Донской армией генерал Сидорин решительно возражал против такого плана, предлагая Деникину, предоставив коннице Буденного итти на Тихорецкую, ударить основными силами белого фронта на север и освободить вновь от красных всю Донскую область. Предложение генерала Сидорина было отвергнуто Деникиным, и донские корпуса двинулись на восток.

Переправившись через Маныч после боя с кубанскими частями, дивизии 10-й Красной армии 17 февраля заняли район ст. Торговой и простояли день 18 февраля на отдыхе. Между тем в эти дни конная группа генерала Павлова усиленными маршами шла навстречу нашим частям. Желая сократить путь, генерал Павлов повел белую конницу открытыми степями. Несколько дней и ночей его части вынуждены были провести в жестокий мороз под открытым небом.

В ночь на 18 февраля белые полки, потеряв из-за буранов направление на Великокняжескую, неожиданно вышли к Торговой, натолкнувшись на занимавшие ее наши части. После короткого ночного боя наступление белых было отбито, и они еще одну ночь в сильный мо-

роз вынуждены были провести в степи. Все это сильно подорвало боеспособность белой конницы.

19 февраля, перейдя в наступление, части 1-й Конной армии легко отбросили пришедшую в беспорядок группу генерала Павлова на запад, обнажив этим фланги и тылы Кубанской белой армии. 22 февраля наша конная армия из района Средне-Егорлыкской стремительно обрушилась на тыл кубанских частей белых и в течение одного дня уничтожила их основные силы.

25 февраля, повернув на север, первая конная армия во встречном бою под Средне-Егорлыкской нанесла новое поражение перешедшим было в наступление корпусам ген. Павлова. В большом беспорядке белые корпуса откатилась к станице Егорлыкской, потеряв при этом 29 орудий, около 100 пулеметов и 1 000 пленных.

Разгром Кубанской армии и решительное поражение группы генерала Павлова поставили в тяжелое положение все силы Деникина. Заняв район Средне-Егорлыкской, первая конная армия вместе с подчиненными ей 50-й и 20-й стрелковыми дивизиями 10-й армии оказалась на тылах главных сил Деникина, фронт которых к этому времени попрежнему шел по линии р. Маныча.

Это заставило добровольческие части бросить г. Ростов-на-Дону, которым они было овладели вновь 21 февраля, перебросив часть своих сил на поддержку группы ген. Павлова.

1 марта под Егорлыкской разыгралось решительное сражение между нашей Первой конной армией, усиленной двумя кавалерийскими и одной стрелковой дивизиями и конной группой генерала Павлова, усилившейся к этому времени конным корпусом ген. Юзефовича и Донской пехотой. Численность наших частей достигала 10 000 сабель и 3 000 пехоты, силы белых — 10 000—12 000 сабель и до 2 000 пехоты.

В этих боях красное командование пыталось окружить егорлыкскую группу белых, для чего Первая конная армия с подчиненными ей частями должна была нанести удар на Егорлыкскую, а 9-я Красная армия наступать в направлении Кагальницкая. — Гуляй-Борисовка, в тыл противнику.

Это окружение не удалось осуществить по нескольким причинам. Важнейшие из них те, что во-первых

конная армия всеми силами ввязалась в упорные лобовые бои за станицу Егорлыкскую, сильно укрепленную противником, и упустила возможность ударом во фланг (на Ново-Роговскую) отрезать ему путь отхода на юго-запад, во-вторых продвижение 9-й армии в указанном ей направлении оказалось слишком медленным. Это дало возможность противнику ускользнуть из окружения и уйти в глубь Кубани между ст. Ново-Роговской и Гуляй-Борисовки.

Поражение под Егорлыкской окончательно сломило сопротивление деникинских армий. Потеряв в этих боях большое количество пленных и вооружения, деникинские части начали поспешный отход на Екатеринодар (ныне Краснодар).

Усталость от прежних боев и непролазная черноземная кубанская грязь, начавшаяся с наступления весны, задержали на несколько дней переход в преследование частей Первой конной и 10-й армий, выигравших бой 1 марта под Егорлыкской. Противник, бросая обозы, пушки, пулеметы, тысячи отставших и сдающихся в плен, в течение нескольких дней уходил, не преследуемый ими. Возобновив преследование с опозданием на несколько дней, наши части 9 марта вышли на фронт: 8-я и 9-я армии от Ейского залива до ст. Крыловской, Первая конная в район Леушковской, 10-я на линию железной дороги от Тихорецкой до Кавказской.

Для дальнейшего преследования эти армии направлялись: 8-я и 9-я прямо на юг, Конная — наперерез отступающим белым частям на ст. Тимошевскую, 10-я — на Краснодар (Екатеринодар), отрезая белых от переправ через р. Кубань. Эти направления выводили части Первой конной и 10-й красной армии к указанным им пунктам раньше противника, отрезая последнему таким образом дальнейший путь отступления к берегам Черного моря и грозя полным уничтожением всем силам Деникина. К сожалению этого не случилось. Считая, что силы Деникина уничтожены почти поголовно, и к Новороссийску отступают лишь их небольшие остатки, красное командование 12 марта свернуло Первую конную и 10-ю армии с данных им направлений на юго-восток, направив первую — на Майкоп, вторую — на ст. Курганскую. В дальнейшем

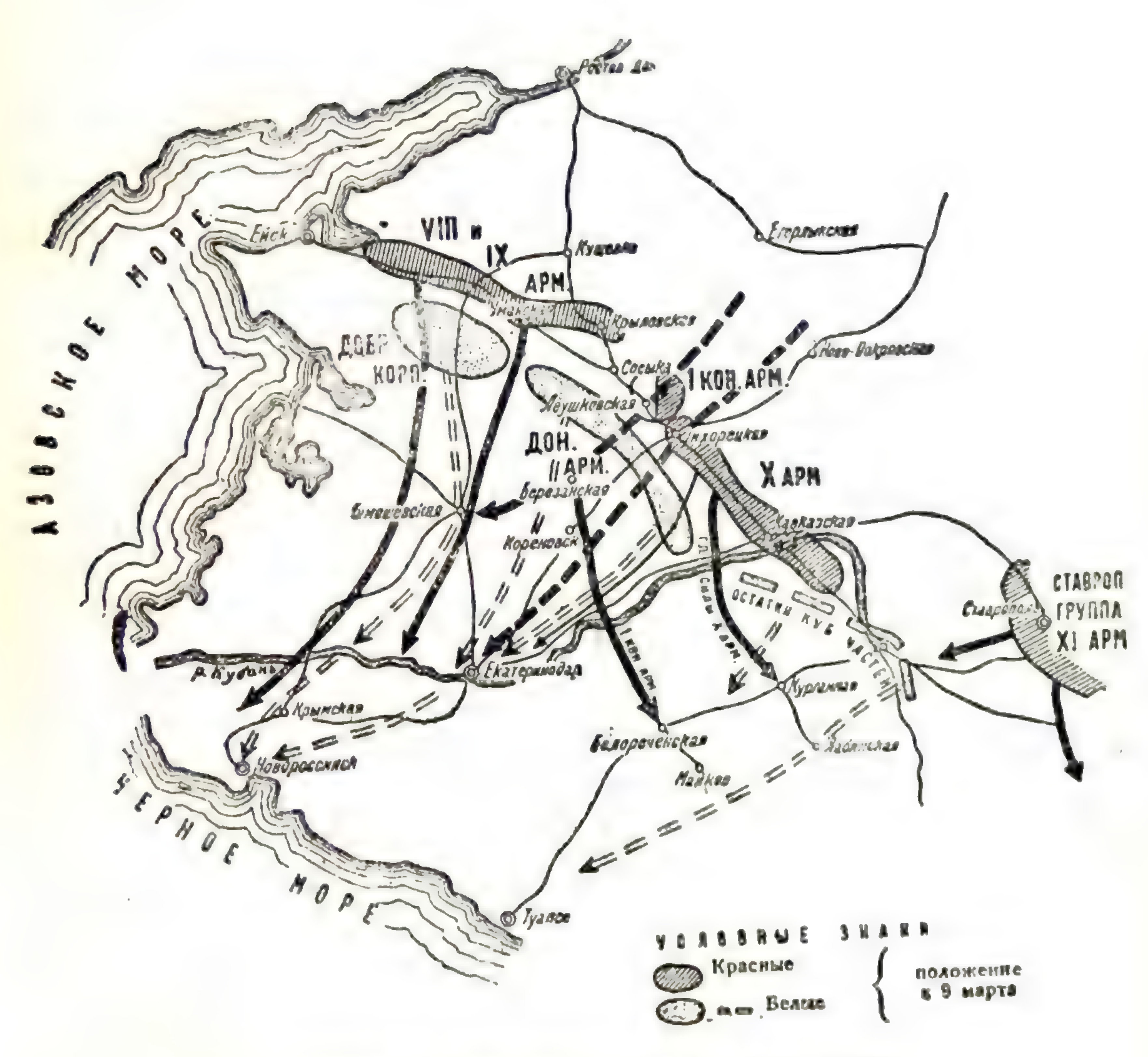

Схема 13. Положение фронта к 9 марта.

обе эти армии предполагалось использовать для овладения грозненским нефтяным районом.

Дальнейшие события показали всю ошибочность этого мероприятия. Наступавшая в район Грозного 2-я красная армия овладела им, не потребовав помощи ни Первой конной, ни 10-й армии. Между тем главные силы Деникина, освобожденные от угрозы быть отрезанными от переправ через р. Кубань, ускоренными маршами оторвались от частей 8-й и 9-й армий и отошли в район Новороссийска, где весь добровольческий корпус и наиболее крепкие казачьи части были спешно посажены на суда и переброшены в Крым.

«Движение главных сил юга к берегам Черного моря,— пишет Деникин,— советским командованием расценивалось как последний акт борьбы. Сведения о состоянии наших войск, о мятежах, подымаемых войсками и начальниками — весьма преувеличенные, — укрепляли большевиков в убеждении, что белую армию, припертую к морю, ждет неминуемая и конечная гибель. Поэтому операция переброски значительных сил в Крым, готовность и возможность продолжать там борьбу явились для советского командования полнейшей неожиданностью. На Крым не было обращено достаточного внимания, и за эту оплошность советская власть поплатилась впоследствии дорогой ценой».

Деникин прав. Мы переоценили его военный разгром и дали тем ему возможность с остатками своих войск перебраться в Крым, приковавший в течение последующего лета значительное количество наших войск.

В Крым, по данным генерала Деникина, с Северного Кавказа было переброшено около 35 — 40 тыс. бойцов, 100 орудий и до 500 пулеметов. Эти силы составили остов для будущей армии ген. Врангеля.

Но не только это было причиной возникновения крымского фронта. Крым до переправы туда главных сил Деникина защищал слабый корпус ген. Слащева (первоначально 2 200 штыков, 1 200 сабель, 32 орудия). Направив против Слащева сразу же крупные силы, мы могли покончить с ним раньше, чем переправились туда с Северного Кавказа остатки главных сил ген. Деникина. Этого не произошло потому, что и здесь мы недооценили значения Крыма как возможной базы нового

белого фронта. Зимой и ранней весной 1920 г. мы сделали несколько попыток овладеть Крымом, но ни разу не подготовили их как следует. Отсюда — всякий раз силы Слащева превышали наши. Так, в боях 22—24 января 1920 г. под Перекопом против 1 800—2 000 штыков, 1 000 сабель и 32 орудий Слащева дрались всего 1 210 штыков и 8 орудий 46-й красной дивизии.

В мартовской операции 3 062 штыка, 1 600 сабель, 34 орудия Красной армии имели против себя 2 500 — 3 000 штыков, 2 000 сабель, 50 орудий и 6 танков белых. Это и было причиной того, что в результате этих боев Крым остался в руках генерала Слащева.

«Во-время не двинули достаточных сил»,— так подытожил причину образования нового фронта тов. Ленин.

VI. ПЕРЕРАСТАНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ВОЙНУ «НЕПОСРЕДСТВЕННО ПРОТИВ АНТАНТЫ»

Обстановка после разгрома внутренних фронтов

Поражением Колчака и Деникина в основном была закончена военная тяжба пролетариата с буржуазно-помещичьей контрреволюцией внутри страны. Попытка последней сломить революцию кончилась провалом. Борьба закончилась не только военным разгромом наших противников, но и их политическим крахом. Реакционная сущность и вытекавшая отсюда политика Колчака и Деникина оттолкнула от них основные массы мелкой буржуазии и крестьянства, сплотив последние вокруг рабочего класса, руководимого коммунистической партией. Сохранившиеся остатки кадров деникинских и казачьих армий остались таким образом без массовых резервов и никак не могли рассчитывать на возобновление борьбы в прежних размерах.

Однако на ряду с победой гражданская война поставила Советскую страну перед рядом необычайно тяжелых внутренних трудностей. Она вконец подорвала разрушенное еще мировой войной и преступной политикой царского и временного правительства народное хозяйство. Фабрично-заводская промышленная жизнь почти замерла совсем.

Одни районы — как Урал, Донбасс, Криворожье и т. п.—сами были охвачены военными действиями, другие — Ленинград, Центрально-промышленная область, теперешняя Ивановская область — были долгое время отрезаны от сырья и топлива, отдав в то же время зна-

чительную часть рабочих в Красную армию, продовольственные отряды и советский аппарат.

Общее состояние промышленности видно из таких цифр. За весь 1920 г. добыча угля составила 27% по сравнению с довоенным уровнем, производство чугуна — 2,4%, меди — 0%, серной кислоты — 9%, азотной — 4,4%. Резко сократились размеры производства и легкой промышленности. Производство шерстяной пряжи равнялось 27,5% довоенного, хлопчато-бумажных тканей — 5,1%, растительных масел — 3%, сахара — 6,7%.

В сельском хозяйстве посевная площадь хлебов сократилась до 68% довоенной, общий сбор хлебов составил 48 млн. тонн вместо — 78 млн. тонн в 1913 г.

Почти в полное расстройство пришел транспорт. Летом 1920 г. больные паровозы составляли 61% от их общего количества.

Такое состояние народного хозяйства было причиной дальнейшего распыления и численного уменьшения пролетариата. Значительная часть рабочих ушла с производства в деревню, часть из них перешла в мелкобуржуазные слои города, часть была призвана в армию. Количество фабрично-заводских рабочих в 1920 г. составляло всего 1 340 000 человек вместо свыше 3 млн. в 1917 г. С другой стороны это же состояние народного хозяйства обусловливало и то обстоятельство, что главная тяжесть революции материально ложилась на крестьянство. Крестьянство должно было содержать армию и города, почти ничего не получая взамен отдаваемого по продразверстке хлеба и сырья от промышленности города. Одновременно отсутствие частного рынка лишало крестьянина возможности получать промышленные товары и частным путем. Если в годы борьбы с Колчаком и Деникиным опасность возврата помещика заставляла крестьянство в массе терпеть эти лишения и после ряда крупных колебаний все же пойти в этой борьбе за прелетариатом, то подобное хозяйственное состояние страны делало неизбежными новые его колебания, как только внутренние помещичье-буржуазные враги исчезали с поля зрения крестьянина. Эти колебания неизбежно должны были оказаться тем сильней, чем более было разрушено сельское хозяйство,

чем чувствительнее в связи с этим становились для него материальные тяготы, налагаемые революцией, и чем меньше крестьянское хозяйство могло получать от разрушенной промышленности города.

Между тем борьба с разгромом внутренних фронтов не кончалась и не могла кончиться. Разгром Колчака и Деникина был разгромом внутренних агентов мирового империализма, крахом ставки последнего в борьбе с революцией на внутренние контрреволюционные силы нашей страны. Одновременно с этим окончательно выявилась невозможность для империализма бороться с революцией путем непосредственной интервенции своими войсками. Это на ряду с ростом революционного движения в самих империалистических странах и с ростом противоречий между ними внесло крупные противоречия в лагерь англо-французского империализма по вопросам о путях и методах дальнейшей борьбы с Советскими республиками. Английское Правительство во главе с Ллойд-Джорджем, будучи не в состоянии двинуть против Советских республик свои вооруженные силы или активно поддержать интервенцию других государств из-за мощного напора революционных протестов английского пролетариата, пыталось поставить ставку на внутреннее перерождение советской власти при условии перехода последней на хозяйственное строительство. Наоборот французская буржуазия, имевшая меньший размах революционного движения внутри страны и больший непосредственный материальный ущерб от победы русской революции (царские долги, фабрично-заводские предприятия и т. п.), продолжала стоять на прежней непримиримой позиции в необходимости вооруженного разгрома Советов.

На ряду с другими причинами, на таком изменении позиций основных стран Антанты сказывалось и то обстоятельство, что вся зона английского влияния на территории России, установленная соглашением союзников в декабре 1917 года, к этому времени была окончательно очищена от сил внутренней контрреволюции, а уцелевшая меньшевистская Грузия была настолько слаба, что не могла гарантировать в вооруженной борьбе с советской властью ни одной ставки.

Наоборот в зоне французского влияния, на территории Крыма, уцелели еще сильные остатки деникинских кадров в лице Врангеля, кроме того в непосредственной близости к ним находилась территория белой Польши, бывшей под сильным французским влиянием и занимавшей к тому же активно враждебную позицию в отношениях к Советской стране.

Буржуазная Польша как государство образовалась в результате Версальского мира и германской революции в конце 1918 г.

В отличие от других лимитрофов Польша имела крепкое империалистически настроенное ядро крупной промышленной буржуазии и помещиков.

В 1919 г. захватническая политика польских буржуазно-помещичьих кругов не развернулась на восток в полном размере как потому, что это был период внутреннего оформления Польши и урегулирования ее западных границ с Германией и Чехо-Словакией, так и потому, что вооруженное вторжение в пределы Советских республик было бы тогда непосредственной помощью Деникину, политика которого в отношении независимости Польши была враждебно-непримиримой, в то время как советское правительство признало полную независимость Польского государства. К началу 1920 года Польша, урегулировав при помощи Антанты границы на западе и толкаемая к этому обострением внутреннего и международного революционного движения, резко обострила свои отношения с Советской республикой, видя в ней, с одной стороны, страну, разгром которой мог облегчить преодоление революционного кризиса внутри самой Польши, а с другой—удовлетворить аппетит воинственных помещичье-буржуазных кругов оформлением на востоке пределов Польши по границам 1772 г., т. е. отторжение к ней от советской территории всей Белоруссии и правобережной Украины.

Все это обусловило новый этап в нашей гражданской войне, сделав белую Польшу на 1920 г. основным средством мирового и в частности французского империализма в его попытках сломить пролетарскую революцию вооруженным путем.

Общий характер и причины советско-польской войны

В военной литературе есть неверная точка зрения на советско-польскую войну как на войну, возникшую на почве территориальных интересов. Эта точка зрения считает, что основной причиной и целью войны со стороны Польши являлось ее стремление к границам 1772 г., т. е. к захвату территорий Белоруссии и правобережной Украины, а целью Советских республик — защита этих территорий. Такой подход к советско-польской кампании 1920 г. неверен по существу и выхолащивает из нее то основное международное революционно-классовое содержание, которое в ней неоднократно и с особой силой подчеркивал В. И. Ленин. Тов. Ленин видел в советско-польской войне прежде всего «одно из звеньев длинной цепи организованного сопротивления международной буржуазии». «Она (т. е. война Польши против нас), — говорил тов. Ленин, — является новой попыткой международной буржуазии задушить Советскую Россию, свергнуть советскую власть, во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами». Таким образом основной смысл советско-польской войны состоял не в том, что враг пытался отторгнуть от нас те или иные земли, а в том, что это была очередная попытка «свергнуть советскую власть во что бы то ни стало», т. е. цель войны была более глубокой, более решительной и более непримиримой.

В плане советско-польской войны тов. Ленин видел обломки старых планов мирового империализма по удушению Советских республик, проводимых ранее то непосредственно вооруженными силами самих империалистов, то силами 14 пограничных с нами лимитрофных государств, то наконец силами наших внутренних белогвардейских генералов — Колчака, Юденича, Деникина. Как и прежде, в «этих обломках старого плана» тов. Ленин видел не только разрешение судьбы русского или польского вопроса, но и судеб самой мировой буржуазии. «Хотя мы видим здесь обломки империалистического плана, тем не менее и в них, — говорил он, — буржуазия особенно проявляет свою цепкость. Она знает, что в столкновении с нами *она борется за власть у себя дома, она знает, что имеет перед собой не*

русский вопрос и не польский, а вопрос своего собственного существования. Поэтому надо ожидать, что из всякого обломка этого плана они будут стараться воссоздать провалившийся план».

То, что против нас весной 1920 г. выступила только Польша, еще не определяло основного смысла и характера этой войны. «Поляки нам войну навязали, и мы знаем, что тут главную роль играли даже не польские помещики, не польские капиталисты, ибо положение Польши, как и теперь, было отчаянное. Главная сила, которая толкала поляков на войну с нами, была конечно сила капитала международного и в первую голову французского» (Ленин, т. XVII, стр. 331). Польша оказалась лишь только первым орудием, которое против нас могла тогда пустить мировая буржуазия. Но в целом эта война была контрреволюционной войной международной буржуазии против Советских республик, а не только одиночным нападением на нас польских помещиков и капиталистов. Польша начинала войну, в то же время главные силы империализма стояли наготове, чтобы в выгодный момент оказать ей решительную помощь.

«Мы прекрасно знаем, — разъяснял тов. Ленин, — что тот неприятель, который стоит перед нами сейчас, не страшен нам после того, что было уже пережито, но мы прекрасно знаем, что, как только этот неприятель будет иметь хоть немного успеха, он будет способен причинить нам много серьезных бедствий, потому что буржуазные государства, которые сейчас оставляют его в стороне, не преминут примкнуть к нему, не преминут затормозить нашу работу и наше строительство».

Эти же обстоятельства заставляли в свое время тов. Ленина настойчиво подчеркивать именно международный характер советско-польской войны в отличие от предыдущих этапов борьбы на внутренних фронтах. «Война с Польшей, — говорил он, — оказалась более войной против Антанты, чем предыдущие войны... Предыдущие были тоже войнами против Антанты, но эти войны шли на русской территории против белогвардейских офицеров и мобилизованных ими крестьян. Эти войны не могли превратиться в войны, которые бы поколебали Версальский мир. Вот в чем их отличие от

войны с Польшей. Война против Юденича, Колчака, Деникина была тоже войной против Антанты и была войной России рабочей против всей буржуазной России. И когда она окончилась победой и когда мы разбили Юденича, Колчака, Деникина, то это не было прямое наступление на Версальский мир. С Польшей вышло наоборот,— и в этом отличие войны против Польши, в этом международное значение Польши» (т. XVII, стр. 334).

Таким образом советско-польская война была одним из звеньев в нашей гражданской войне, начатой буржуазией после Октябрьского переворота, звеном, обозначавшим перерастание ее из внутренней войны против русской буржуазии, поддерживаемой международной буржуазией, во внешнюю революционно-классовую войну непосредственно против самой международной буржуазии. Основные причины этой войны — непримиримые противоречия между советской системой и системой международного капитализма, бесконечная ненависть последнего к пролетарской революции.

Внутреннее состояние Польши и Советской России к началу войны

Тот факт, что Польша, а не кто-либо другой, явилась орудием империализма в его очередной попытке удушить пролетарскую революцию в нашей стране, целиком вытекает из той роли, которую играла Польша в тот период в международной жизни, и ее внутреннего состояния.

Версальский мир создал из Польши государство-буфер, отделявший революционную Россию от побежденной в мировой войне и революционной в ту пору Германии. Эта роль имела своей основой националистические настроения широких слоев мелкой буржуазии, составлявшей основу всего населения Польши, эти слои связывали как с Германией, так и с Россией представление о старом угнетении и национальном неравенстве. Эти чувства усиленно подогревались польской буржуазией и мелкобуржуазными соглашательскими партиями, официально игравшими тогда в Польше руководящую роль.

Тем не менее непосредственно после мировой войны революционное движение внутри Польши стояло весьма высоко. На VIII съезде партии тов. Ленин в прениях по национальному вопросу внутреннее состояние Польши оценивал так: «В различных странах размежевание пролетариата и буржуазии идет своеобразными путями. На этом пути мы должны действовать осторожнейшим образом. Особенно нужно быть осторожным по отношению к различным нациям, ибо нет вещи хуже, чем недоверие нации. У поляков идет самоопределение пролетариата. Вот последние цифры относительно состава Варшавского совета РД: от польских социал-предателей — 353, от коммунистов—297. Это показывает, что там по нашему революционному календарю недалек уже Октябрь. Это не то август, не то сентябрь 1917 г. Но, во-первых, не издан еще такой декрет, чтобы все страны должны были жить по-большевистскому революционному календарю, а если бы и был издан, то не исполнялся бы. А во-вторых, сейчас дело обстоит таким образом, что большинство польских рабочих, более передовых, чем наши, более культурных, стоит на точке зрения социал-оборончества, социал-патриотизма. Нужно выждать. Тут нельзя говорить о самоопределении трудящихся масс, мы должны пропагандировать эту дифеленциацию. Это мы делаем, но нет ни тени сомнения в том, что нельзя не признавать самоопределение польской нации сейчас. Это ясно. Польское пролетарское движение идет по тому же пути, что наше, идет к диктатуре пролетариата, но не так, как в России. Рабочих там запугивают, что москали, велокоруссы, которые всегда поляков давили, хотят внести в Польшу свой великорусский шовинизм, прикрытый названием коммунизма. Не путем насилия внедряется коммунизм. Одному из лучших товарищей польских коммунистов я сказал: «Вы сделаете иначе». «Нет,— ответил он мне,— мы сделаем то же самое, но мы сделаем лучше, чем вы». Против такого довода я решительно ничего не мог возразить. Надо предоставить возможность исполнить скромное желание сделать советскую власть лучше, чем у нас. Нельзя не считаться с тем, что пролетарская революция идет несколько своеобразно» (т. XVI, стр. 121).

Мы привели эту длинную выдержку из доклада тов.

Ленина для того, чтобы на ряду с исчерпывающей характеристикой сущности внутреннего состояния Польши того периода показать четкие и глубокие указания тов. Ленина о необходимости сугубо осторожного подхода к этому состоянию извне, тем более важные, что ряд этих указаний в процессе наступления нами был невольно забыт.

В другом месте тов. Ленин, характеризуя наше международное положение в этот же период, говорил: «Сейчас наше положение таково, что у нас есть громадные резервы. Мы знаем, что и польская и венгерская революции нарастают очень быстро. Все эти революции по дадут нам помощь, облегчат наше положение и в громадных размерах подкрепят нашу пролетарскую базу. Это может случиться в ближайшие месяцы, но мы не знаем, когда это случится» (т. XVI, стр. 122).

Таким образом за год до начала советско-польской кампании внутреннее состояние Польши тов. Лениным расценивалось как непосредственно революционное. В течение года польской буржуазии удалось несколько укрепить свое положение и деморализовать ряды пролетариата, особенно в связи с несколькими поражениями германской революции (разгром восстания спартаковцев и др.). Тем не менее в месяцы непосредственно перед войной революционное движение в ней было крупной величиной, заметно влиявшей на ход военных действий.

29 марта 1920 г., т. е. меньше чем за месяц до начала польского наступления, тов. Ленин, разбирая вопрос о мировых переговорах с Польшей, говорил так:

«Господа представители французской политики, которые больше всего науськивают Польшу, вожди помещичье-буржуазной Польши, не знают, что будет дальше, не знают, чего они хотят. Они сегодня говорят: «Господа, несколько поездов с пушками, и мы готовы воевать с большевиками». Они скрывают вести о забастовках, которые в Польше разрастаются, нажимают на цензуру, чтобы скрыть правду. А революционное движение там вырастает... В сознание самих представителей буржуазно-помещичьей Польши начинает проникать мысль: «Не поздно ли, не будет ли раньше Советская республика в Польше, чем произойдет учинение государственного

акта, мирного или военного». Они не знают, что делать, они не знают, что несет им завтрашний день. Мы знаем, что каждый месяц дает нам гигантское усиление наших сил и будет давать больше» (т. XVII, стр. 69).

Таким было внутреннее состояние Польши непосредственно перед началом ее вооруженного выступления против нас.

Что касается международного положения и внутреннего состояния нашей страны, то о первом в конце марта 1920 г. на IX съезде партии тов. Ленин говорил, что оно для нас прочнее, чем когда бы то ни было до этого времени. «В международном отношении, — докладывал он съезду, — наше положение никогда не было еще так выгодно, как теперь, и что особенно наполняет нас бодростью и радостью, — это те вести, которые каждый день мы получаем из Германии и которые показывают, что, как ни трудно, ни тяжело рождается социалистическая революция, пролетарская советская республика в Германии растет неудержимо.

Немецкая корниловщина сыграла и в Германии такую же роль, как и в России. После корниловщины начался поворот к рабочей власти не только в массах городских рабочих, но и в сельском пролетариате Германии, и этот поворот имеет всемирное историческое значение. Он дает нам не только еще и еще раз абсолютное подтверждение правильности пути, он дает нам уверенность, что недалеко время, когда мы будем итти рука об руку с немецким советским правительством» (т. XVII, стр. 61).

В отношении внутреннего состояния нашей страны выше мы приводили общую характеристику нашего хозяйственного положения, к которому мы пришли в результате почти трех лет войны, предшествующей нашему решительному столкновению с панской Польшей. Разруха всех отраслей промышленности, тяжелое состояние сельского хозяйства, развал в транспорте — поставили в центре работ IX съезда ВКП(б), заседавшего всего за месяц перед вторжением Пилсудского на Украину, вопросы хозяйственного строительства. Это, в связи с тем поражением, которое мы впоследствии потерпели под Варшавой, дало повод кое-кому и сейчас найти в работах съезда и всей партии в целом недо-

оценку непосредственной угрозы войны с Польшей. А это, как пишет тов. Суслов, в работе «Политическое обеспечение советско-польской кампании в 1920 году»[1]), привело к тому, что вся страна, все общественные организации и Красная армия оказались ориентированными на внутрихозяйственные задачи и в известной степени «демобилизованными», в отношении еще продолжавшего существовать польского фронта». Такая точка зрения не только не верна, но и равносильна прямой клевете на партию, якобы дезориентировавшую рабочий класс, Красную армию и всю страну в целом в отношении войны с Польшей. Чтобы видеть всю вздорность этого утверждения, достаточно взять хотя бы основные выступления тов. Ленина. Уже 26 января 1920 г., т. е. тогда, когда мы еще не разгромили окончательно Деникина, в речи на беспартийной конференции Красно-Пресненского района он указывает партии и стране в целом на опасность с запада, подчеркивая, что здесь «Франция усиленно натравливает на нас Польшу». 1 марта, в речи на казачьем съезде, он решительно подтверждает возможность нападения Польши на нас в ближайшее время. 17 марта в секретной записке тов. Уншлихту тов. Ленин дает указания о развитии самой интенсивной агитации на польском языке, мотивируя это тем, что «поляки видимо воевать будут и мы все возможное делаем для усиления обороны». Наконец на самом IX съезде, где основными вопросами были вопросы хозяйственного строительства, тов. Ленин в докладе значительное внимание уделил нашим взаимоотношениям с Польшей, подытоживая их так: «Польская буржуазия бросает мирное предложение, зная, что авантюра может быть польской корниловщиной. Зная, что наш противник находится в отчаянно трудном положении, противник, который не знает, что он хочет делать, что будет делать завтра, мы с полной твердостью должны сказать себе, что, несмотря на то, что мирное предложение было, война возможна» (т. XVII, стр. 70). Разве это дезориентирование в возможности войны? Разве эта оценка не была единодушно одобрена съездом? И если тем не менее съезд все же концентрировал основное внимание на

---

[1] Гиз, 1930 г., стр. 28.

вопросах хозяйственного строительства, то вовсе не из-за недооценки опасности войны с Польшей. Хозяйственные вопросы ставились в предвидении этой войны и в связи с ее возможностью. Состояние страны, разрушенной войной, было таково, что хотя бы в частичном восстановлении хозяйства было то основное звено, за которое нужно было ухватиться, чтобы спасти самую советскую власть. Не даром тов. Ленин, призывавший к бдительности в отношении к Польше, в речи о кооперации на том же съезде со всей решительностью подчеркнул: «Сейчас самое главное — повысить производство и количество продуктов» (т. XVII, стр. 92). А несколько раньше он эту мысль развивал так:

«Нам ждать нельзя. Страна так разорена, бедствия достигли такой громадной силы — голод, холод и общая нужда, — что так дальше продолжаться не может. Никакая преданность, никакое самопожертвование не спасут нас, если мы не спасем физического существования рабочих, если мы не предоставим им хлеба, если не сумеем заготовить в громадном количестве соли, чтобы вознаграждать крестьян не цветными бумажками, на которых долго держаться нельзя, а правильно организовав товарообмен. *Тут вопрос самого существования всей власти рабочих и крестьян, самого существования Советской России стоит на карте*. Когда некомпетентные люди стоят во главе управления, когда не подвезено топливо во-время, когда не починены паровозы, пароходы и баржи, самое существование советской власти стоит на карте» (XVII, стр. 54). Вот где основные причины того, что непосредственно перед войной вопросы хозяйственного строительства встали во весь рост перед партией и всей страной. Не понимать этого, твердить, что это заслонило опасность со стороны Польши, значит ничего не понимать в политике нашей партии в ту пору, скатываясь в оппортунистическое болото.

В качестве вывода из сказанного следует, что мы вступали в эту войну при напряженном внутреннем состоянии Польши, но еще при неизжитых взглядах среди широких слоев польских трудящихся масс «на всякого велокорусса, как на угнетателя». Мы имели наиболее благоприятное за время гражданской войны международное положение, но зато имели у себя в тылу тяже-

лейшую разруху, грозившую самому физическому существованию рабочего класса и его союзу с крестьянством, на которое революция взваливала огромные материальные тяготы. Все это не могло не найти отражения на всем ходе советско-польской войны.

Крах мирных переговоров и вторжение Пилсудского в правобережную Украину

Началу советско-польской войны предшествовал целый ряд попыток советского правительства урегулировать все спорные вопросы с Польшей мирным путем.

Так, еще 28 января 1920 г. в ноте, обращенной к польскому правительству, Совет народных комиссаров категорически утверждал, что «не существует ни одного вопроса: территориального, экономического или иного, который не мог бы быть решен мирно, путем переговоров, взаимных уступок и соглашений». 2 февраля в специальном обращении к польскому народу от имени ВЦИК говорилось, что «стремление к миру с Польшей есть искреннее и глубочайшее желание рабочих и крестьян» и что нужно «покончить с кровопролитной войной, дабы оба народа могли начать войну с гнетущими их бедствиями — холодом, голодом, тифом и безработицей». Оба обращения остались без ответа со стороны Польши.

6 марта советское правительство вновь подтвердило свое предложение, отмечая, что «состояние войны является вредным для интересов обоих народов».

Польша, усиленно снабжавшаяся в это время военными припасами из Франции и готовившая свою армию к наступлению, только 27 марта ответила согласием на мирные переговоры, назначая их местом гор. Борисов и выставляя условием прекращение военных действий только в этом районе. Смысл польского предложения заключался в том, что, сосредоточивая свои силы для похода на Украину, Пилсудский предполагал наличие значительных наших сил в Борисовском районе. Обязывая нас отказаться от военных действий в этом районе, он тем самым думал обезвредить наши части здесь, развязав себе руки для удара в другом районе и в первую очередь на Украине. Советское правительство

предлагало для переговоров любой другой город, кроме Борисова. Польша отвергла это предложение. После ряда неудачных попыток установить какой-нибудь

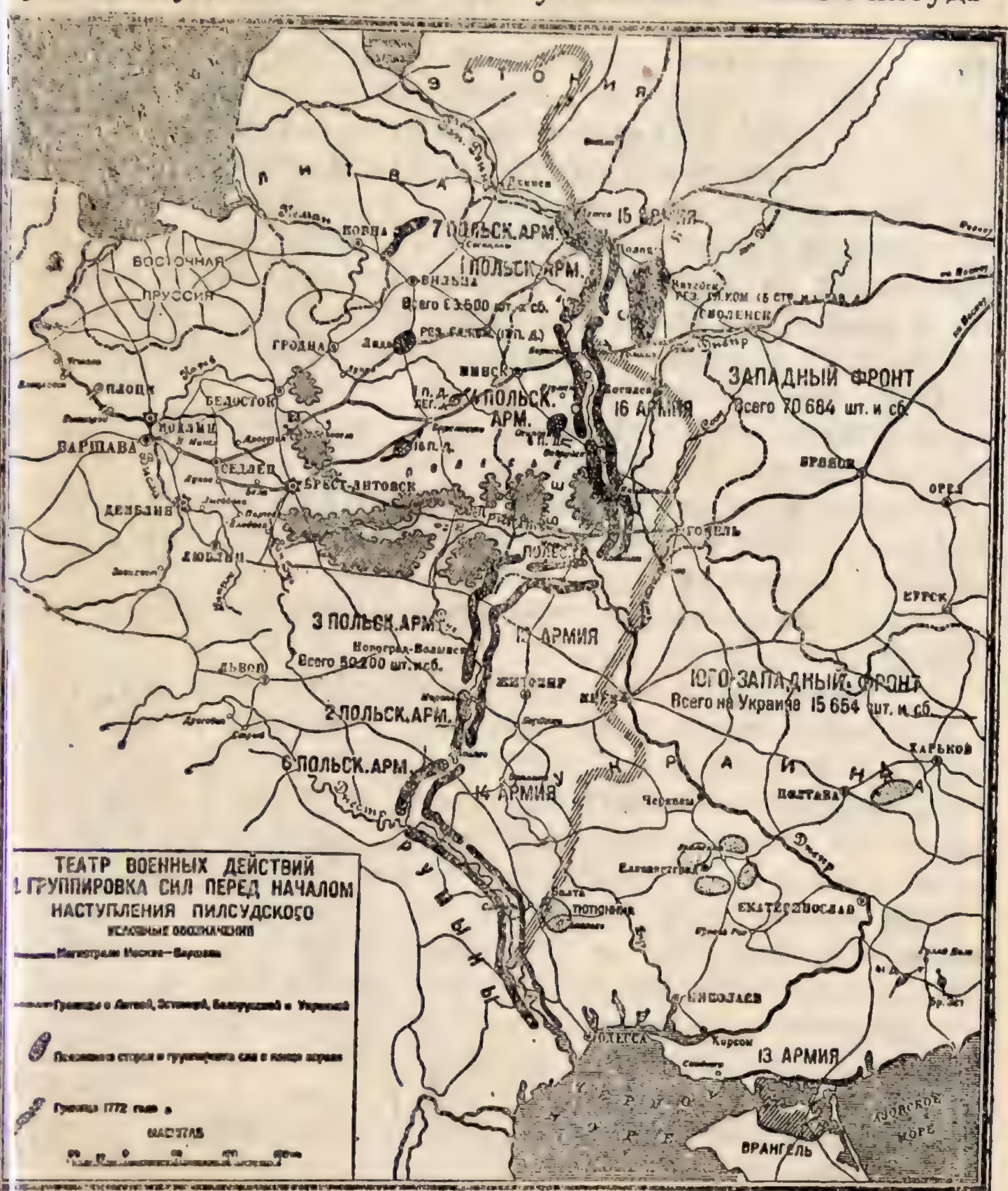

Схема 14. На польском фронте перед наступлением Пилсудского.

пункт для переговоров, советское правительство нотой от 8 апреля 1920 г. вынуждено было признать себя «поставленным перед печальной необходимостью признать крушение переговоров с Польшей из-за вопроса о месте переговоров».

25 апреля развернулось наступление польских войск на правобережную Украину.

Этому наступлению предшествовало соглашение Пилсудского с Петлюрой, именовавшим себя «головным атаманом Народной украинской республики». По этому соглашению Польша, признавая правительством Украины директорию во главе с Петлюрой, заключала с ним военный и политический союз, обязывая его отложить решение аграрного вопроса на Украине до созыва учредительного собрания. Последнее мероприятие было рассчитано на закрепление земель за польскими магнатами и помещиками, а весь союз в целом — на превращение всей Украины в полуколониальную зависимость от Польши.

Заключая союз с Петлюрой, Пилсудский предполагал, что петлюровщина имеет глубокую почву в крестьянских массах Украины и что таким образом его поход встретит массовое сочувствие и поддержку украинского населения.

Внешне казалось, что эти предположения имели основания.

Вся территория Украины в это время была покрыта сетью политического бандитизма. В южной и юго-восточной части Украины этот бандитизм носил махновский (анархо-кулацкий) характер. В Правобережье и особенно в Киевщине значительная часть банд носила националистически-кулацкую, петлюровскую окраску. Некоторые из банд достигали численности в несколько тысяч человек. Однако этот бандитизм в ту пору уже оказывался большей частью поверхностным явлением, не имевшим глубоких корней в крестьянских массах. Крестьянство в основной своей массе относилось к деятельности банд пассивно, будучи в то же время непримиримо враждебным помещикам как украинского, так и особенно польского происхождения, ибо к вражде к последнему присоединялись еще и национальные противоречия, особенно сильные как раз в Правобережье (и в частности в Киевском районе) Украины, т. е. там, где Пилсудский и Петлюра ожидали наибольшей помощи.

Заключением союза с Петлюрой правящая клика Польши тем самым показывала, что в своем походе про-

тив советских республик она пытается опереться не только на свои собственные силы, но и на контрреволюционные силы внутри советских республик. Отторжение от советской территории всей Украины далеко выходило за пределы границ даже 1772 г. Отнятие у советской власти украинского хлеба, криворожского и донецкого угля и железа, изолирование Советской республики от портов Черного моря должны были нанести сокрушительный удар по ее политической, экономической и военной мощи и тем самым подготовить ее окончательную ликвидацию.

На ряду с украинскими националистами Польша объединяла вокруг себя в борьбе с Советами и белогвардейцев самых разнородных мастей. Здесь были отряды Булак-Балаховича, остатки белогвардейских частей группы генрала Шиллинга, бежавшие сюда при разгроме их в правобережной Украине в начале 1920 г., и прочий им подобный белогвардейский сброд.

Это лишний раз говорит об истинном характере советско-польской войны.

Начав сосредоточение крупных частей на нашем фронте с начала 1920 г., поляки в средине апреля этого года (по нашим данным) располагали силами в 115 700 штыков и сабель, около 600 орудий и до 3 000 пулеметов. Из этих сил 65 500 штыков и сабель (бойцов) располагалась севернее Полесья, в пределах Белоруссии, 50 200 бойцов развернулись на Украине. Этим силам на обоих фронтах — западном (Белоруссия) и юго-западном (украинском)—к этому времени противостояли 86 338 штыков и сабель наших войск. Из них на западном фронте имелось около 70½ тысяч, на юго-западном — 15½ тысяч бойцов (штыков и сабель). Таким образом, в то время как на западном фронте мы располагали небольшим численным перевесом, на украинском мы уступали белополякам в численности почти в 3½ раза. Это создало выгодные предпосылки для первоначальных успехов польского наступления.

Все это вместе взятое, а в первую очередь то, что Пилсудский искал опоры в дальнейшей борьбе и во внутренних контрреволюционных силах нашей страны, определило нанесение главного удара поляков на Украине, а не в Беллоруссии.

План операции Пилсудского и занятие поляками Киева

К 25 апреля белопольские армии на Украине развернулись следующим образом: от р. Припяти по р. Словечне и далее по р. Случу до м. Ново-Мирополь располагалась 3-я польская армия, численностью около 16 000 штыков и 3 500 сабель, под командованием самого Пилсудского. Южнее, между Ново-Мирополем и г. Летичевым, шел фронт 2-й польской армии, общей численностью в 11 000 штыков и сабель. Южнее 2-й, на правом фланге польского фронта до р. Днестра, располагалась 6-я польская армия в составе 18 300 штыков и сабель.

Этим силам противостояли красные армии юго-западного фронта, при чем против 3-й и 2-й польских армий на участке от р. Припяти до ст. Синява (около 300 км) стояла жидким кордоном 12-я Красная армия, имевшая в своем составе всего-навсего 9 216 штыков и сабель. Против 6-й польской армии находилась 14-я Красная армия, имевшая численность в 2 786 штыков. Одна дивизия этой армии редкой цепочкой по берегу Днестра обеспечивала Советскую Украину со стороны Румынии.

Наибольшее провосходство в силах при таком расположении обоих противников у поляков получалось на южном участке, где они превосходили нас не менее чем в 6 раз. Наименьшее превосходство поляки имели на северном участке, где они превосходили нас всего не более чем в 3 раза. Несмотря на это, главный удар Пилсудский решил нанести все же 3-й армией, той, которой командовал сам. Общий план операции сводился к разгрому в первую очередь правого крыла нашего юго-западного фронта, т. е. 12-й армии. Для этого из района Новоград-Волынска на Житомир должна была нанести сильный удар группа генерала Рыдза-Смиглого. Одновременно с ней группа полковника Рыбака, наступая с севера от реки Припяти на линию жел. дороги Киев—Коростень, должна была у ст. Малин перехватить пути отхода красных войск на Киев. Конница генерала Ромера должна была захватить узловую ст. Казатин. Выведя этими ударами из строя 12-ю Красную

армию, Пилсудский предполагал собрать свои главные силы в районе Житомир — Бердичев, чтобы дальше, в зависимости от обстановки, или наступать ими на Киев, или действовать против нашей 14-й армии в направлении на Одессу. Пока же против 14-й армии предполагалось ограничиться вспомогательными действиями.

План операции, составленный Пилсудским, целиком вытекал из политических соображений. Первоначальный удар был направлен в район, который, по петлюровским данным, был политически наиболее благоприятен. С выходом в него, казалось, сразу же можно было рассчитывать на поддержку масс населения. Что на это именно рассчитывал Пилсудский, очень ярко видно из его обращения, к украинскому населению перед началом операции.

«Вместе с польской армией, — писал Пилсудский,— вступают на Украину многие из ее доблестных сынов во главе с великим атаманом Петлюрой, нашедшим помощь и убежище в Польше после тягчайших испытаний, постигших его страну.

Я твердо уверен, что украинский народ напряжет все свои силы, чтобы с помощью Польши завоевать себе свободу и мирным порядком обеспечить плодородным землям своего отечества счастье и благосостояние.

Войска Польской республики несут с собой покровительство и обеспечение всем жителям Украины без различия классов, происхождения и религии. *Я призываю украинский народ и все население этой страны терпеливо переносить невзгоды войны и помогать по мере возможности польской армии, проливающей кровь за свободу Украины»*.

Несмотря на все эти предпосылки, план Пилсудского отчетливо вскрывал его весьма ограниченные военные способности. Это видно уже из того что, имея подавляющее превосходство в силах, польские войска вступали на Украину с трусливой осторожностью. Их первоначальный удар простирался всего до района Житомира, сама цель операции в дальнейшем становилась неясной — не то движение на северо-восток, на Киев, не то — на юго-восток или даже на юг, против нашей 14-й армии.

Польские войска ограничивались вспомогательными действиями (против 14-й Красной армии) как раз на том участке, где их превосходство было наибольшим.

Удар в масштабе всего украинского фронта наносился только в одном направлении,— и это считалось верхом польского оперативного искусства! Между тем Пилсудский располагал достаточными силами для одновременного разгрома 12-й и 14-й армии и для занятия Киева. Для этого требовалось, направляя удары 3-й армии, так же как и в плане Пилсудского, не ограничивать ее продвижение районом Житомира, а поставить сразу целью действия выход армии в район Киева. Одновременно подавляющие силы 6-й и части 2-й польских армий могли не менее стремительно обрушиться на 14-ю Красную армию и, действуя своим левым крылом в юго-восточном и южном направлениях (вдоль жел. дороги Жмеринка — Вапнярка), прижать ее к румынской границе. Правда, силы польского фронта действовали бы в расходящихся направлениях (на северо-восток, юго-восток и даже юг), но им в этих действиях ничто не угрожало. Наш юго-западный фронт ничем, кроме сил 12-й и 14-й армий на Украине, не располагал. Первая конная армия, шедшая на его усиление с Северного Кавказа, о движении и месте нахождения которой Пилсудский знал, могла появиться здесь не ранее как через месяц, т. е. срок, вполне достаточный для того, чтобы покончить до ее прихода с обеими нашими армиями и сделать нужную перегруппировку. Кроме того, располагая подавляющими силами, поляки всегда имели возможность выдвинуть заслон между этими основными операционными направлениями, использовав для этого в случае нужды даже всю 2-ю армию.

Но для такого решения требовались смелость и умение правильно понять и оценить политическую и оперативную обстановку. Этим очевидно Пилсудский не обладал и, учиняя разбой на Украине, учинял его весьма трусливо, как мелкий вор, боящийся расплаты.

25 апреля польские армии украинского фронта перешли в наступление. Слабые, растянутые на широком фронте части 12-й Красной армии, не оказали им серьезного сопротивления. 26 апреля поляки заняли уже

Схема 16. Перед наступлением Пилсудского.

Житомир, а их конница — станции Малин и Казатин. Однако захват этих станций сверх ожидания Пилсудского не создал для наших частей катастрофического положения. На севере отступающая от Коростеня 7-я красная стрелковая дивизия выбила поляков со станции Малин и прорвалась к Киеву. На среднем участке 44-я дивизия, узнав о занятии Казатина поляками, прошла, отступая, южнее его. На участке 14-й армии противник действовал крайне медленно, и эта армия, уступая в численности ему по меньшей мере в 5 раз, успешно отбивала его атаки.

Тем не менее быстрое продвижение 3-й польской армии у Житомира и у ст. Малин поставило в тяжелое положение нашу 12-ю армию. Управление большинством дивизий со стороны армии было потеряно. Дальнейшее стремительное преследование противника могло совсем вывести из строя все ее части. Но этого план Пилсудского, как известно, «не предусматривал», и дальнейшее продвижение польских частей резко замедлилось. Сам Пилсудский начал колебаться — то ли итти ему на Киев и завоевывать столицу для Петлюры, то ли обратиться на юг против 14-й армии, где 18 300 штыков и сабель 6-й польской армии никак не могли справиться с 3 000 штыков и сабель 14-й красной армии, действовавшей против них.

Колебания Пилсудского разрешились только 3 мая. 3-я польская армия, на этот раз уже под командованием ген. Рыдза-Смиглого, двинулась на Киев. 2-я польская армия получила задачу обеспечить ее с юга, а 6-я должна была обеспечивать 2-ю, прочно занимая для этого железнодорожную линию Могилев н/Днестре — Казатин.

Двинувшимся на Киев войскам ген. Рыдза-Смиглого (около 15 000 штыков и сабель) красное командование могло противопоставить всего 3 400 штыков и сабель, сильно расстроенных предыдущими боями остатков 12-й Красной армии. Такое соотношение сил быстро решило участь Киева. 6 мая Киев был оставлен нашими войсками, а 9 мая польские части переправились через Днепр и, заняв затем плацдарм на его левом берегу, прекратили дальнейшее распространение на восток.

Этим закончился поход Пилсудского на Украину.

Его положительным результатом для поляков можно считать только то, что наша 12-я армия с 12 000 бойцов сократилась до 4 000. Зато огромная территория, захваченная поляками для себя и Петлюры, сразу же показала, насколько неосновательны были их расчеты на поддержку украинского крестьянства. Польские войска и пришедшие с ними помещики крестьянством были встречены с острой враждебностью. Соглашение, заключенное между Петлюрой и Пилсудским и передавшее Украину в кабалу польскому помещику и капиталисту, не только не расположило массы населения в их пользу, но и окончательно подорвало авторитет петлюровцев, даже среди до сих пор искренне настроенных украинских националистов. Глубокое вторжение польских войск вызвало революционный подъем в рабоче-крестьянских массах Украины и России. Этот подъем сопровождался национальным подъемом среди интеллигенции и мелкобуржуазных городских слоев обеих стран. Ряд видных деятелей старой царской армии — генералы Брусилов, Поливанов, Клембовский, Верховский и другие — обратился к советскому правительству с предложением своих услуг для борьбы с польским нашествием.

Подъем в настроениях широких народных масс дал возможность партии и правительству быстро сорганизовать решительный отпор польскому нашествию. В ответ на захват поляками Киева в войсках западного фронта и в частях, перебрасываемых на него с других фронтов и с различных концов Советской страны, родился и стихийно вырос мощный клич: «Даешь Варшаву!» Однако этот подъем в свою очередь явился причиной некоторых наших ошибок, сыгравших впоследствии свою роль при борьбе Красной армии в глубине Польши.

Образованное при Главкоме Особое совещание по борьбе с панской Польшей из видных старых генералов, под председательством генерала Брусилова, дало повод польской буржуазии и мелкобуржуазным партиям Польши в политической обработке населения в те дни, когда Красная армия перешла в наступление, отождествлять это наступление с походами внутрь Польши старой русской армии. Сам лозунг «Даешь Варшаву»

был истолкован ими как олицетворение захватнических стремлений советского империализма.

Организация отпора нашествию Пилсудского на Украине и первое наступление на западном фронте

Вторжение поляков на Украину вызвало энергичную работу по всей Советской стране по организации им решительного отпора. Во главе этой работы, как и всегда, стала партия. Энергичное содействие ей оказывали комсомол, профсоюзы, все советские и общественные организации. Почти тотчас же вслед за началом наступления по всей стране был проведен ряд партийных, комсомольских и профсоюзных мобилизаций. Уже 4 мая Петроград отправил на фронт первую партию мобилизованных коммунистов (около 300 чел.), за ним последовали Москва, Нижний, Иваново-Вознесенск и др. Ряд советов мобилизовал от 10 до 40% своих членов на польский фронт.

На ряду с мобилизациями широкое развитие получило добровольчество. О формированиях и посылке на фронт добровольческих отрядов имелись сведения почти из всех крупных городов. Основу этих отрядов составили рабочие — коммунисты и беспартийные. Целый ряд красноармейских частей, расположенных внутри страны, потребовал посылки их на польский фронт.

Имевшиеся сдвиги внутри интеллигенции и городской мелкой буржуазии обусловили их иное, чем в прежних кампаниях, отношение к подготовке обороны Советского государства. Обращение Особого совещания при Главкоме, во главе с Брусиловым, а затем и самого Совнаркома ко всем бывшим офицерам дало значительный приток в армию бывших офицеров, в том числе частично служивших и ранее в белых армиях. Так, только Москва подготовила и отправила на фронт свыше 1 500 таких офицеров.

Сдвиги в настроениях мелкой буржуазии нашли отражение и в позициях их партий. Московские меньшевики устами Мартова и Абрамовича признали «советскую политику в польском вопросе правильной, а борьбу на западном фронте — кровным делом пролетариата».

Но при всем бесспорном подъеме среди рабочего класса и городской интеллигенции война с Польшей не вызвала такого же по силе движения в глубоких массах крестьянства. Крестьянство было взбудоражено в районах, прилегающих к польскому фронту (правобережная Украина и Белоруссия), но не чувствовало в польском нашествии такой грозной опасности, как от Колчака или Деникина в районах центральной России и степной части той же Украины (Екатеринославщина, Харьковщина, Таврия и др. районы). Больший подъем был в той части крестьянства, которая была в армии и на этот период оказалась оторванной от обстановки в деревне.

На ряду с изменением соотношения классовых сил внутри страны нашествие польских армий на Украину имело те же последствия и в международном масштабе, вызвав движение протеста среди пролетариата важнейших капиталистических стран, особенно усилившегося тогда, когда эти страны попытались оказать активную помощь Польше. Но все эти движения внутри и вне страны сказались на фронте лишь в дальнейшем, пока же армиям нашего противопольского фронта приходилось думать о борьбе с врагом только собственными силами, используя настроения, вызванные этим нашествием на самом театре военных действий.

Юго-западный фронт, потеряв Киев, не располагал достаточными силами для того, чтобы организовать против захватчиков немедленный контр-удар. Этот контрудар делался возможным лишь с подходом 1-й конной армии, а пока в задачи фронта вошло сдерживание дальнейшего распространения поляков. В связи с этим нанесение первого удара выпало на долю западного фронта.

В тот момент, когда поляки развернули наступление на Украине, армии этого фронта в Белоруссии располагались следующим образом:

1) От р. Припяти и далее по р. Березине до г. Борисова включительно располагалась 16-я Красная армия, численностью около 28½ тысяч бойцов.

2) Северее ее, также по р. Березине и далее к г. Дриссе на р. Зап. Двине, шел фронт 15-й Красной армии, имевший в своем составе около 36 тыс. штыков и 2½ тыс. сабель, включая в это число и сосредоточи-

ваемые в районе Витебска резервы главного командования. Всего таким образом в армиях западного фронта мы имели около 61 000 штыков и 5 000 сабель.

Этим силам противостояли 4-я и 1-я польские армии, общей численностью около 50 000 штыков и 4 500 сабель. Из них 4-я армия (17 200 штыков и 3 200 сабель) занимала фронт от р. Припяти до озера Пелик (в верховьях р. Березины), имея таким образом против себя 16-ю Красную армию.

Севернее оз. Пелик, против нашей 15-й армии, стояла 1-я польская армия, насчитывавшая в своем составе 34 000 штыков и 1 300 сабель.

В начале мая 4-я польская армия, содействуя наступлению 3-й польской армии на Киев, перешла в наступление на гомельском направлении, и 9 мая овладела г. Речицей. Считая, что это наступление может развиться по всему фронту, наше командование западного фронта решило сильным ударом 15-й армии «разбить и отбросить польскую армию к Пинским болотам». 16-я армия должна была нанести вспомогательный удар в направлении Игумен—Минск.

Одновременно предполагалось, что успех нашего наступления здесь вызовет переброску сюда части польских сил с Украины и тем облегчит положение нашего юго-западного фронта.

Задаваясь столь решительными целями, как «разбить и отбросить польскую армию к Пинским болотам», следует признать, что командование западного фронта в это время не располагало должным перевесом сил. 1-я польская армия, которую в первую очередь задумал разбить наш западный фронт, почти не уступала по численности назначенной против нее 15-й красной армии, превосходя в боевом отношении целый ряд частей последней. Уже одно это ставило возможность выполнения замысла командования западного фронта в зависимость или от высокого управления и искусных действий наших войск, или от крупных оперативных промахов поляков. Ни того ни другого на этот раз не случилось.

14 мая 15-я Красная армия перешла в наступление. Сопротивление первой линии польских частей было легко сломлено. 18 мая наши дивизии находились уже

в 60-70 км в глубине польского расположения, тесня отходящие перед ними польские части. В конце мая проникновение 15-й армии дошло до ста и больше километров, но в это время начал решительно сказываться недостаток ее сил. Фронт наступления армии расширился до 200 километров, а ее части разбросались на нем равномерными группами. Между тем поляки принимали энергичные меры по ликвидации нашего наступления. С Украины в Белоруссию перебрасывались две дивизии, одна бригада шла из центра страны. Первые контрудары поляков пришлись по 16-й армии. Переправившись с запозданием через р. Березину, она к 25 мая овладела г. Игуменом, вдавшись в польское расположение узким клином. На основание этого клина 22 и 23 мая поляки и направляют удары подошедших резервов. Сопротивление наших немногочисленных частей быстро сламывается, и уже 26 мая части 16-й армии уходят обратно за Березину.

В конце мая все усилия поляков сосредоточиваются против 15-й армии. Сильные польские группы одновременно атакуют ее правый фланг со стороны Свенцян, центр со стороны Молодечно и левый фланг со стороны Зембина. Под согласованными ударами польских частей фронт, сильно разбросавшейся в пространстве 15-й армии, начинает быстро сдавать. К 8 июня этот фронт оказывается почти повсюду оттесненным в свое исходное положение.

Таким образом первое наступление западного фронта показало, что в лице поляков мы имеем сильного противника, умело использующего все наши ошибки, и что для того, чтобы сломить его, нужны большие силы и более тщательная подготовка, чем те, которыми располагал перед этим наш западный фронт.

Этими событиями заканчивается первый этап советско-польской войны. В его итоге польские армии глубоко вторглись в пределы советской Украины и успешно справились с первым наступлением нашего западного фронта. Однако уже в ближайшие дни белополяков ждала тяжелая расплата: в то время как они начинали успешно теснить армии западного фронта, над ними занесли удар Красные армии юго-западного фронта.

Поражение Пилсудского на Украине и второе наступление на западном фронте

Наступление польских армий на Украине замерло с занятием ими Киева. Ни Пилсудский, ни Петлюра не встретили там массовой поддержки населения. Развивать дальнейший успех силами своих частей Пилсудский не мог уже потому, что почти одновременно с занятием им Киева развернулось майское наступление нашего западного фронта, и польскому командованию приходилось больше думать об его задержке, чем о дальнейшем углублении на Украину.

В связи с этим в течение мая на Украине крупных боевых событий не произошло. Еще не имея нашего контрнаступления, польские армии переходили здесь к обороне. 27 мая 2-я польская армия была расформирована, а ее силы распределены между 3-й и 6-й польскими армиями. Фронт этих армий шел: 3-й армии — от устья реки Припяти по Днепру, вдаваясь на его левый берег у Киева, и далее через Белую Церковь до Казатина; 6-й армии — от Казатина на Гайсин и до Ямполя на р. Днестре. Общая численность всех польских сил на Украине теперь достигала 60 тыс. штыков и сабель, но, не рискуя продвигаться вперед и ожидая нашего удара, они равномерно разбросались на 400-километровом фронте, нигде не имея более или менее значительной группировки. Этим и воспользовалось красное командование. В конце мая в состав юго-западного вошла и сосредоточилась в районе Умани Первая конная армия, в составе 16 700 сабель, 8 бронеавтомобилей и 12 самолетов. С ее подходом общий состав юго-западного фронта достиг 37 000 штыков и сабель, т. е. наши силы все еще почти вдвое уступали силам поляков. Несмотря на это, командование юго-западным фронтом (Егоров, Сталин) решило все же перейти в решительное наступление. Удар по польским армиям намечался сразу в четырех направлениях:

1) Правым флангом 12-й армии от устья р. Припяти на юго-запад, перехватывая у ст. Бородянка и Малин, в тылу у поляков, занимавших Киев, железную дорогу Коростень — Киев.

2) Группа тов. Якира (две дивизии), наступая на Белую Церковь и Фастов, должна была отвлечь воз-

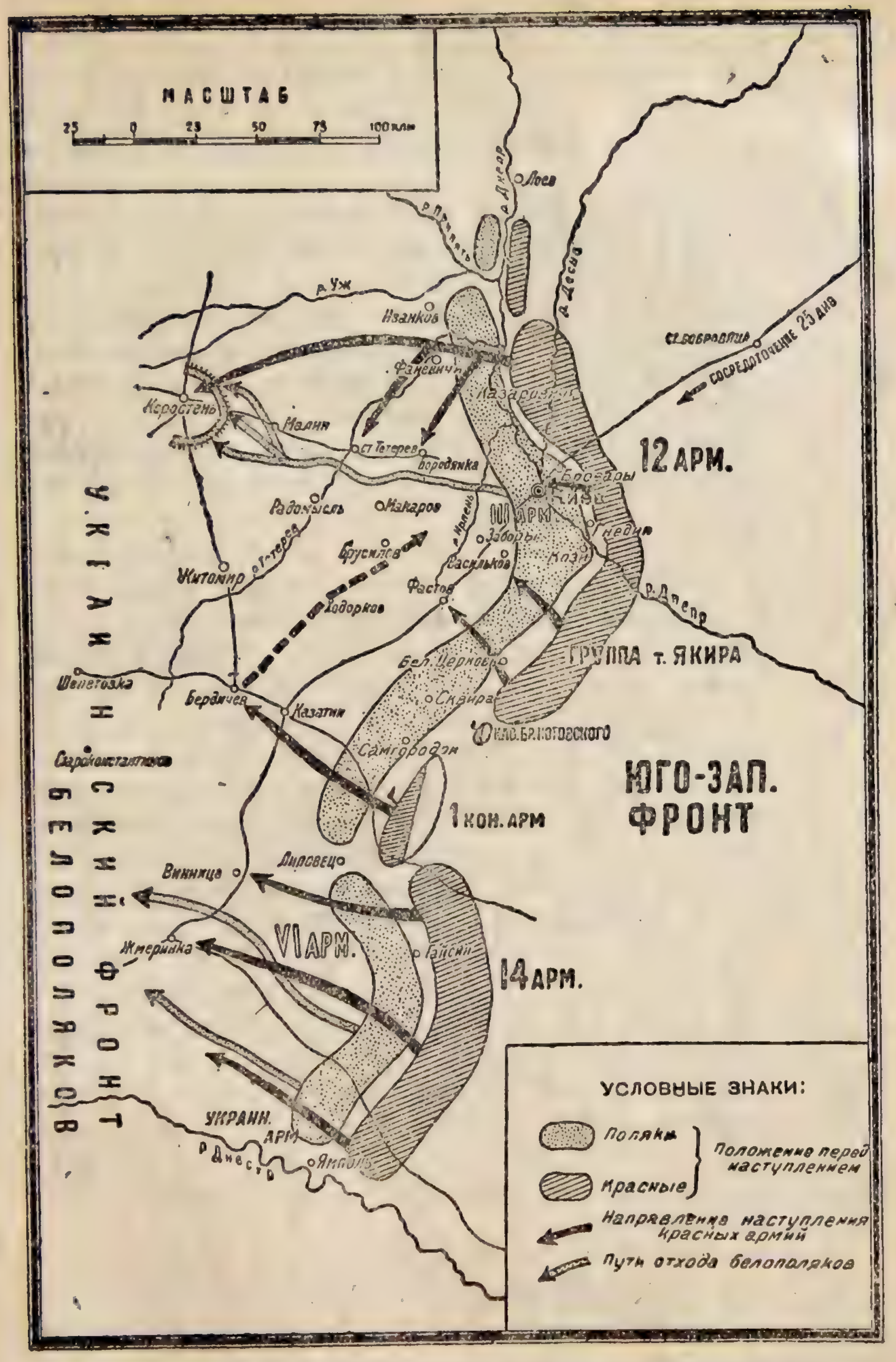

Схема 16. Положение перед вторым наступлением на Юго-заподном фронте.

можно большее количество польских войск с участка Первой конной армии на себя.

3) Первая конная армия, составляя основную ударную группу фронта, должна была захватить Казатин, и в дальнейшем атаковать киевскую группу противника в тыл.

4) Наконец 14-я армия, обеспечивая эту операцию, должна была атаковать 6-ю польскую армию в направлении на Винницу и Жмеринку.

Таким образом три удара из четырех приходилось на фронт 3-й польской армии. Правильное выполнение нашими частями своих задач должно было привести к полному окружению этой армии поляков.

Наше наступление на всех направлениях началось 26 мая. Первоначально бои носили нерешительный характер, пока 5 июня Первой конной армии не удалось прорваться на стыке 6-й и 3-й польских армий в тыл полякам. 7 июня ею были заняты города Бердичев и Житомир с богатыми военными складами поляков. Одновременно с прорывом Первой конной армии успешно переправились через Днепр, севернее Киева, части 12-й красной армии, наступавшие на с. Бородянку.

При первых же сведениях об успехе Первой конной армии Пилсудский приказал очистить участок на левом берегу Днепра, а 3-й армии ударить от Киева на Житомир по тылам Первой конной армии.

Однако генерал Рыдза-Смиглый оказался менее храбрым, чем его маршал. Не получив своевременно приказания Пилсудского, он самостоятельно решил спешно отвести свою армию на Коростень. В ночь с 8 на 9 июня главные силы 3-й польской армии собрались в кулак на правом берегу Днепра в районе г. Киева. Это сосредоточение прошло беспрепятственно, так как Первая конная армия вместо удара по тылам этой армии тотчас же после прорыва польского фронта увлеклась разгромом тылов польского фронта и уклонилась на Житомир.

10 июня польская армия начала отход. В течение 11 и 12 июня она выбила немногочисленные части 12-й армии, пытавшиеся преградить ей путь на линии железной дороги.

14 июня Первая конная армия из района Житомира

направила было две кавдивизии на север для преграждения путей отходящим полякам на Коростень. Однако, эти дивизии, действуя разрозненно (одна шла на Коростень, другая на Радомысль), оказались не в состоянии помешать отходу 3-й польской армии, достаточно организованно отступавшей вдоль железной дороги.

Таким образом из киевского района полякам удалось прорваться на Коростень. Для их уничтожения у нас нехватило сил. И в этом не было ничего удивительного. Успех окружения требует превосходства в силах у окружающего над окружаемым, наши же окружающие части не только не превосходили численностью окружаемых поляков, но и уступали им. Во всех наших окружающих частях было 32 тысячи штыков и сабель, 138 легких и 8 тяжелых орудий против 32 500 штыков и сабель, 168 легких и 55 тяжелых орудий отходящих поляков.

Огромным достижением наших частей было уже то, что они, уступая в численности врагу (особенно в тяжелой артиллерии), стремительными и искусными действиями заставили его, бросая склады, обозы, имущество, начать поспешно очищение Украины.

Прорыв конной армии у Казатина произвел огромное впечатление не только на польскую армию, но и на всю страну. По свидетельству самого Пилсудского, паника в ожидании нашей конницы неожиданно вспыхивала на самых глубоких тылах поляков, парализуя их работу, нервируя буржуазию и вызывая смутные надежды у рабочих и крестьян.

После того как польские части прорвались из-под Киева, армии юго-западного фронта были брошены на их преследование: 12-я армия продолжала движение вдоль железной дороги на Коростень и Сарны, Первая конная — на Новоград — Волынск и далее на г. Ровно, 14-я армия — на Проскуров. Это преследование развивалось необычайно быстрым темпом. Несмотря на двойное численное превосходство, все попытки поляков задержаться быстро сбивались красными частями.

К 1 июля фронт красных частей шел уже по р. Уборть (12-я армия), несколько восточнее Ровно (Первая конная) и далее через Шепетовку, Летичев на Могилев-Подольский (14-я армия). В течение одного месяца,

все время имея перед собой подавляющие силы поляков, наши армии продвинулись вперед на 200-220 км. на правом фланге и на 100-120 км. на левом (здесь, кстати сказать, наша 14-я армия в составе 7 000 штыков и около 2 000 сабель теснила перед собой 27 000 штыков и сабель 6-й польской армии). Революционный подъем в войсках, сочувствие населения и умелое оперативное руководство красного командования сломили численное превосходство белопольских армий, давая им жестокий урок за вторжение на советскую территорию.

Поражение польских армий в Белоруссии

В то время как на Украине успешно развернулось контрнаступление красных армий юго-западного фронта, армии западного фронта в Белоруссии вели энергичную подготовку к новому, еще более решительному удару. Учитывая уроки майского наступления, было обращено внимание прежде всего на повышение численного состава боевых частей. С 5 июня по 5 июля фронт на свое усиление получил 5 новых стрелковых и одну кавалерийскую дивизию. Вместе с ними силы западного фронта составили 21 стрелковую и 2 кавалерийских дивизии. Кроме указанных дивизий, западный фронт получил много укомплектований из запасных частей. Только в районах, занятых фронтом, по свидетельству командующего фронтом, тов. Тухачевского, было изъято и направлено в запасные части армий и фронта около ста тысяч ранее скрывавшихся от мобилизации дезертиров.

Все эти мероприятия дали возможность к началу нового наступления боевой состав западного фронта довести до 97 000 штыков и сабель при 395 орудиях. Эти силы были сведены в четыре армии — 4-ю, 15-ю, 3-ю, 16-ю—и мозырскую группу, образованную из левофланговых частей 16-й армии.

Но если относительно благополучно разрешалось дело с численным составом фронта, то менее гладко дело шло с его материальным обеспечением. На фронте был острый недостаток имущества связи, создававший огромные затруднения в управлении частями, нехватало железнодорожного имущества и железнодорожных войск. Запасы продовольствия фронта в различных ар-

миях колебались от 30 до 60 дней, фуража от 1 до 20 дней. Обмундированием части фронта считались снабженными на 100%; несмотря на это, в начале наступления (июль) многие из них оказались в ватных телогрейках и таких же шароварах. Испытывался недостаток в снарядах для артиллерии, а винтовок имелось всего 49% на все наличное количество бойцов фронта. Это не дало возможности поставить в дивизиях и армиях в строй значительной части присланных пополнений. Огромный недостаток армии западного фронта испытывали в обозе. Казенные транспорты только на одну треть обеспечивали потребность в них наших армий. В связи с этим все армии западного фронта вынуждены были мобилизовать подводы у местного населения: 4-я армия мобилизовала их до 8 000 штук, 15-я и 3-я—15 000, 16-я—10 000. Изъятие подвод у крестьянства в самое горячее время полевых работ хотя и ложилось тяжелым бременем на трудовые крестьянские хозяйства, но тем не менее являлось необходимым мероприятием, без которого были невозможны активные операции наших частей.

Тяжелые материальные условия, в которые попадал западный фронт, были прямым отражением той громадной хозяйственной разрухи, которая царила внутри страны.

На ряду с громадной организационной и материальной подготовкой операции, во всех армиях была проделана большая работа и по ее политическому обеспечению. Здесь в первую очередь колоссальную роль сыграли коммунисты, комсомольцы и профсоюзники, которые по парт- и профмобилизации и в добровольном порядке вливались в ряды красноармейских частей. Своим революционным энтузиазмом, личным примером и агитацией они сплотили дивизии западного фронта и обеспечили тот безудержный порыв, с которым развернулось здесь наше июльское наступление.

4 июля, закончив подготовку, армии западного фронта заняли исходное положение для наступления.

4-я красная армия развернулась на фронте от г. Опочко до оз. Жадо, имея главную массу сил вместе с 3-м конным корпусом на правом фланге. Численность армии составляла около 14 000 штыков и сабель.

15-я Красная армия в составе 26 000 штыков и сабель заняла фронт от оз. Жадо до оз. Сшо. Южнее ее до оз. Пелик стала 3-я армия в составе около 20 000 штыков и сабель. 16-я Красная армия численностью в 25 000 штыков и сабель развернулась на фронте свыше 200 км. от оз. Пелик до мест. Паричи.

И наконец мозырская группа — около 6½ тыс. штыков и сабель — стала в районе г. Мозыря, на стыке западного и юго-западного фронтов.

Против этих сил попрежнему стояли 1-я и 4-я польские армии и их полесская группа. 1-я армия занимала фронт от г. Дриссы до оз. Межужол и имела в своем составе около 35 000 штыков и сабель.

4-я армия — силой в 29 500 штыков и сабель — была развернута на фронте от оз. Межужол до жел. дороги из Жлобина на Калинковичи, т. е. на участке до 300 км. Полесская группа—8 000 штыков—прикрывала стык литовско-белорусского и украинского фронтов поляков.

В предстоящем наступлении командование нашим западным фронтом предполагало нанести удар правым флангам, попрежнему стремясь прижать польские части к Пинским болотам. Для этого три северных армии фронта (4-я, 15-я, 3-я) развертывались на более узком фронте, включая в себя главную массу сил. 16-я армия и мозырская группа растягивались на широком фронте и предназначались для вспомогательных задач. Ближайшей задачей для правого фланга армий западного фронта ставились разгром и окружение наиболее сильной 1-й польской армии. Эта армия должна была быть атакована 15-й армией с фронта и охвачена с флангов 4-й и 3-й Красными армиями.

Однако план окружения тщательно разработан не был. Наиболее мощной оказалась 15-я армия. Между тем ее удар не только не содействовал окружению, но наоборот выталкивал поляков из-под ударов 3-й и 4-й армий. Охзатывающие 3-я и 4-я армии получали для наступления крайне неглубокие направления, выводившие их почти на тыл 15-й армии при выполнении последней своей задачи.

Удару правого крыла западного фронта должно было содействовать наступление 16-й армии на Игумен и Минск и мозырской группы в Полесье.

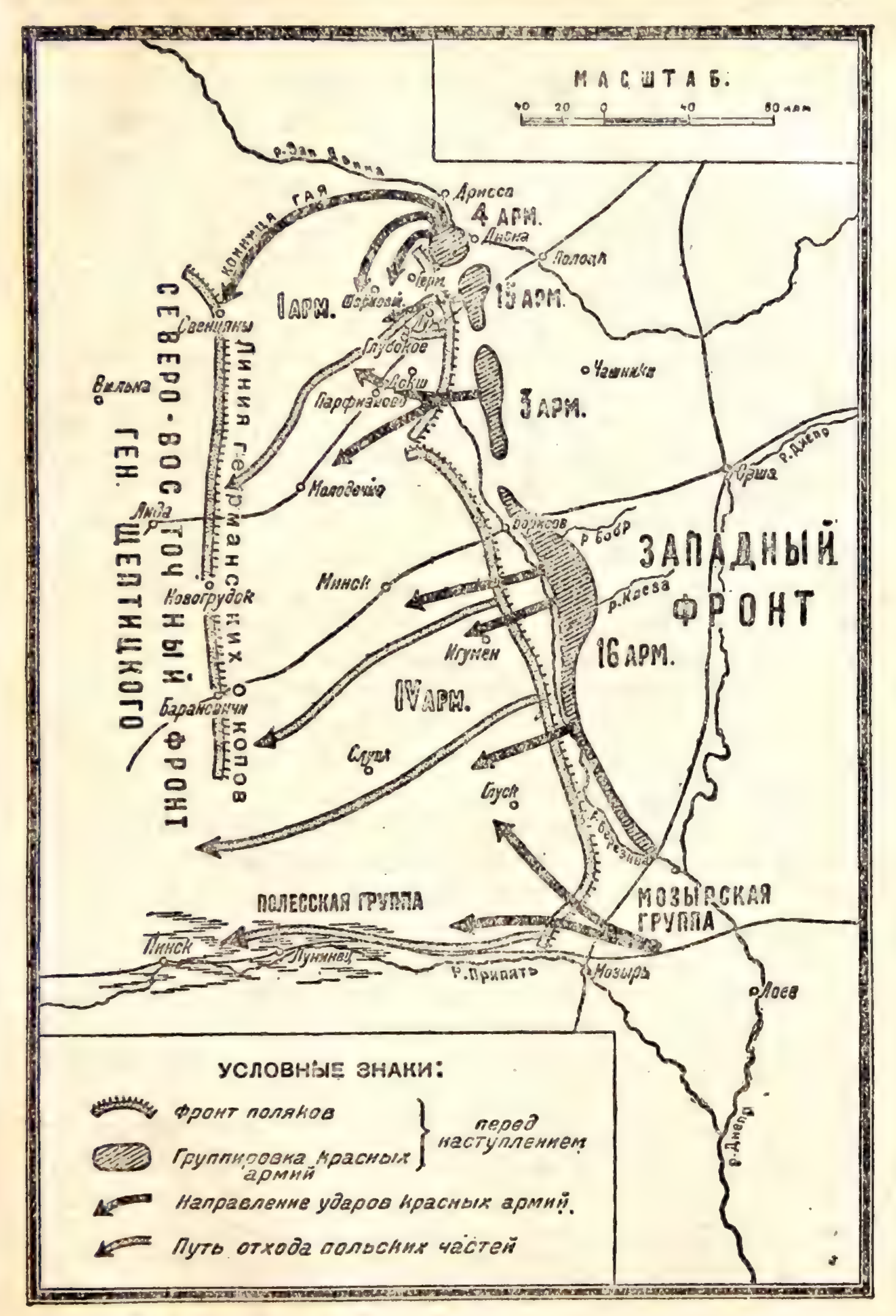

Схема 17. Перед наступлением на Польском фронте.

4 июля с утра началось наступление всех сил западного фронта. Уже к вечеру этого дня наши 4-я, 15-я и 3-я армии одержали крупный успех. 1-я армия поляков была сбита. 5 июля командующий литовско-белорусским фронтом генерал Шептицкий приказал этой армии начать отход, намереваясь в дальнейшем остановить наше наступление на линии старых германских укреплений, оставшихся еще от мировой войны.

Неудача 1-й армии вызвала за собой откат 4-й армии и полесской группы поляков. Таким образом весь литовско-белорусский фронт поляков начал отступление. Дальнейший его разгром зависел от быстроты, энергии и искусства преследования Красных армий. Однако уже 6 июля разбитым дивизиям 1-й польской армии удалось оторваться от частей нашего ударного кулака и начать упорядочение своего отхода. Это объяснялось тем, что 4-я и 15-я Красные армии замедлили свое продвижение, а 3-я, по приказу фронта, резко уклонила свое движение на юг, на Минск, для содействия наступавшей сюда 16-й Красной армии. Этим закончилось решительное сражение в Белоруссии, ознаменовавшее собой начало нашего похода в глубь Польши. Этим сражением мы привели к отступлению весь польский фронт, расстроили его 1-ю армию, но не смогли ее окружить и уничтожить.

Глубокий и правильный замысел фронтового командования не получил правильного технического оформления. Обладая широким революционным размахом, мы еще не научились правильно, тщательно, до деталей прорабатывать технику операции.

7 июля поляки продолжали отступление по всему фронту, 9 июля мы заняли Игумен, 10 июля противник очистил Бобруйск, 11 июля 6-я армия захватила г. Минск.

13 июля отступающие польские части достигли линии старых германских позиций, но уже 14 июля части 4-й Красной армии захватили г. Вильно, обойдя таким образом линию немецких окопов с севера. Одновременно, пользуясь нашими успехами, в тыл поляков со стороны Ландварово выступила Литовская армия. Это заставило польский фронт продолжать отход, уклоняя свой северный фланг на юго-запад.

По директиве Пилсудского отход польских армий должен был приостановиться на линии г. Гродно—р. Неман—р. Шара—г. Пинск. Но этот план вновь был сорван энергичными действиями красных частей. 19 июля, следуя впереди правого фланга фронта, наш 3-й конный корпус неожиданным налетом захватил крепость Гродно. Это нарушило все предположения польского командования. Обрушившись крупными силами на корпус, поляки попытались выбить его из Гродно до подхода наших стрелковых частей, но не смогли. Подошедшие силы 4-й и 15-й Красных армий в свою очередь обрушились на польские части, атаковавшие нашу конницу, и вынудили их к постепенному отходу дальше. В первых числах августа наши армии подошли к линии р. Буга, последней крупной речной преграде, отделявшей нас от реки Вислы и Варшавы, центра панской Польши.

Наши успехи на западном фронте продолжали сопровождаться не менее яркими успехами армий юго-западного фронта. 1 июля армии этого фронта были на линии: 12-я армия — р. Уборть, имея против своих 12 000 штыков и сабель 16 000 штыков и сабель 3-й польской армии. Первая конная армия (16 000 сабель) стояла на путях к г. Ровно, имея против себя 2-ю польскую армию в 14 000 штыков и сабель.

14-я армия (9 200 штыков и сабель) находилась на фронте Новоконстантинов — Могилев-на-Днестре, имея против себя 27 000 штыков и сабель 6-й польской армии.

Таким образом только Первая конная армия имела некоторое превосходство сил, состав же остальных армий и всего юго-западного фронта в целом попрежнему сильно уступал полякам (38 000 против 57 000). Несмотря на это, инициатива попрежнему принадлежала нам. С 1 по 4 июля конная армия в упорных боях отбросила 2-ю польскую армию от г. Ровно и заняла этот город, а это в свою очередь вынудило все польские армии украинского фронта совершить новый глубокий отход на запад.

Нота Керзона и наступление Красной армии на Варшаву

Наши успехи на обоих противопольских фронтах привели в замешательство всю иностранную буржуазию.

Вместо надежд на разгром советской власти силами польских армий сама панская Польша неожиданно оказывалась на краю гибели.

12 июля английский министр иностранных дел лорд Керзон обратился к советскому правительству с предложением в недельный срок заключить перемирие с Польшей. По этому перемирию красные войска должны были остановиться перед границами этнографической Польши (примерно р. Западный Буг). Польские войска уходили за эту границу, по этой же линии предполагалось установить и государственную границу Польши. В случае непринятия советским правительством этих предложений указывалось, что союзники окажут Польше помощь всеми доступными им средствами.

Правильно оценивая смысл ноты — не больше как только стремление дать Польше передышку, советское правительство отвергло предложение Керзона, заявив, что оно будет вести переговоры только непосредственно с Польшей. 22 июля польское правительство уже само обратилось с просьбой о мире, прося дать ответ 30 июля. На это предложение советское правительство ответило немедленным согласием. Зато последующие шаги Польши показали воочию, что и своим предложением поляки стремились не к миру, а лишь к оттяжке времени и задержке нашего наступления в глубь польских территорий до приведения своих армий в порядок. Только 1 августа польские делегаты явились для переговоров в Барановичи, но и то без нужных полномочий. 7 августа польское правительство уведомило нас о высылке новой делегации, но она вместо того, чтобы направиться в Минск, где было намечено ведение переговоров, почему-то оказалась в г. Седлеце, где и была через несколько дней захвачена нашими частями. 10 августа польское правительство запросило наши условия для мирного договора, а через несколько дней обстановка на фронте начала уже меняться коренным образом.

Нота Керзона явилась результатом крупнейших сдвигов в международном положении, произведенных нашим наступлением на панскую Польшу. Пока успешно развивалось наше наступление только в пределах Украины, у мировой буржуазии могла быть еще на-

дежда, что польские армии, при ее военно-технической и материальной помощи, как-либо справятся с этим наступлением и восстановят положение. Когда же после нашего контрудара на Украине последовал еще более сокрушительный удар армий западного фронта в Белоруссии и польские войска стремительно покатились назад на всем пространстве от Литвы и до румынской границы, стало ясно, что судьба панской Польши повисла на волоске. Наша война с Польшей не была войной из-за территории. Она была гражданской войной рабочих и крестьян России против польских помещиков и капиталистов, объединившихся с ними русских белогвардейцев (Савинков, Булак-Балахович и др.) и поддерживавших их капиталистов всего мира. Наше наступление в глубь Польши, являясь актом самообороны пролетарского государства, одновременно являлось вооруженной помощью борющимся пролетариям и крестьянам Польши, а через них помощью всему западному пролетариату. Громя польские армии, мы разрушали мощь польской буржуазии и развязывали внутренние революционные силы Польши. При нашей полной победе Польша не могла остаться буржуазной, власть в ней неизбежно перешла бы в руки польских рабочих и крестьян. Это означало смертельный удар по всей тогдашней системе международного империализма, только что начинавшей стабилизоваться после мировой войны. «Если бы Польша стала советской, — говорил тов. Ленин,—если бы варшавские рабочие получили помощь от Советской России, которую они ждали и которую приветствовали, Версальский мир был бы разрушен, и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы. Франция не имела бы буфера, ограждающего Германию от Советской России. Она не имела бы тарана против Советской республики, она не имела бы надежды вернуть свои десятки миллиардов и подходила бы к катастрофе скорее, чем она идет сейчас» (т. XVII, стр. 334).

Вот почему мировая буржуазия пришла в страшное беспокойство и в ноте Керзона зазвучали неприкрытые угрозы военного вмешательства в случае, если советское правительство не пойдет на уступки.

Но с этой угрозой неожиданно и с редкой силой

выступил истинный классовый характер советско-польской войны. В угрозе нам международный пролетариат почувствовал угрозу себе. Движение среди пролетариев капиталистических стран в защиту Советской республики, начавшееся с нападением Пилсудского на Украину, обострилось и поднялось на большую высоту в связи с нашими успехами и нотой Керзона. В Англии пришли в движение мощные слои пролетариата. Выросли комитеты действий, поставившие себе целью не допустить вооруженного вмешательства Англии в нашу борьбу с Польшей, добиться отозвания всех британских морских сил, действующих против Советской России, признания Англией советского правительства и заключения с ним торгового договора.

В Германии, Чехо-Словакии, Дании, Норвегии рабочие отказывались грузить и пропускать военные грузы для Польши.

Наши успехи усилили и подтолкнули революционное движение в европейских странах. Пролетариат Германии, сломив всеобщей стачкой попытку монархического переворота, был близок к тому, чтобы довести эту стачку до рабочего правительства. В ряде районов Германии образовалась красная армия.

Революционная волна высоко поднялась в Италии, где несколько позднее (осенью 1920 г.) дело дошло до попыток захвата рабочими фабрик и заводов.

Чрезвычайно высокого уровня достигло революционное движение на Балканском полуострове.

Вокруг Польши таким образом завязывался международный революционный узел. Она превращалась в то звено, разрубив которое, мы рвали всю империалистическую цепь, сплетенную грабительским Версальским миром, и в огромной степени ускорили бы развитие международной пролетарской революции.

Общая обстановка благоприятствовала нам в разрешении этой задачи. Не оказывая непосредственной военной помощи нам, международный пролетариат не давал возможности и мировой буржуазии оказать непосредственно военную помощь Польше. Разрешение нами оперативной задачи таким образом зависело от конкретного соотношения сил революции и контрреволюции на данном участке, т. е. на фронте советско-

польской войны и в частности ее важнейшем пункте — Варшавском районе.

Это, казалось, требовало бы от нас принятия всех мер к тому, чтобы на этом решающем участке обеспечить решающее превосходство сил. К этому еще в начале войны звал тов. Ленин.

«Сейчас, несмотря на те успехи, которые мы одерживаем на польском фронте, — говорил он, — положение все же такое, что мы должны напрячь все силы. Самое опасное в войне, которая начинается при таких условиях, как война с Польшей, самое опасное — это недооценить противника и успокоиться на том, что мы сильнее. Это самое опасное, что может вызвать поражение на войне, и это самая худшая черта российского характера, которая сказывается в хрупкости и дряблости» (т. XVII, стр. 223).

Развивая эту мысль, тов. Сталин 11 июля 1920 г., т. е в период наиболее ярких успехов наших армий на Украине и в Белоруссии, писал в «Правде»:

«Было бы недостойным бахвальством думать, что с поляками в основе уже покончено, что нам остается лишь проделать «марш на Варшаву».

Это бахвальство, подрывающее энергию наших работников и развивающее враждебное для дела самодовольство, неуместно не только потому, что у Польши имеются резервы, которые она несомненно бросит на фронт, что Польша не одинока, что за Польшей стоит Антанта, всецело поддерживающая ее против нас, но и прежде всего потому, что в тылу наших войск появился новый союзник Польши — Врангель, который грозит в тылу взорвать плоды наших побед над поляками».

Напоминание о Врангеле было весьма уместным. Уже в эту пору он отвлек на себя из наших сил 8 стрелковых и 3 кавалерийских дивизии, т. е. несколько больше, чем действовало у нас на юго-западном фронте против поляков.

Несколько иначе на борьбу с Польшей смотрело наше военное командование.

Еще до начала советско-польской войны главком в разговоре по прямому проводу с Реввоенсоветом юго-западного фронта свои указания заканчивал так:

«Лично глубоко убежден, *что самый легкий фронт*, если ему суждено быть активным, это будет *польский*, где еще до активных действий *противник имеет достаточное число признаков своей внутренней слабости и разложения*».

Эта оценка, казалось, подтверждалась нашими решительными успехами на Украине и в Белоруссии.

После ноты Керзона главное командование, намечая мероприятия на случай выступления Румынии и Латвии, предполагало основные силы юго-западного фронта держать наготове против Румынии, 16-ю армию вывести в резерв на случай действий против Латвии, считая, что «запфронт силами остальных своих трех армий справится с задачей окончательного разгрома Польши». В оптимистической оценке дальнейших перспектив борьбы с Польшей главное командование не было одинаково.

Борьба с Польшей протекала на огромном фронте, разделенном трудно доступным для крупных войсковых масс лесисто-болотистым Полесьем на две части: северную — Белорусскую и южную — Украинскую.

Общий план войны предусматривал нанесение нами главного удара полякам севернее Полесья в Белоруссии, с последующим наступлением к р. Висле. Одновременно южнее Полесья юго-западный фронт должен был наносить вспомогательный удар в направлении Ровно — Брест-Литовск. Таким образом, развиваясь первоначально самостоятельно по обеим сторонам Полесья, усилия наших фронтов с выходом за Полесье сходились в решающем Варшавском районе. Этим достигалось единство целеустремленности наших вооруженных сил.

Такой план в действиях обоих фронтов выдерживался до 22 июля, когда командование юго-западным фронтом выдвинуло новый план действий. Оценивая, как и главком, условия борьбы на западном фронте благоприятными для нас, а «положение с Румынией... неопределенно напряженным», оно предлагало перенести главные усилия фронта с направления Ровно — Брест, т. е. удара, согласованного с западным фронтом, на львовское направление, т. е. начать самостоятельную, вне непосредственной связи с армиями западного фронта, операцию в Галиции. 23 июля это предложение было утверждено главкомом. В тот же день юго-запад-

Схема 18. На польском фронте.

ным фронтом своим армиям была отдана директива, по которой главные силы 12-й армии направлялись на запад (вместо северо-запада), на Холм — Аннополь, а основные силы фронта — Первая конная и 14-я армии — поворачивали на юго-запад для овладения районом г. Львова. Это предопределило в последующие важнейшие моменты борьбы действия наших фронтов в расходящихся направлениях, без взаимной связи и помощи один другому.

С уклонением главных сил юго-западного фронта на юго-запад Красные армии западного фронта предоставлялись собственным силам. Тем не менее эти силы получили самую решительную и смелую задачу.

«Обстановка, — указывал 19 июля главком коман-

дующему западным фронтом, — требует нашего энергичного продвижения вперед в общем направлении на Варшаву, дабы нанести противнику окончательное поражение. В виду изложенного приказываю:

«... Продолжать энергичное преследование противника и... *не позже 12 августа* выйти на линию Прасныш — Новогеоргиевск и далее по р. Висле на юг. до Ново-Александрии (вкл.), *овладев городом Варшавой...»*

Выполняя эти указания, армии западного фронта быстро продвигались вперед. К 30 июля ими были заняты города Ломжа, Белосток, Бельск. 1 августа 16-я армия и мозырская группа с налета овладели сильной крепостью Брест-Литовск.

В начале августа силы западного фронта в ряде упорных боев сбили поляков с выгодных для обороны водных рубежей рек Нарева и Западного Буга.

На этих рубежах Красные армии западного фронта отделялись от р. Березины, откуда началось их наступление, расстоянием в 400-500 километров, пройденным с боями в срок меньше чем за месяц.

Такие героические походы в истории войн знают немногие армии. Но такие походы, как бы они ни были хорошо организованы, не могут не отражаться на состоянии и боеспособности войск.

«Теперь, когда от событий 1920 г. нас отделяет определенный период времени... уже трудно воспроизвести степень усталости и изнурения победных полков и дивизий нашего западного фронта», — пишет один из участников этого похода, бывший командир 27-й стрелковой дивизии (16-й армии) тов. Путна.

«На походе нередки были случаи, когда красноармеец, ступая по раскаленному зноем шоссе и как-то странно, бережно ставя ступни ног, обмотанные тряпками, оставлял позади себя на дороге влажные пятна кровавых следов. Он ступал по земле своим живым, до крови растертым мясом, но шел вперед, шел ради раскрепощения таких же, как он, трудящихся соседней страны.

А как тяжел суточный путь в 20 км. при таком состоянии ног. Кровь сочилась у многих, но бойцы шли, не обращая на это внимания. Только тот, кто измерил своим шагом пути от Березины к Висле, знает, как трудно быть героем. А победителем еще труднее.

Изнурение сказывалось настолько, что при всяком привале и остановке на пути местность немедленно оглашалась сонным храпом сотен людей, свалившихся с ног по обочинам дороги. К тому же и питались части все скуднее и скуднее». (В. Путна, «К Висле и обратно», стр. 89.) Так выглядела не только 27-я дивизия тов. Путны. Так выглядело большинство дивизий западного фронта. На ряду с усталостью части редели от потерь и болезней. От Березины до Вислы части не получили серьезных пополнений. В тылах западного фронта имелось около 60 тыс. готовых к влитию в части пополнений. Но в походе эти пополнения, задерживаясь движением в слабо устроенных тылах, никак не могли догнать быстро шагающие вперед боевые части фронта. На линию р. Западный Буг наши части вышли уменьшившимися в 1½ раза по сравнению с началом наступления.

Одновременно сказывались и другие моменты. Современные армии имеют очень сложный и громоздкий тыл.

От правильной работы тыла, обеспечивающего бесперебойное питание фронта, зависят судьбы сражений и операций. О тыле тов. Путна пишет так:

«Систематического подвоза из тыла не было. Да разве он мог быть при условии, что наши дивизионные базы к 1 августа добрались только до Барановичей! И это не было исключением. Базисные склады всех дивизий 16-й армии были там. Попробуйте смерить расстояние от Барановичей до Буга, и вы убедитесь, возможно ли было дивизиям питать войска собственным попечением».

«Питания войск из тыла не было... Наши части перешли на «подножный» корм. В районе пребывания войск конечно кой-какие местные средства были. Но большая часть крестьянства Польши сама нуждается в хлебе. Излишков у него нет. Овощи с трудом можно было достать, но скотом Польша не богата. Из имений скот гуртами угонялся бегущими помещиками или польской армией».

Но если еще вопрос с продовольствием кое-как разрешался за счет местных средств, то хуже обстояло дело с боеприпасами. Их можно было подвезти только из тыла, и в них наши части начинали испытывать острую нужду.

Бывший командующий 4-й армии тов. Сергеев в своей книге «От Двины к Висле» пишет:

«Обмундирование, снаряжение, вооружение, обоз, средства связи — все требовало хотя бы недели или двух для пополнения и приведения в порядок. Все тылы неимоверно растянулись и отстали, пустые ларьки и бездействовавшие радиостанции плелись где-то в хвостах обозов, авиационные отряды могли бы поспеть за армией только по воздуху, но их базы требовали железных дорог.

Наконец, и это главное, конница отказалась служит на коне, а пехота, и без того слабого состава, окончательно обращалась в слабые численно кадры.

Правда, эти слабые кадры закалились в боях, все негодное морально и физически отстало и заполнило собой тыловые госпитали, остался только цвет армии — ценнейшие кадры, но тем более жаль было не использовать их как скелет для создания мощной армии».

В таком состоянии армии западного фронта преодолели рубеж р. Западного Буга.

Физическая усталость от длительных маршей и боев, расстроенное снабжение, недостаток патронов и снарядов, отсталость тылов, отсутствие пополнений—все это были характерные черты в положении наших дивизий перед вступлением их в кризисный период боев на западном фронте. Но при всем этом было бесспорно одно: боевой подъем, охвативший красноармейские массы на Березине, не оставил их и на берегах Западного Буга. Варшава и берега Вислы были теми пунктами, к которым стихийно тянулось сознание широких масс красных бойцов, связывавших овладение ими с полным поражением панской Польши и торжеством пролетарской революции на всей ее территории.

В каком состоянии были польские армии?

После поражения на полях Белоруссии и под Киевом польские части отступали, не принимая серьезных боев. Несколько их попыток задержаться на выгодных рубежах и организовать контрнаступление (Неман, Западный Буг) стремительным напором наших частей было сорвано в самом начале. Мы шли по пятам отступающих польских колонн, но наши трофеи за время длительного марша были незначительны. Преследование

польских армий не напоминало наших победных маршей по стопам разгромленных Колчака и Деникина. Материальные потери польских войск были невелики, но бесконечные отступательные марши, постоянная угроза быть отрезанными давили их морально.

«Беспрестанное, червеобразное движение значительных неприятельских сил, прерываемое время от времени как бы прыжками, движение, продолжающееся неделями, — пишет Пилсудский, — производило впечатление чего-то неотразимого, надвигающегося, как какая-то тяжелая, чудовищная туча, для которой нет никакой преграды. Есть в таком движении что-то безнадежное, сокрушающее внутренние силы человека и толпы. Я припоминаю разговоры, которые велись мною в то время. Один из генералов, с которым мне приходилось часто говорить, почти ежедневно начинал свой разговор и доклад словами: «Ну марш, ну марш...» В этих словах было и удивление и горечь бессилия. На военных такой марш производил впечатление какого-то ужасного калейдоскопа, где каждый день складывается какая-то новая обстановка, с новым названием географических пунктов, перемешанных с номерами полков и дивизий, с новым распределением времени, с новым расчетом пространства.

Под впечатлением этой надвигающейся грозной тучи шаталось государство, колебались характеры, мякли сердца солдат. Всюду вокруг себя я видел влияние этого марша... Безостановочный марш г-на Тухачевского значительно превысил своим значением и влиянием предыдущие события. Для нашей польской страны под влиянием этих событий все яснее и выразительнее вырисовывался, помимо внешнего фронта, *фронт внутренний*, сила которого в историях всех войн была предвестником поражений и самым крупным фактором проигрыша не сражений, но войн.

Государство трещало, усилия войск раздроблялись в попытках контратак, а работа командования с каждым днем становилась морально труднее и тяжелее. Этот процесс разложения сил, этот процесс ломки нашей воли был, по моему мнению, самым большим триумфом, который я мог приписать г-ну Тухачевскому» (Ю. Пилсудский, «1920 г.»).

Так пишет маршал Пилсудский. Наше наступление разлагало внутренние силы Польши, парализовало усилия военного командования, порождая неуверенность в своих войсках и прибывающих пополнениях. В этом было его огромное революционное значение. Сознание этого придавало силы нашим войскам.

Однако разложение польского тыла не перешло дальше известной грани. Польская буржуазия оказалась сильней, чем можно было предполагать в начале войны. Наши победы не только разлагали и дезорганизовали ее силы, но и одновременно сплачивали их. Смертельная опасность, повисшая над всей белой Польшей, с нашим выходом на Буг, придала всем буржуазно-помещичьим элементам бешеную энергию, подбадриваемую щедрой помощью Антанты.

Эта энергия не осталась беспочвенной и в широких слоях населения Польши. Умело используя наши отдельные ошибки, польская буржуазия и ее пресса развили широкую кампанию против красных войск и советской России, клеветнически отождествляя их с царской армией и царской Россией. Играя на национальных чувствах широких масс, польская и иностранная буржуазия сумела против революционизирующего влияния победного марша Красной армии вызвать национальный подъем у коренного польского населения. Отношение к красным частям менялось по мере углубления их в коренные польские земли. Радушный прием белоруссов, задавленных гнетом польской шляхты, сменился сдержанным, выжидательным, а местами и просто враждебным отношением польских крестьян.

Внутри Польши буржуазная молодежь, интеллигенция, кулачество, мелкая буржуазия, чиновничество потянулись в армию, стремясь остановить грозную красную опасность. Это дало почву для многочисленных пополнений и добровольческих формирований в польской армии. Вливаясь в части, эти пополнения поднимали их моральное состояние, сплачивали, пробуждали чувство решимости дать отпор наступающим «москалям». Силы польских войск с приходом на свою территорию росли с каждым днем, а отсюда росло и их сопротивление. Уже на Буге от красных частей потребовалось большое напряжение, чтобы сломить сопротивление польских

частей. Не только крестьянство, но и отсталую часть рабочего класса и батрачества охватил национальный угар.

«Чем ближе к Бугу,— пишет участник похода, тов. Путна, — тем чаще вместе с помещиками покидали именья и батраки. То, что перед надвигающейся Красной армией бежали все помещики, независимо от того, были они поляки или русские, свидетельствовало о том, что помещики сознают классовый характер войны, но то, что с помещиками уходили и батраки, вселяло опасение, что часть трудящихся Польши, больше всех угнетаемая и эксплоатируемая, еще не осознала происходящего, не поняла нас и отвергла протягиваемую ей руку классовой помощи».

Словом, польской буржуазии на этот раз удалось исказить истинный смысл наступления Красной армии в сознании широких трудящихся масс Польши, выдать это наступление за угрозу их национальной независимости и мобилизовать их на борьбу с наступающими красными частями.

Существенную роль в этом повороте настроения населения сыграло и то обстоятельство, что мы не сумели прочно закрепить за собой пройденные крестьянские районы. Наша политика в освобожденной Белоруссии и части собственно Польши, шедшая на превращение помещичьих имений и земель в государственные имения (совхозы), не давала крестьянству немедленных, непосредственно ощутимых выгод от прихода Красной армии, не ускоряла классового расслоения деревни и не стимулировала организации бедноты и середняка на защиту и поддержку новой власти. Здесь не была выполнена точно ленинская линия в вопросе о привлечении крестьянства на сторону революции.

Между тем тов. Ленин на II конгрессе Коминтерна решительно подчеркивал, что «всегда найдутся и должны найтись такие части больших владений, из которых кое-что можно дать мелкому крестьянству...», «чтобы и самому мелкому мужичку досталось что-либо из конфискованного владения», что «иначе мелкий крестьянин и не заметит разницы между прежним строем и диктатурой Советов» и что, «если пролетарская государствен-

ная власть будет так вести себя, то она не может удержаться» (т. XVII, стр. 295).

Между тем привлечение крестьянства этих районов на нашу сторону в условиях 1920 г. в войне с Польшей играло колоссальную роль, поскольку районы, через которые мы шли, были исключительно крестьянскими и поскольку вся армия Польши в основной своей массе состояла из крестьянства.

Наличие антисоветских сдвигов в польском крестьянстве изменяло соотношение классовых сил в районах, охваченных театром военных действий, не в нашу пользу. На ряду с изменением не в нашу пользу политической обстановки на театре войны в этот же период мы вновь вступили в полосу крестьянских колебаний и внутри самой Советской России и Украины (непрекращающееся повстанчество в правобережье и левобережье, усилени бандитизма на Северном Кавказе, начало атоновщины в ЦЧО и т. п.).

Одновременно и как следствие этого резко не в нашу пользу изменялась и чисто военная обстановка. Несмотря на противодействие международного рабочего класса, мировой буржуазии (особенно Франции) в это время удалось оказать Польше огромную военно-техническую помощь. Всего за время войны Польша получила только от Франции 1 494 орудия, 291 аэроплан, 2 600 пулеметов, 327 000 винтовок, 250 автомобилей. Значительная часть этого имущества была получена польской армией в период нашего наступления в глубь Польши.

На ряду с помощью вооружением и снаряжением Франция оказала огромную помощь польской армии офицерским составом. Многочисленная французская миссия во главе с ген. Вейгандом, бывшим начальником штаба маршала Фоша в мировую войну, фактически сосредоточила в своих руках все руководство военными действиями. Все это дало возможность полякам укрепить и повысить боеспособность своей армии. К началу августа боевой состав польских армий вырос до 130—140 000 штыков и сабель против 87—88 тыс. штыков и сабель действовавших против них частей Красной армии. В таких условиях мы вступали в решительный период борьбы с панской Польшей.

[1] По данным Пилсудского до 120-130 000

В конце июля армии нашего западного фронта находились на линии г. Ломжа — р. Нарев — р. Нурец — крепость Брест-Литовск.

Армии юго-западного фронта, несколько отстав от них, вышли на линию р. Стоход — гг. Броды и Транополь. Отсюда главные силы западного фронта нацеливались на Варшаву, в то время как главные силы юго-западного фронта (Первая конная и 14-я армия) уже ввязались в упорные бои за овладение Львовским районом, районом действия наших противопольских фронтов в расходящихся направлениях начали практически осуществляться.

В первых числах августа армии западного фронта сломили сопротивление поляков на линии р. Зап. Буга и двинулись к Висле.

Южнее их на линию этой реки начинали выходить армии юго-западного фронта. Болотистое Полесье, разделявшее до сих пор действия обоих фронтов, оставалось позади. Это создавало иные предпосылки для работы обоих фронтов. Их раздельное существование становилось теперь нецелесообразным, поскольку уже не существовало причины, вызывавшей такое существование.

3 августа главное командование уведомило оба фронта о предстоящей передаче в состав западного фронта 12-й и Первой конной армии юго-западного фронта. Однако это предположение объединить управление «всеми армиями, продолжающими движение к реке Висле», з составе западного фронта не связывалось еще с решением немедленно же направить передаваемые ему армии (12-й и Первой конной) в направлении, обеспечивающем их участие в операции на Висле. Этого не предусматривали как разграничительные линии между фронтами, так и то, что в тот же день главное командование указало юго-западному фронту на необходимость содействовать наступлению Первой конной армии на Львов ударом 12-й армии в направлении на Владимир-Волынский, т. е. на юго-запад.

4 августа фронт приказал армии нанести «главный удар в направлении Владимир-Волынский — Томашов»,

т. е. еще более уклонил ее основные силы на юго-запад, в сторону от левого фланга западного фронта.

Это повело к тому, что в первых числах августа уже не только две левофланговые армии юго-западного фронта шли на Львов, но туда же направлялись главные силы и ближайшей соседки западного фронта — 12-й армии. Это свидетельствовало прежде всего о том, что мы попрежнему считали возможным для западного фронта справиться со своей задачей собственными силами. Это еще более подтверждается тем, что 2 и 3 августа западному фронту были даны указания подготовить к отправке из своего состава две дивизии на крымский фронт.

Тем не менее своевременное объединение обоих фронтов в одних руках вполне соответствовало обстановке и даже в таких условиях могло принести существенную пользу. Но это объединение встретило технические трудности. Западный фронт считал возможным принять управление новыми армиями лишь при условии усиления его средствами управления за счет юго-западного фронта. Последний решительно возражал против этого, считая, что это крайне болезненно отразится на его борьбе с Врангелем. Это отсрочило передачу 12-й, 14-й и Первой конной запфронта на несколько дней. Пока же шло это «согласование», расхождение сил обоих фронтов продолжало углубляться. 14-я и Первая конная армии связались в упорные бои под г. Львовом, на помощь им свернули главные силы 12-й армии. Армии западного фронта, поднимаясь к северу, шли уже к берегам р. Вислы.

Решение поставленной задачи окончательно предоставлялось их собственным силам.

Наш план борьбы на Висле

После форсирования Буга армии западного фронта продолжали движение вперед, не встречая активного сопротивления поляков. Чувствовалось, что противник уклоняется от решительного сражения в этом районе, добровольно уходит на запад и очевидно где-то в другом месте готовится дать последний, решительный бой. К вечеру 10 августа армии западного фронта овладели линией городов Млава, Цеханов, Пултуск, Седлец,

Коцк, Опалин, при чем 4-я армия находилась в районе Млава, Бежунь, Цеханов, 15-я — Маков, Ойржены, Пултуск, 3-я — от Пултуска до железной дороги Белосток — Варшава. Эти три армии, группируясь на относительно узком фронте, попрежнему составляли тот ударный кулак, которым и на сей раз командование западным фронтом думало решить участь операции. Общая численность этих армий достигала 37 000—38 000 штыков и сабель (12-я стрелковая и 2-я кавказская дивизии). Общее протяжение фронта всех трех армий составляло 100—110 км.

Южнее этого «ударного кулака», на участке протяжением свыше 120 км. (от ж. д. Белосток — Варшава до Лукова), разбросалась 16-я Красная армия в составе 5 стрелковых дивизий, численностью около 10 000 штыков и сабель.

И наконец на самом левом фланге западного фронта наступала наша мозырская группа, имея на свыше чем стокилометровом фронте всего 6—6½ тыс. штыков и сабель. Все силы западного фронта составляли таким образом 54-55 000 штыков и сабель.

Силы поляков перед собой командование западным фронтом на своем участке исчисляло в 70 000 штыков и сабель, считая, что основная их масса (до 40 000) группируется и отступает севернее Западного Буга, а остальные отходят на Варшаву. Против этой основной группы поляков командующий западным фронтом и направлял свою ударную группу из 4-й, 15-й и 3-й армий. Готовясь к решительному сражению, командование западным фронтом предполагало, что противник «не желает давать генерального сражения, имея в тылу Вислу», что поэтому нельзя «обольщать себя надеждой разбить его восточнее Вислы» и что, «как это ни неприятно, приходится признать, что главные бои будут на р. Висле». Отсюда — весь план решительного сражения западного фронта строился в расчете, что противник будет драться за Вислой, что поэтому основная задача фронта — преодолеть эту реку и уже за ней разгромить и отбросить противника к юго-западу.

Этот план оформила директива командования фронта своим армиям от 11 августа. Директива гласила:

«Противник по всему фронту продолжает отступле-

ние. Приказываю *окончательно* разбить его и, форсировав реку Вислу, отбросить к юго-западу».

Для этого 4-я армия, выделив часть сил для перехвата сообщений Польши по данцигскому коридору, главными силами 15 августа должна была форсировать р. Вислу у Влоцлавска.

15-я и 3-я армии в тот же день должны были форсировать Вислу между Новогеоргиевском и Плоцком и в дальнейшем наступать почти прямо на юг.

Главные силы 16-й армии должны были форсировать Вислу севернее Варшавы 14 августа; мозырская группа в этот же день овладевала районом Козенице—Ивангород.

В этом плане обращает внимание то, что главные силы фронта, устремляясь первоначально к берегам Вислы прямо перед собой, почти в западном направлении, преодолев реку, круто поворачивали на юг, атакуя во фланг и тыл того противника, который будет обороняться на левом берегу Вислы. Идея борьбы за Вислой, а не перед Вислой, нашла свое яркое отражение и здесь.

Однако события сложились иначе.

Планы польского командования

Мы уже видели, как постепенно с отходом в глубь Польши обстановка на театре военных действий изменялась не в нашу пользу. Наши армии слабели с каждым днем. Они горели желанием победы, но это желание все меньше и меньше получало опоры в материальной силе армий. Наоборот, польские армии увеличивались численно, поднимались от морального упадка и резко повышали свою боеспособность. Это создавало предпосылки для организации успешного контрнаступления польских армий. Польское командование не имело представления ни об истинном состоянии и численности наступающих красных войск, ни о плане их действий. Неудачи прежних попыток остановить наступление красных армий создали преувеличенное представление об их силах и внесли большую неуверенность и нервозность в работу польских штабов. Ясно обозначившийся внутренний фронт заставлял польских генералов опасаться в рабочих районах взрывов изнутри и даже в дни национального подъема привлекал к себе напряженное внимание польского правительства и военных кругов.

В таких условиях внимание верховного польского командования стихийно сосредоточивалось на удержании Варшавского района во что бы то ни стало. Варшава — не просто столица Польши. Она — ее основной политический, экономический и рабочий центр. Овладев Варшавой, красные войска могли рассчитывать получить поддержку здесь, как ни в каком другом районе. Падение Варшавы означало сведение на-нет международного удельного веса Польши, дезорганизацию ее внутреннего управления и крушение авторитета буржуазии и правительственных кругов в глазах широких масс трудящегося польского населения.

Ходом событий Варшава превращалась в тот пункт, на котором должны были получить окончательное испытание силы красной и бело-польской армий.

Вот почему, придавая основное значение удержанию Варшавы, польское командование полустихийно-полусознательно направило основную массу отходящих с Буга польских войск в район Варшавы и Новогеоргиевской крепости. В задачу этих войск входило, опираясь на сильные предмостные укрепления Варшавы и форты Новогеоргиевской крепости, сдержать наступление красных войск, двигавшихся, по предположению Пилсудского, основной массой сил на Варшаву.

Для облегчения обороны этого района Пилсудский предпринял активный маневр во фланг наступающим армиям западного фронта, сосредоточив для этого — из отходящих с Буга дивизий 4-й польской армии и частью из дравшихся против юго-западного фронта дивизий 3-й польской армии — за рекой Вепрж ударную группу. Основные силы этой группы при наступлении должны были направиться на Новоминск, т. е. в непосредственную близость к варшавскому укрепленному району. В этом плане Пилсудского пока что не было еще ничего сокрушительного. Его основной смысл — удержать столицу, а маневр с р. Вепржа должен был только облегчить эту задачу, но не привести к крушению всего нашего западного фронта.

Несколькими днями позднее этот план был пополнен активными действиями польских частей из района западнее Новогеоргиевска в направлении на Цеханов — Пултуск, в правый фланг армий западного фронта,

которые, по представлению польского командования и его французских покровителей, главной массой шли на Варшаву.

Таким образом ни сам маршал Пилсудский, ни его «советник» — французский ген. Вейганд, первоначально не задавались решительными целями против наступающих красных армий. Все их внимание концентрировалось на том, чтобы во что бы то ни стало удержаться на линии Новогеоргиевск и варшавских укреплений.

Не наступление, а оборона была целью их действий. Страх перед революцией оказывался настолько большим, что жидкие цепи красноармейцев, двигавшихся с Западного Буга, всем врагам на берегах Вислы казались несметными полчищами, а решительный переход против них в общее контрнаступление бессмысленным риском.

Для выполнения своего плана все польские войска сводились в три фронта:

Северный фронт в составе 5-й, 1-й и 2-й польских армий, общей численностью около 72 000 штыков и сабель, располагался от Торна до Ивангорода с основной задачей — сдержать Красные армии на линии новогеоргиевских и варшавских укреплений.

Центральная группа армий — 3-я и 4-я польские армии, общей численностью в 37 000-38 000 штыков и сабель, развертывалась на участке от Ивангорода до Броды. Частью сил (8-9 тыс. штыков и сабель) эта группа должна была прикрыться на участке от Холма до Броды от армий нашего юго-западного фронта, остальными силами (25 000—30 000 штыков и сабель) перейти в наступление на фронт Лугов — Новоминск во фланг нашим частям, наступающим на Варшаву.

Южный или украинский фронт — 6-я польская и 7-я украинская армии, от 22 тыс. до 34½ тыс. штыков, должны были попрежнему прикрывать львовский район против Первой конной и 14-й армий нашего юго-западного фронта.

Такое распределение польских сил приводило к тому, что против 54 000-55 000 штыков и сабель красных армией западного фронта должно было действовать свыше 100 тыс. штыков и сабель северного фронта и центральной группы белополяков. От 30 до 40 тыс. польских сил должны были сдерживать наступление на-

шего юго-западного фронта, имевшие к тому времени в своем составе всего 30 000-32 000 штыков и сабель. Перед обоими нашими фронтами стояли превосходные силы поляков. Но если это превосходство было небольшим перед юго-западным фронтом, то оно было двойным на участке западного фронта, призванного решить главную задачу.

Превосходство поляков перед западным фронтом выступало еще более рельефно на фоне той группировки, которую приняли армии этого фронта, готовясь к решительному сражению.

Ударный кулак этого фронта (4-я, 15-я, 3-я армии) выходил на участок севернее Новогеоргиевска, где располагалась 5-я польская армия. Но в то время как основные силы этой армии (25 000—26 000 штыков и сабель) сосредоточивались на участке Новогеоргиевск — Плонск, наша 4-я Красная армия нацеливалась значительно севернее и западнее их на фронт Торн—Влоцлавск, в относительно пустое пространство. На Плонск и Новогеоргиевск выходили наши 15-я и 3-я армии, имевшие в своем составе примерно столько, сколько сосредоточившаяся здесь одна 5-я польская армия. Словом, на участке нашего ударного кулака уставшие, поредевшие от боев, с большим недостатком в огнеприпасах красные части не располагали численным превосходством и не могли рассчитывать на быстрый и решительный успех над свежими, окрепшими, пополненными большим количеством добровольцев польскими частями.

Даже если бы на помощь 15-й и 3-й армиям была своевременно повернута и 4-я армия, шедшая севернее их, и 5-я польская армия была бы потеснена за Вислу, то и это не решало судьбы операции, ибо соотношение сил на других участках западного фронта и в частности под Варшавой складывалось решительно не в нашу пользу. 16-я Красная армия в составе 10 000-11 000 штыков и сабель выходила на фронт 1-й и 2-й польских армий, насчитывавших 40 000-45 000 штыков и сабель, т. е. имевших почти четверное превосходство. Это превосходство становилось еще более рельефным в Варшавском районе, где 1-я польская армия имела

33 000 штыков и сабель против 5 000-6 000 войск 16-й Красной армии.

Наконец против 6-6½ тыс. мозырской группы изготовлялись для атаки (да еще фланговой) 25 000—30 000 тысяч 3-й и 4-й армий поляков.

Могли ли мы в таких условиях рассчитывать на успех даже при удачном исходе боев на участке нашего ударного кулака и при прорыве его за Вислу? Ясно, что нет. Исход боев на Висле был предрешен тем, что наше военное командование явилось сюда с недостаточными силами, не поняв в то же время политических сдвигов, происшедших внутри Польши. Мы рассчитывали на моральное превосходство наших войск, в то время как это превосходство к моменту начала боев за Вислу и Варшаву уже начинало переходить на сторону поляков, считавших, что они борются за свою национальную независимость и свободу. События складывались так, что историческую задачу на берегах Вислы Красная армия могла решить только превосходством своих военных сил, а этих-то сил в самый решительный момент у нас и нехватило.

Варшавское сражение и поражение Красных армий

Решительные боевые действия операции на Висле завязались прежде всего между 5-й польской армией и ударным крылом (15-й и 3-й армии) нашего западного фронта в районе Новогеоргиевска, Пултуска, Плонска. Почти одновременно с ними на подступах к Варшаве, у Радимина, развернулись бои вежду 1-й польской и правым флангом нашей 16-й армии. Наступление 15-й и 3-й Красных армий в районе Новогеоргиевска застало 5-ю польскую армию неподготовленной: части, предназначенные в ее состав, к этому времени не успели еще сосредоточиться и вступали в бой постепенно. Этим и объясняются здесь наши первые успехи. 11 августа в наши руки перешел Пултуск. К 14 августа нами были заняты Серпец, Дробин, Насельск. На варшавском направлении выдвинувшаяся сильно вперед 27-я красная дивизия стремительным ударом овладела укрепленным районом Радимина. Этот удар внес сильную сумятицу в польские войска, оборонявшие район Варшавы. К Радимину спешно потянулись резервы 1-й польской армии.

Южнее Радимина части 16-й армии к этому времени заняли Новоминск и Гарволин. Мозырская группа подошла к р. Вепржу.

Это были наши последние успехи. К вечеру 13 августа 5-я польская армия закончила сосредоточение основных своих сил и с утра 14 августа готовилась к переходу ими в контрнаступление против 3-й и 15-й Красных армий.

16-я армия, стянув основные свои силы для атаки варшавского укрепленного района к правому флангу, тем самым поставила их в крайне невыгодное положение для отражения подготовляемой из-за реки Вепржа атаки со стороны центральной группы польских армий.

14 августа 5-я польская армия, перейдя в контрнаступление, завязала на р. Вкре, северо-восточнее Новогеоргиевска, упорные встречные бои с частями 15-й и 3-й Красных армий. В первый день борьба шла с переменным успехом, но зато уже 15 августа успех определенно начал склоняться на сторону поляков. Прорвавшаяся через наш фронт польская кавалерийская бригада захватила Цеханов и, заставив стремительно эвакуироваться оттуда штаб 4-й Красной армии, порвала его связь как с другими армиями, так и со штабом западного фронта. В этот же день основные силы 15-й и 3-й Красных армий были сбиты с р. Вкры и оттеснены на линию железной дороги Млава — Модлин, т. е. от 6 км. до 15 км. назад. Это показало бессилие основных сил ударного крыла западного фронта справиться даже с одной 5-й польской армией.

16 августа, развивая успех, поляки овладели Насельском разорвав стык 14-й и 3-й Красных армий. Попытка 4-й Красной армии в этот день нанести удар на Плонск во фланг противнику, теснившему 15-ю и 3-ю армии, не дала решительных результатов. После этого вся 4-я армия возобновила движение на запад, устремляясь к берегам Вислы. 17 августа 5-я польская армия продолжала развитие успеха, тесня части нашего ударного кулака на Пултуск. Как бы ни складывалась пока борьба на других участках, но неуспех и начало отхода 15-й и 3-й армий по существу уже были признаками неуспеха наших планов варшавской операции, поскольку инициатива перешла в руки противника на участке основного

сгустка наших сил, там, где мы ждали решающего успеха и где соотношение сил по сравнению с другими участками было наиболее благоприятно для нас.

Успех 16-й армии у Радимина (под Варшавой) так же оказался кратковременным. 15 августа поляки ударом двух дивизий вернули Радимин, отбросив части 16-й армии на восток от него. Исход боев 14 и 15 августа под Новогеоргиевском и Радимином еще до наступления поляков из-за Вепржа предрешил исход всей операции не в нашу пользу. Наступление основных сил западного фронта, несмотря на высокий героизм и доблесть красноармейских частей, захлебнулось, наткнувшись на укрепления и численное превосходство белополяков. На важнейшем (северном) участке армии фронта были потеснены назад. В такой обстановке с рассветом 16 августа началось контрнаступление ударной группы поляков из-за Вепржа. Пилсудский рассчитывал встретить упорное сопротивление, но вместо этого перед наступающими польскими частями оказались только жидкие части мозырской группы. К вечеру 16 августа центральная группа польских армий, сделав от 50 до 40 км., вышла на линию Влодава — Парчев — Гарволин.

Этот первый успех противника еще не вызвал серьезного беспокойства как у командования мозырской группы, так и у командования 16-й армии. То и другое считало, что здесь действуют небольшие польские силы, одержавшие временные успехи из-за усталости наших частей. 17 августа ударная группа поляков, развивая свой успех, продолжала теснить нашу мозырскую группу и левый фланг 16-й армии, овладев к вечеру этого дня Словатичами, Белой, Седлецом и Новоминском, при чем в Новоминске произошло соединение частей ударной группы с частями 1-й польской армии, перешедшими в наступление от Варшавы.

Тем не менее наше фронтовое командование еще не считало дело окончательно проигранным. Решая 18 августа прекратить наступление и отвести свои армии на фронт Млава — Прасныш — Седлец, оно предполагало здесь произвести перегруппировку своих сил и в последующие дни на удар поляков ответить переходом в новое наступление.

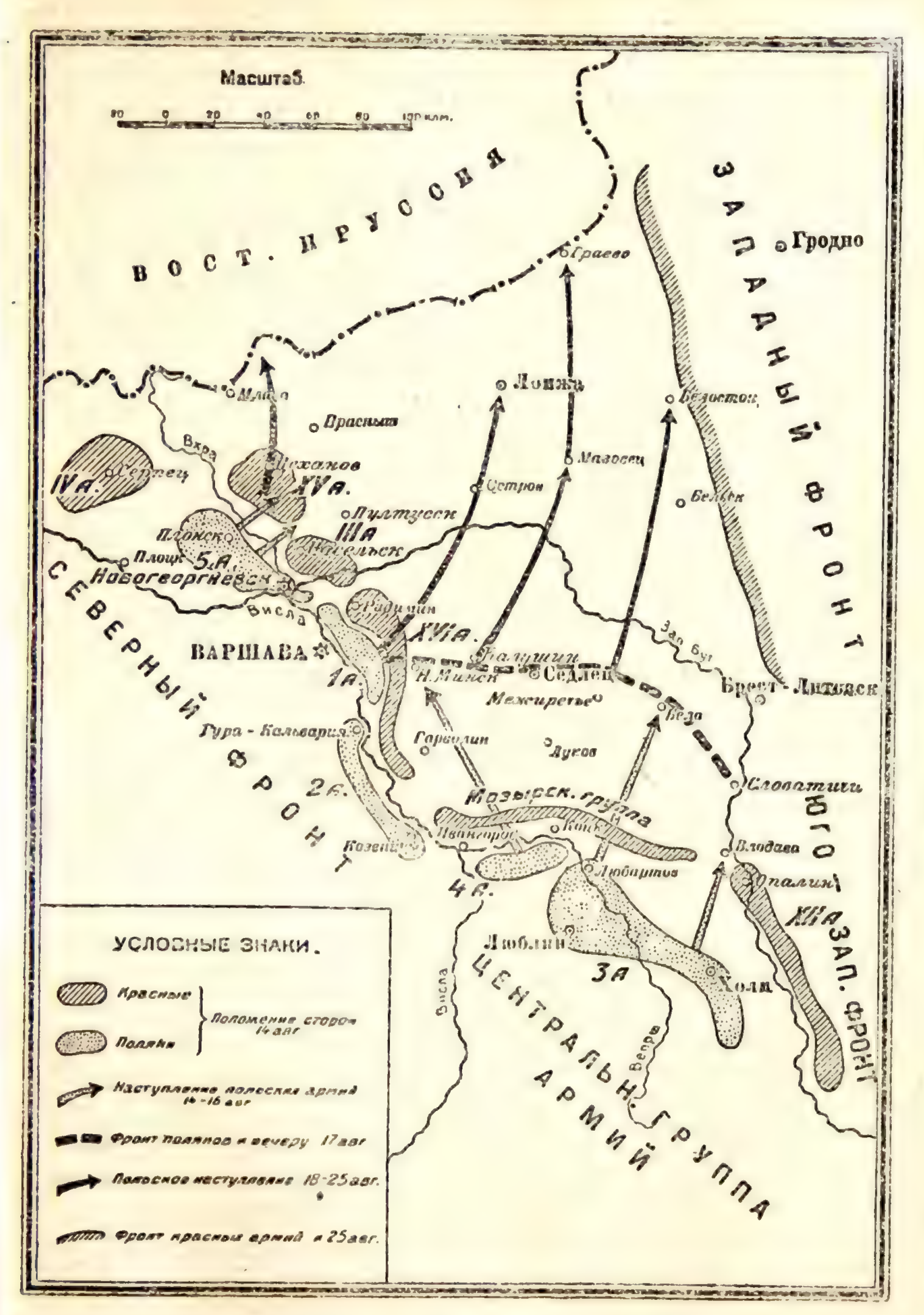

Схема 19. Переход поляков в наступление.

Этому предположению не суждено было осуществиться. Ход событий 14—17 августа вскрыл польским верхам истинное соотношение сил и обстановку на фронте. 18 августа план поляков изменился решительным образом.

Польские армии на всем фронте переходили в решительное наступление, ставя себе целью не дать нашим войскам отойти на восток и разгромить их, прижав к восточно-прусской границе. Подготовляясь к решительным действиям, польское командование произвело перегруппировку своих сил. Из 3-й и 4-й польских армий была выделина новая 2-я армия. Старая 2-я армия была распределена между 1-й и 4-й армиями. После этой перегруппировки все польские силы были брошены в решительное наступление:

2-я армия — в направлении Межиречье — Белосток.

4-я армия—через Калушин и Мазовецк на Граево.

1-я — через Вышков, Остров на Ломжу.

В задачу всех трех армий входило окружение и уничтожение возможно большего числа красных сил западного фронта. Одновременно с ними 5-я польская армия продолжала наступление прямо на север через Цеханов и Млаву, стараясь отрезать и разгромить далеко зашедшую в данцигский коридор 4-ю Красную армию.

Последующие дни прошли в героической борьбе наших армий, пробивавшихся на восток через преграждавшие им дороги польские части. Эта борьба кончилась тяжелым поражением большинства дивизий 16-й армии, прорвавшихся с большими потерями через польские части на восток.

Еще в более тяжелом положении оказались 3-я, 15-я и особенно 4-я Красные армии, ушедшие в предыдущие дни гораздо глубже на запад, чем 16-я армия. Отход 4-й армии становился вообще возможным только при условии, что 3-я и 15-я армии сдержат наступающие силы поляков до тех пор, пока она не выйдет на одну линию с ними. Этого от 3-й и 15-й армий требовала директива командующего фронтом от 20 августа.

Однако малочисленные, утомленные и потерявшие стойкость от неудач дивизии этих армий не смогли

удержать наступающих поляков и под их натиском быстро начали осаживать на восток.

В период между 22 и 25 августа непосредственно у восточно-прусской границы шли упорные бои между прорывающимися на восток частями 4-й (12-я, 18-я, 53-я, 54-я стрелковые дивизии и 3-й конный корпус) и частью сил 15-й (33-я и 4-я дивизии) армий и вышедшими к ним наперерез главными силами 5-й, 1-й, 4-й и 2-й белопольских армий.

Этот последний этап нашей борьбы на Висле богат многочисленными картинами подлинного героизма красных частей. Тем не менее численное превосходство и недостаток патронов и снарядов сделали свое дело. Шесть стрелковых и две кавалерийских дивизии Красной армии не смогли прорваться через польские заслоны и перешли границу Восточной Пруссии, где и были интернированы.

К 25 августа остатки 15-й, 13-й и 16-й армий и мозырской группы, выйдя из-под непосредственных ударов поляков, начали устраиваться на линии Липск, Кузница, Свислочь, Белосток и 15—20 км. восточнее Брест-Литовска.

Этим закончился наш поход к Варшаве, заставивший дрожать весь капиталистический мир. О новом наступлении в ближайшие дни нечего было и думать. Ближайшая задача западного фронта заключалась в том, чтобы не дать полякам развить успех, удержавшись на занимаемом фронте до приведения частей в порядок и подхода новых подкреплений.

Отход юго-западного фронта из Галиции

Наша военная литература одной из основных причин нашего поражения под Варшавой считает отсутствие взаимодействия в этой операции между западным и юго-западными фронтами. Как это произошло, мы говорили ранее, указывая, что уже с первых чисел августа между командованием западного и юго-западного фронтов с одной стороны и главным командованием — с другой начались переговоры о передаче вначале 12-й и Первой конной армий, а затем 14-й армии в состав западного фронта. Тем не менее до 14 августа не было сделано ни одного распоряжения

о подтягивании главных сил юго-западного фронта для участия в варшавской операции. Больше того, пока шли эти переговоры, все три армии юго-западного фронта усиленно подталкивались на овладение Львовским районом. Это облегчило Пилсудскому создание ударной группы за Вепржем.

Только 14 августа Первая конная и 12-я армии были переданы в распоряжение западного фронта.

К этому времени 12-я армия находилась на линии Западного Буга, южнее г. Влодавы, направляя свои главные силы на Томашов. Первая конная, овладев Бродами, продолжала движение к Львову.

Директивами от 15 и 17 августа командование западным фронтом попыталось оторвать обе армии от львовского направления и направить 12-ю армию на Холм — Любартов, Первую конную—четырьмя переходами сосредоточить у Владимира-Волынского для дальнейших действий в направлении на Люблин, в тыл центральной группы польских армий [1]. Однако, ввязавшись в упорные бои, Конная армия не смогла своевременно оторваться от Львова и выполнить эту директиву, а без ее помощи слабая и малочисленная 12-я армия не смогла выполнить своей задачи.

Только 25 августа Первая конная армия смогла сосредоточиться в районе Сокаля, получив задачу—занятием района Красностав — Люблин облегчить положение западного фронта. 27 августа конная армия приступила к выполнению этой задачи. 30 августа с упорными боями она вышла в район Замостья. Но успехи на за-

---

[1] Снимая Первую конную армию с львовского направления для использования ее в люблинском направлении, командование Западным фронтом лишь ухудшало положение своих армий под Варшавой. По расчету времени Конная армия, втянувшаяся в бой за овладение Львовом, отделенная значительным пространством от вновь указанного оперативного направления, неизбежно запаздывала в оказании непосредственного содействия войскам западного фронта. Решение Командзапа о переброске Первой конной армии облегчало положение поляков под Львовом, но ничего уже не могло дать в смысле непосредственного воздействия на события под Варшавой. В той обстановке, какая сложилась под Варшавой в результате перехода ударной группы Пилсудского в наступление, захват Конной армией Львова и неизбежно связанный с этим разгром южного крыла польских армий являлся единственно реальным путем своевременного облегчения положения наших армий под Варшавой. — *Ред.*

падном фронте успели уже высоко поднять боевое настроение противника. Наступление Конной армии встретило ожесточенное сопротивление поляков. В тот же день польские дивизии, выставленные против нее заслонами, с севера, запада и с юга переходят в контрнаступление и, пользуясь своим численным превосходством и измотанностью дивизий Конной армии, почти окружают их. 1 сентября, после упорных боев, прорвав окружение, Первая конная армия отходит в район Грубешова, а 6 сентября — в район Владимира-Волынского. Неудача Первой конной армии подорвала устойчивость всего юго-западного фронта, передав и здесь инициативу с начала сентября в руки противника.

Конец и итоги советско-польской войны

В начале сентября, используя успех над Первой конной армией, белополяки перешли в наступление на всем юго-западном фронте, не встречая упорного сопротивления его ослабевших частей. 14 сентября ими был занят Владимир-Волынский, 18-го г. Ровно. Юго-западный фронт начал отход в пределы Украины.

В середине сентября противник, перегруппировав свои силы после сражения под Варшавой, сломил сопротивление нашего западного фронта на линии Немана, в районе Гродно, и начал теснить его армии на восток. Все попытки надорванных прежними боями красных частей остановить белополяков, ободренных успехами и поддерживаемых шовинистическими настроениями, в течение сентября кончились неудачей.

В конце сентября противник достиг больших территориальных успехов, выйдя почти к тем границам, на которых он стоял весной 1920 г. Тем не менее польское правительство, зная, что порыв его войск при выходе за пределы Польши быстро иссякнет, старалось быстрей использовать свои военные успехи и охотно пошло вначале на перемирие, а затем на мир, согласившись даже на границы, менее выгодные, чем в свое время предлагались ему советским правительством до войны. В октябре в Риге был подписан мир, по которому Польша получила территории на 59 650 кв. км. (с 4½ млн. населения) меньше, чем могла иметь по мирному согла-

шению до войны. Исход советско-польской войны и причины нашего поражения под Варшавой служат до сих пор предметом самой оживленной полемики в военной литературе. В этой полемике иногда развиваются совершенно неверные точки зрения.

Тов. Ленин об итогах советско-польской войны говорил так: «Мы вышли из этой войны, заключив выгодный мир. Значит, мы остались победителями. Всякий, кто посмотрит на карту, увидит, что мы победили, ибо вышли из этой войны с большим количеством земли, чем до начала войны» (собр. соч., т. XVII, стр. 344).

Таким образом если советско-польскую войну рассматривать как непосредственное столкновение с Польшей, то из этой войны, несмотря на тяжелую неудачу под Варшавой, мы вышли победителями. У польской шляхты нехватило сил даже в разгар наших военных неудач заставить нас заключить мир хотя бы на тех условиях, на какие мы шли без войны в начале 1920 г.

Но это одна сторона вопроса. Советско-польская война была меньше всего войной между Польшей и Россией. она была войной международного империализма против пролетарской революции. И в этом отношении наша победа была более полной и глубокой, чем в непосредственном столкновении с буржуазной Польшей.

«Когда большевики начинали революцию, — говорил тов. Ленин, — они говорили, что мы можем и должны ее начать; но мы вместе с тем не забывали, что успешно окончить ее и довести ее до безусловного победного конца можно только, не ограничиваясь одной Россией, а в союзе целого ряда стран, победив капитал международный. Капитал России связан с капиталом международным. Когда наши противники говорят нам: «если бы вы даже победили в России, ваше дело все же погибнет, потому что другие капиталистические государства вас задавят», ответом на это мы имеем теперь вот этот очень важный опыт, опыт войны с Польшей, который показывает, как вышло на самом деле» (т. XVII, стр. 344).

В советско-польской войне, как подчеркивал неоднократно тов. Ленин, была сделана очередная попытка международного империализма свергнуть советскую власть, задавить русскую революцию. Эта попытка не

только кончилась *полным* банкротством, но весь ход войны показал совершенно обратное.

«Наша армия показала, — говорит тов. Ленин, — что большая разоренная Советская страна летом 1920 г. была в нескольких шагах *от полной победы*, т. е. от победы над международным империализмом».

В чем заключалась наша близость к полной победе?

«В том, что если бы Польша стала советской, если бы варшавские рабочие получили помощь от Советской России, которой они ждали и которую приветствовали, Версальский мир был бы разрушен, и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы...» «...Вопрос тоял так, что еще несколько дней победоносного наступления Красной армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир».

Поясняя дальше, Ленин говорил, что наша война с Польшей показала, «что Версальский мир держится на Польше... А что такое Версальский договор? Это договор хищников и разбойников.

...Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве. По Версальскому договору Турция, Персия, Китай превращены в рабов. Получилось такое положение, при котором семь десятых мирового населения находятся в порабощенном положении...

...Вот почему весь этот международный порядок, который держится Версальским миром, стоит на вулкане. Те семь десятых населения всей земли, которые порабощены, ждут не дождутся, чтобы нашелся кто-нибудь, кто поднял бы борьбу» (т. XVII, стр. 348—349).

Таким образом, поставив под угрозу полного разгрома Польшу, мы тем самым поставили под угрозу разгрома весь порядок, установленный мировым империализмом. Польша ходом исторического развития в 1920 г. оказывалась тем звеном, взорвав которое, мы взрывали всю мировую империалистическую систему. Этой задачи Красная армия не смогла выполнить. Одержав частичную победу над Польшей, она не смогла довести эту победу до полной победы, до разгрома международного империализма, толкнувшего Польшу в бой против нас.

В этом отношении советско-польская война закончилась половинчатым исходом. У международного империализма намного нехватит сил, чтобы разгромить нас, а у нас хоть и немного, но все же нехватило сил, чтобы взорвать всю империалистическую систему.

В результате советско-польской войны мы получили то неустойчивое равновесие в отношениях СССР с международным империализмом, о котором Ленин говорил неоднократно впоследствии, которое характеризует наше международное положение до сих пор и которое неизбежно сменится новой, на этот раз уже очевидно более решительной схваткой между Союзом социалистических республик и капиталистическим миром.

Наша неудача сломить Версальский мир связана с нашей неудачей под Варшавой. Причины поражения Красной армии в варшавской операции представляют бесспорно огромный интерес и поучительность для будущего. Война с Польшей была нашей первой внешней, революционно-классовой войной, репетицией грядущих решительных схваток с мировым капитализмом [1].

Тов. Ленин непосредственную причину нашего поражения под Варшавой видел в истощении наших войск.

«Когда, как вы знаете, — говорил он, — у нас немного нехватило сил, чтобы дойти до Варшавы и передать власть варшавским рабочим, чтобы собрать варшавские советы рабочих и крестьянских депутатов, чтобы сказать им: «Мы шли вам помочь», когда армия после неслыханных и невиданных героических усилий *оказалось истощившей все свои силы,* — наступило военное поражение» (т. XVII, стр. 398).

Неожиданное истощение наших сил в период варшавской операции оказалось прямым следствием того, что перевес сил, сложившийся в период наших успехов, был нами переоценен.

---

[1] До войны с Польшей мы также имели непосредственные вооруженные столкновения с армиями различных империалистических государств (напр. Англия, Франция и др.). В этом отношении вся наша гражданская война представляла собой сочетание внутренней гражданской войны с борьбой с непосредственным военным вторжением мирового империализма извне. Но на этих этапах основная роль в борьбе с нами все же принадлежала вооруженным силам внутренней контрреволюции.

«...При нашем наступлении — слишком быстром продвижении почти до Варшавы — несомненно была сделана ошибка, я сейчас не буду разбирать, была ли эта ошибка стратегическая или политическая.

...Но во всяком случае ошибка налицо, и эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был нами переоценен». (Ленин, собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 100).

В своем месте мы приводили цифровое соотношение, при котором наши армии вступали в сражение под Варшавой. Там же мы показали, что участь операции оказалась решенной в столкновении нашей ударной группировки со второстепенной группировкой поляков и наше отступление здесь началось еще раньше, чем сказался фланговый удар Пилсудского.

В таких условиях вопрос о нашем поражении под Варшавой при тех задачах, какие мы себе тогда ставили, решался самим соотношением сил, и никакое изменение оперативного плана не могло бы привести нас к победе. Перенос нашего ударного кулака на южное крыло фронта неизбежно вел бы к быстрому разгрому нашего правого крыла и отбрасыванию наших войск в болота Полесья вместо Восточной Пруссии, где они оказались при существовавшем плане. Сосредоточение наших усилий в центре, как предлагали некоторые, выводило бы наши силы на основную, наиболее многочисленную и сидящую за наиболее сильными укреплениями группу белополяков, а ослабленные фланги подвергались бы одновременному удару — с юга все той же центральной группы польских армий из-за р. Вепржа, на севере — 5-й белопольской армии.

Словом, любой оперативный план при тех силах, какие мы имели, не гарантировал нас от неудачи[1].

---

[1] С таким утверждением автора редакция согласиться не может. Автор не пытается дать ответ на основной вопрос: должна ли была Красная армия — даже при том соотношении сил, которое сложилось к средним числам августа, — потерпеть такое поражение, какое понесли мы под Варшавой? Искать объяснения этого поражения в одном соотношении чисел нельзя, так же как нельзя искать его в политической обстановке: численное превосходство польских сил (по нашему мнению, несколько оптимистически исчисляемых автором), противостоящих в средних числах августа западному фронту Красной армии, не было таким, чтобы оно предрешало неизбежность поражения наших войск, не говоря о том, что к этому

Задача разгрома белопольских армий, форсирования Вислы и взятия Варшавы оказалась непосильной западному фронту именно по соотношению сил, в первую очередь при той группировке и намерениях, какие имели поляки. То или иное изменение оперативного плана могло отразиться на *степени* неудачи, но никак не предопределить исхода самой операции. Безусловно исход войны не предопределяется простым соотношением цифр, но это конечно не исключает случаев, когда и число имеет решающее значение, тем более что за этим числом скрывается и определенное качество.

Некоторым авторам военных работ кажется, что основная причина нашего поражения кроется в том, что силы нашего юго-западного фронта уклонились на Львов и не были своевременно подтянуты к району варшавской операции, в частности для удара в направлении на Люблин. Такая точка зрения также неверна.

Главные силы нашего юго-западного фронта, уклонившись в сторону Львова, не ушли в пустое пространство, а связались упорными боями с главной группой польского украинского фронта. Не разгромив ее, они не могли легко повернуть на север; если, быть может, Первая конная армия и могла уйти из-под Львова и двинуться на помощь западному фронту, то это неизбежно означало бы полный разгром нашей 14-й армии, оста-

---

времени боевой подъем в рядах Красной армии оставался чрезвычайно высоким. Было бы бесплодным спорить о том, могли ли мы при таком соотношении сил добиться полного разгрома панской Польши. Но из этого вовсе не вытекает, что мы обязаны были потерпеть такое поражение, какое мы потерпели под Варшавой. Корень причин этого поражения, по нашему мнению, следует искать в ошибках оперативно-стратегического порядка, облегчивших полякам возможность под Варшавой сравнительно легко добиться такого оперативного успеха, какой вовсе не обусловливался одним простым соотношением численности сторон. Вместе с тем редакция совершенно согласна с утверждением автора, что варшавское поражение вовсе не означает проигрыша нами всей польско-советской войны в целом. Несмотря на свою варшавскую победу, панская Польша в результате войны не только должна была признать невозможность победить (и вместе с тем ликвидировать) ненавистное ей и ее хозяину—французской буржуазии—Советское государство, но и пойти на значительно худшие условия мира, чем те, которые предлагались нами в начале 1920 года.— *Ред.*

вленной наедине против сильнейшей на этом фронте группы белополяков.

Главным силам нашего юго-западного фронта не только не удалось разгромить поляков в львовском сражении, но даже не удалось помешать переброске части их сил в этот период под Варшаву (18-я польская дивизия), а это ставило под серьезный вопрос и возможности нового решительного маневра этого фронта.

Наконец даже своевременный поворот основных сил этого фронта на помощь западному опять-таки не гарантировал еще нашего успеха под Варшавой. Повернувшая впоследствии Первая конная армия и поддерживавшие ее части 12-й армии были задержаны и отброшены обратно теми же частями украинского фронта и бывшей центральной группы поляков, которые в качестве заслонов были выставлены против них в период варшавской операции. Отражение этого наступления не потребовало от Пилсудского снятия ни одной части из действовавших против нашего западного фронта.

Словом, соотношение сил слагалось не в нашу пользу не только под Варшавой, но и на всем фронте войны с Польшей.

И переоценка наших сил была не только в армиях западного фронта, но и в армиях юго-западного фронта. В этом была коренная причина нашей неудачи под Варшавой.

В военной литературе существует сильное течение, утверждающее, что этого перевеса сил на стороне противника мы могли избежать, если бы сделали длительную задержку на Буге и здесь произвели перегруппировку сил. Такая постановка вопроса также вряд ли верна. Линия р. Западного Буга ни в какой степени не являлась тем рубежом, за которым началось и произошло истощение наших сил. Остановка на Буге могла быть решающей только в том случае, если бы она резко изменила соотношение сил в нашу пользу. Этого не могло произойти по целому ряду причин. Международное положение изменялось в нашу пользу именно в связи с нашим стремительным наступлением вперед. В этом отношении всякая задержка в наступлении не могла итти нам в пользу. Силы наших армий на

Буге весьма незначительно отличались от тех, с которыми мы вступали в варшавскую операцию. Уже на этом рубеже польские силы значительно превосходили наши, и перегруппировка наших армий не могла иметь решающего значения. Наша остановка на Буге освобождала от преследования польские войска, обеспечивая им свободу для перегруппировок, пополнения и приведения себя в порядок. К этому польские войска стремились с самого начала своего отхода из Белоруссии. Правда, такую возможность, по крайней мере на первые дни, получали и мы, но эту возможность мы не могли использовать в такой мере, как поляки, уже потому, что к этому мы не готовились. Наша переоценка своих сил была такова, что, подходя к Бугу, мы считали возможным снять из состава западного фронта целую армию (16-ю), полагая, что остальные три свободно справятся с белополяками. Перейдя за Буг, мы не только не изменили своей оценки, но сочли возможным взять с этого фронта две дивизии на противоврангелевский фронт. Считая такой перевес обеспеченным еще с начала войны, мы в военном отношении сводили всю войну, как в свое время и на внутренних фронтах, к тому, чтобы покончить с Польшей одним стремительным ударом тех сил, которые изготовились для наступления на Днепре в июне и на Березине в июле. В высшей степени показательно, что ни западный, ни юго-западный фронты с момента перехода в наступление не получили (и, кстати сказать, им и не предназначалось) ни одной дивизии на усиление. На длительную кампанию не были рассчитаны ни армейский тыл, ни вся страна в целом [1].

Словом, наше поражение под Варшавой было обусловлено с одной стороны коренной переоценкой наших сил и слабости Польши и вытекавшим отсюда просчетом военного ведомства и командования в си-

---

[1] Редакция считает необходимым подчеркнуть, что такая материально техническая неподготовленность наших армий к разрешению поставленных перед ними задач вовсе не вытекала из отсутствия в стране минимально необходимых для этого людских резервов и материальных запасов. Расчет главного командования на быструю и легкую победу «одним махом» над панской Польшей как бы исключал планомерное и систематическое питание противополь-

лах и средствах, потребных для полного разгрома панской Польши, а с другой — тем конкретным соотношением классовых сил, которое сложилось внутри Польши и обеспечило решительный перевес нашему противнику в наиболее критический для него момент войны.

Что было причиной того, что мы смогли так недооценить силы панской Польши? В своем месте мы приводили выдержки из выступления тов. Ленина, характеризовавшие положение в Польше как непосредственно-революционное. Тем не менее было бы неправильным считать переоценку наших сил как исходящую от тов. Ленина, а следовательно и руководства нашей партии. Тов. Ленин и тов. Сталин (это мы выше приводили) неоднократно указывали с одной стороны на возможность в тех условиях, в каких началась война с Польшей, недооценки сил противника, с другой — на необходимость мобилизации всех сил для победоносного окончания этой войны.

Основная переоценка сил была допущена по военной линии нашим военным ведомством. Она имела место еще до начала войны (февраль 1920 г.) и еще более усилилась после наших успехов.

Вначале вынужденный, а затем постепенно переходящий в планомерный, производимый в порядке отход поляков нашим военным командованием был рас-

---

ского фронта в ходе операций человеческими и материальными ресурсами. «...Наступление б е з з а к р е п л е н и я завоеванных позиций есть наступление, обреченное на провал. Когда может быть наступление успешным, скажем, в области военного дела? Когда люди не ограничиваются огульным продвижением вперед, а стараются вместе с тем з а к р е п и т ь захваченные позиции, п е р е г р у п п и р о в а т ь свои силы сообразно с изменившейся обстановкой, п о д т я н у т ь тылы, п о д в е с т и резервы. Для чего все это нужно? Для того, чтобы гарантировать себя от неожиданностей, ликвидировать отдельные прорывы, от которых не гарантировано ни одно наступление, и подготовить таким образом полную ликвидацию врага. Ошибка польских войск в 1920 г., если взять только военную сторону дела, состоит в том, что они пренебрегли этим правилом. Этим между прочим и объясняется, что, докатившись огулом до Киева, они вынуждены были потом так же огулом откатиться до Варшавы. Ошибка советских войск в 1920 г., если взять опять-таки только военную сторону дела, состоит в том, что они повторили ошибку поляков при своем наступлении на Варшаву». (Сталин, «Ответ товарищам колхозникам».)— *Ред.*

ценен как решительный разгром польских армий. Военное командование не только считало возможным разгромить Польшу имеющимися у нас силами, но и считало возможным выполнение этой задачи при значительном уменьшении этих сил. Исходя из этого, оно неправильно ориентировало о соотношении сил (количеством и качеством) и наше политическое руководство. Отсюда ясно, что переоценка наших сил в войне с Польшей являлась в основном нашей стратегической (военной), а не политической ошибкой.

Наши победы в борьбе с панской Польшей были достигнуты благодаря высокому энтузиазму рабочего авангарда, сумевшего поднять и сплотить за собой крестьянский состав частей, но энтузиазм авангарда в решительный момент войны не был поддержан массовыми крестьянскими резервами внутри страны, уставшими от войны и тех тягот, которые легли на них во время революции.

Борьба с Врангелем

Одновременно с борьбой против белой Польши развернулась борьба на последнем фронте внутренней контрреволюции — на фронте против Врангеля. Врангелевский фронт в кампанию 1920 г. не имел самостоятельного значения. Он являлся своеобразным, хотя и удаленным придатком польского фронта. Как и польский, врангелевский фронт был орудием международного, а в первую очередь французского, империализма. Его основное назначение было оттянуть возможно большие силы Красной армии от Польши и всемерно облегчить ей борьбу с нами. Эту миссию врангелевский фронт выполнил с успехом. «Временные наши неуспехи в войне с Польшей и тяжесть нашего положения в некоторые моменты войны, — говорил тов. Ленин, — зависели от того, что мы должны были бороться против Врангеля, официально признанного одной империалистической державой и получавшего колоссальные средства материальной, военной и иной помощи» (т. XVII, стр. 404).

Однако, несмотря на то, что Врангель был второстепенным врагом по сравнению с Польшей, борьба на крымском фронте как в военном, так и в политическом

отношении представляет собой огромный интерес. Ряд специфических особенностей ставил борьбу на нем в особые, отличительные от других фронтов условия.

Крымский фронт не был массовым фронтом. Силы Врангеля никогда не достигали по численности и половины того, чем в свое время располагали Колчак и Деникин.

Громадные количественные и пространственные размахи фронтов Колчака и Деникина обусловливались не только тем, что эти фронты опирались на силу помещичье-буржуазных кадров, материальную и моральную помощь международного империализма, но и тем, что там помещичье-буржуазная контрреволюция сочеталась с колебаниями мелкой буржуазии, т. е. с контрреволюцией мелкобуржуазной, крестьянско-казачьей.

Разгром Колчака и Деникина знаменовал собой отход мелкобуржуазных резервов (крестьянства и казачества) от помещичье-буржуазной контрреволюции. Такими массовыми резервами крымский (врангелевский) фронт уже не располагал. Он вырос из остатков некогда массовых деникинских армий, но эти остатки, будучи незначительными численно, качественно были лучшими из того, чем в свое время располагал Деникин. Тяжелые поражения, которые потерпела деникинская армия, отсеяли от нее все менее устойчивые, могущие помириться с революцией элементы. В Крым в основном ушло то, что было враждебно революции и не могло помириться с ней, т. е. кадры белых сил.

В армии Врангеля эти кадры никогда не разбавлялись в такой степени массами мобилизованного крестьянства, как некогда офицерские и добровольческо-казачьи отряды Колчака и Деникина. Ни в одной другой белой армии процент контрреволюционного офицерства и унтер-офицерства не достигал той высоты, как у Врангеля. Это делало его армию политически более монолитной, менее чувствительной к поражениям, чем у его предшественников, а в военном отношении — наиболее квалифицированной из всех противников, с какими мы имели дело до сих пор. Относительно небольшая численность армии (наибольший боевой состав 40 000-42 000), мощная техническая помощь заграницы, кой-какие запасы, оставшиеся от Деникина, и наконец

трофеи в период наших неудач в борьбе с ним дали возможность Врангелю поставить военно-техническое оснащение своей армии на весьма высокую ступень. По количеству артиллерии, пулеметов, бронемашин и самолетов, приходящихся на определенную войсковую единицу (особенно в коннице), армия Врангеля была близка к современным.

Командный состав этой армии состоял из наиболее популярных, выдвинувшихся за время гражданской войны генералов и офицеров, пытавшихся на этом этапе борьбы подытожить не только военно-технический, но и политический опыт предыдущих лет.

Такое качество армии на ряду с благоприятствовавшей в течение лета Врангелю международной обстановкой и обусловили то огромное напряжение, которое в борьбе с ним должны были проявить Советская страна, партия и Красная армия.

После эвакуации остатков деникинских сил с Северного Кавказа в Крым белые не думали складывать оружия. «С первого же дня, — пишет генерал Деникин, — началась спешная работа по реорганизации, укомплектованию и снабжению частей... Ближайшая задача заключалась в обороне Крыма». Однако разгром деникинских армий в корне дискредитировал как военное, так и политическое руководство генерала Деникина. Вести борьбу под старым руководством и со старыми лозунгами собравшимся в Крыму казалось невозможным. Это повело к тому, что с первых же дней пребывания в Крыму дискредитированного Деникина сменил Врангель. Отвергнув предложение англичан о посредничестве в его мирных переговорах с советским правительством, Врангель развил огромную энергию по приведению в порядок остатков белых вооруженных сил. К маю врангелевская армия, достигнув численности 25 000—30 000 отобраных штыков и сабель, представляла собой уже внушительную силу. Одновременно с реорганизацией армии Врангель попытался изменить и сам политический облик белого движения. Союз с либеральной буржуазией и казачьими правителями, составлявший характерную черту деникинщины, Врангелем в первые же дни прихода к власти был отменен. Вся власть перешла к реакционному генеральско-поме-

щичьему блоку. «Вопрос о военной диктатуре, — говорит Врангель, — впервые был поставлен ясно». Одновременно с этим во внутренней политике Врангель попытался поставить решительную ставку на союз с зажиточно-кулацкими слоями крестьянства путем уступок последним за выкуп части помещичьих земель.

Не отказываясь от лозунга «единой и неделимой России», Врангель признал на словах самостоятельность новых окраинных государств и пытался добиться на компромиссных началах соглашений как с ними, так и с различными другими внутренними русскими и украинскими антисоветскими течениями (украинские националисты, махновщина и т. п.).

Выход Врангеля из Крыма

Закончив к концу мая всю подготовительную работу по реорганизации армии и укреплению своего тыла, Врангель приступил к активным действиям. Ближайшей задачей армии им ставился захват Северной Таврии, защищаемой к тому времени частями 13-й Красной армии, общей численностью около 10 000 штыков и 3 000 — 4 000 сабель.

Против этих сил Врангель развернул всю свою армию. 6 июня западнее Геническа им был высажен под командованием генерала Слащева крупный десант с задачей ударом на Мелитополь отрезать путь отхода на север красным войскам, защищавшим перешейки. 7 июня со стороны обоих перешейков (Перекопского и Чонгарского) перешли в решительное наступление добровольческий, донской и сводный корпуса Врангеля.

7 — 13 июня в упорных боях с превосходными силами белых 13-я Красная армия была потеснена и отошла частью за Днепр, частью севернее и восточнее Мелитополя.

Во второй половине июня в руках Врангеля оказалась уже вся Северная Таврия. Его фронт шел на западе по Днепру, на восток — от ст. Попово (севернее Мелитополя) через Большой Токмак до Азовского моря.

Успех Врангеля, ставя под угрозу важные хлебные и угольные районы Украины (Донбасс), одновременно создал угрозу и тылам юго-западного фронта, успешно теснившего в это время поляков.

В связи с этим в конце июня 13-я армия, будучи усилена конным корпусом Жлобы (7 000—7 500 сабель) и 40-й стрелковой дивизией, произвела первую попытку разбить вышедшую из пределов Крыма армию Врангеля. К сожалению эта попытка не увечалась успехом. Недостаточно энергичные и быстрые действия некоторых групп красных частей, еще не успевших оправиться от прежних поражений, дали возможность Врангелю собрать подавляющие силы против корпуса тов. Жлобы (11 000—12 000 штыков и сабель) и разбить его, а затем уже без труда отбросить и наступавшие изолированно пехотные части.

Июль прошел на крымском фронте без значительных столкновений.

Врангель пытался закрепиться в занятой территории, пополнить армию мобилизацией населения и установить связь с повстанческими бандами. Красные части приводили себя в порядок и, получая новые партии пополнений, готовились к новому наступлению.

Уже к концу июля для врангелевщины стало ясно, что все попытки политически закрепиться на южной Украине обречены на неудачу. Земельный закон Врангеля, рассчитанный на кулачество, на широкие слои крестьянства не произвел никакого впечатления. Крестьянство, включая даже кулачество, решительно уклонилось от службы во врангелевских частях. Принудительные мобилизации не дали почти никаких результатов. Вождь кулацкого повстанчества Махно не только отказался от совместной работы с Врангелем, но и повесил его представителей.

Между тем уже в боях за Северную Таврию белая армия понесла тяжелые потери. В июле эти потери были пополнены за счет пленных красноармейцев и остатков казачьих частей, интернированных после разгрома Деникина в Грузии и теперь переброшенных в Крым.

Единственным крупным достижением врангелевской армии за июль было создание мощной конницы как за счет мобилизованных у населения, так и захваченных у красных частей лошадей.

При выходе из Крыма Врангель имел всего 1½ кавалерийских дивизии, численностью в 3 000—3 500 сабель.

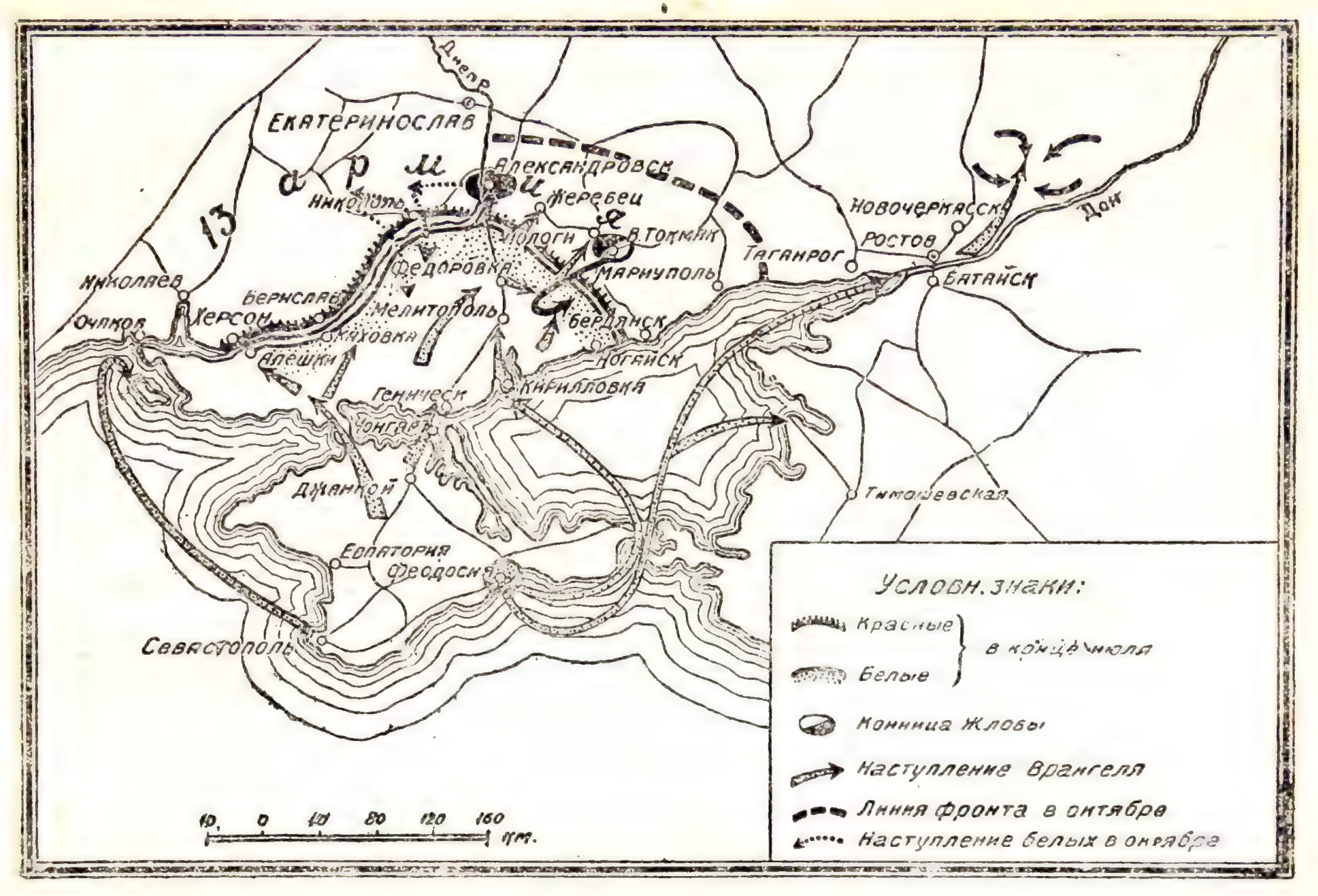

Схема 20. На южном фронте.

В конце июля у него было уже 5½ кавалерийских дивизий с составом 8 000—9 000 сабель. Это в военном отношении значительно повысило боеспособность врангелевской армии.

Август в борьбе с Врангелем характерен, с одной стороны двумя попытками решительного наступления красных частей крымского фронта (13-й и Второй конной армий; последняя была создана из остатков корпуса Жлобы и 2-й кавалерийской дивизии), с другой—попытками Врангеля перенести главную базу борьбы из Украины и Крыма на территории казачьих областей Северного Кавказа, восстановив прежний кавказский антисоветский фронт и втянув казачество в новую борьбу с советской властью.

В этом месяце численно на крымском фронте мы почти в полтора раза превосходили белых. Тем не менее обе наших попытки наступать кончились неудачей. Спешно комплектуя крымский фронт в условиях, когда все лучшее уже было отдано противопольскому фронту, мы вынуждены были послать сюда малообработанные политически и в военном отношении крестьянские пополнения, преимущественно центральных губерний. Крестьянство этих районов, видевшее в свое время опасность возврата помещика в громадном размахе фронтов Колчака и Деникина и сплотившееся в борьбе с ними вокруг партии и советской власти, во Врангеле не видело серьезного врага, грозящего восстановлением дореволюционных порядков во всей бывшей России. Между тем борьба с его квалифицированными частями требовала от всех частей (особенно пехоты) колоссальных напряжений. Это вело к тому, что разбавленные сырыми пополнениями красные дивизии (за немногими исключениями) не проявляли большой стойкости в боях с врангелевской армией, быстро сдавая перед ее стремительным натиском и массами оставаясь в плену[1].

Этим в основном и объясняются неудачи обоих наших наступлений в августе. Тем не менее существен-

---

[1] Этому содействовало и то обстоятельство, что, будучи вынужден в значительной степени пополнять свои потери пленными, Врангель, беспощадно уничтожая попавших к нему красных командиров, коммунистов, комсомольцев, добровольцев, установил безнаказанность для мобилизованных рядовых солдат Красной армии.

ным для нас результатом этих наступлений было то, что после них нам удалось удержаться на левом берегу Днепра и создать почти на тылах у Врангеля, в 70 км от Перекопа, укрепленный каховский плацдарм. Все попытки белых выбить нас отсюда кончились неудачей.

Более серьезными, чем наши неудачи в Северной Таврии, оказались неудачи Врангеля в казачьих областях. Донское и кубанское казачество решительно отказалось поддержать Врангеля. Выброшенный на Дон десантный отряд полковника Назарова был там уничтожен целиком. Десантная группа генерала Улагая вернулась с Кубани с тяжелыми потерями. Неудача десантов ясно говорила, что у Врангеля ставка на казачество, так же как и на украинское крестьянство, оказалась битой. Казачество перестало быть массовым резервом генеральско-помещичьей контрреволюции. Фронт Врангеля свелся только к крымскому участку.

Сентябрь резко изменил политическую и стратегическую обстановку и на этом участке. Врангелевский фронт до сих пор держался только благодаря тому, что главные силы Красной армии были заняты на польском фронте. Пока там наши дела шли успешно, мы могли временно терпеть успехи Врангеля. В половине августа Красные армии, как уже известно, потерпели неудачу. Армии украинского фронта белополяков быстрым продвижением вперед начинали сближаться с районами врангелевского фронта. Соединение двух враждебных фронтов было бы крайне невыгодным для нас. Перед нами встала задача — разгромить Врангеля до подхода к нему белополяков. С этой целью и было начато сосредоточение против него подавляющих сил Красной армии. Обстановка для этого сосредоточения облегчилась тем, что Польша быстро пошла на предложенное ей перемирие. Это давало возможность снять и с противопольских фронтов для борьбы с Врангелем крупные силы. Одновременно начало переговоров потребовало и ускорения уничтожения Врангеля. Уничтожив Врангеля, мы упрочивали свое положение в переговорах и заметно урезывали аппетиты польской шляхты. Наконец врангелевский фронт после перемирия с поляками оставался единственным фронтом, мешавшим переходу Советской страны на мирный труд.

В связи с этим очередным лозунгом нашей борьбы является: «Все на Врангеля». Крымский участок юго-западного фронта выделяется в самостоятельный южный фронт. Командующим фронтом назначается М. В. Фрунзе, членами Реввоенсовета фронта тт. Бела-Кун и Гусев. На фронт в ударном порядке бросаются подкрепления. Из Сибири и с кавказского фронта перебрасывается ряд испытанных в прежних боях дивизий (30-я, 9-я, 2-я Донская, 5-я и 7-я кавалерийские и др.). Сюда же направляется и освободившаяся от борьбы с белополяками Первая конная армия.

Наша подготовка к решительному наступлению не остается секретом для Врангеля.

Предчувствуя скорый разгром, Врангель напрягает все усилия к тому, чтобы сорвать или оттянуть наше перемирие с поляками. Через французское правительство он предлагает объединить свои и белопольские войска под командованием одного французского генерала и уверяет, что при этом условии к весне 1921 г. большевизм будет уничтожен. Когда же начинает выясняться, что дипломатические усилия Врангеля сорвать наше перемирие с поляками терпят неудачу, он решает сорвать их стремительным наступлением на правый берег Днепра, чтобы, выйдя на соединение с поляками, доказать им легкость дальнейшей борьбы с Красной армией.

Намечая это наступление, Врангель предварительно в целях обеспечения себя с востока предпринимает ряд стремительных ударов в сторону Донбасса, где должна была сосредоточиться часть наших резервов. В связи с этим в середине сентября восточный участок врангелевского фронта (1-я армия генерала Кутепова) переходит в быстрое наступление от Днепра до Азовского моря. Искусно маневрируя, добровольческий и донской корпуса противника наносят тяжелые поражения целому ряду наших дивизий. Под их ударами почти целиком выводится из строя Морская, 40-я и 42-я дивизии. В 23-й дивизии остается 724 штыка вместо 5 000—6 000, бывших к началу операции; в 9-й—3 000 вместо 7 000—8 000; во 2-й Донской — 2 796 вместо 8 000—9 000.

В конце сентября передовые части Врангеля на востоке дошли до ворот Донбасса (Юзово, Мариуполь), на севере заняли важную станцию Синельниково.

Считая свой успех на восточном участке обеспеченным, Врангель приступил к вторжению за Днепр. 7—8 октября его части переправились через эту реку в двух местах: севернее Александровска — у острова Хортицы, и западнее Никополя — у д. Ушкалки. 8—12 октября за Днепром белые одержали ряд успехов над частями 1-й, 3-й стрелковых и 21-й кавалерийской красных дивизий. 12 октября вечером ударный кулак Врангеля из 2½ лучших кавалерийских дивизий под командованием талантливого белого генерала Бабиева сосредоточился у с. Шолохова (в 20—30 километрах северо-западнее Никополя) с намерением в последующие дни обрушиться на тылы 6-й Красной армии и, с одновременным ударом на каховский плацдарм II белого корпуса с фронта, разгромить ее. Однако на этот раз дальнейшие события развились уже не в пользу Врангеля.

13 октября конная группа белых с разных сторон была атакована нашей 2-й Конной армией, потерпела в боях с ней решительное поражение и, бросая артиллерию, броневики, обозы, бежала за Днепр. 14 октября за Днепр ушли в беспорядке и пехотные дивизии противника.

Поражение за Днепром произвело на белые верхи потрясающее впечатление: Врангель впервые за все время на всем фронте отказался от инициативы и перешел к обороне.

Поражение Врангеля в Северной Таврии

Успех за Днепром не мог быть использован красным южным фронтом для немедленного перехода в общее наступление. К этому его армии еще не были готовы как в отношении группировки сил, так и в отношении материальной обеспеченности.

Это вынудило нас перенести переход в решительное наступление на конец октября, используя оставшееся время для его подготовки. В течение второй половины октября подготовка шла самым напряженным темпом.

Армии фронта пополнялись людским составом, боеприпасами, снаряжением. В результате этой работы боевой состав некоторых дивизий удвоился и утроился. Так, состав 23-й дивизии был доведен до 6 000 штыков (вместо бывших 700—800), 9-й дивизии — до 8 000 (вместо 3 000), 2-й Донской — 6 500—7 000 (вместо 2 500). Свыше 10 000 человек пополнения получила шедшая с польского фронта 1-я Конная армия.

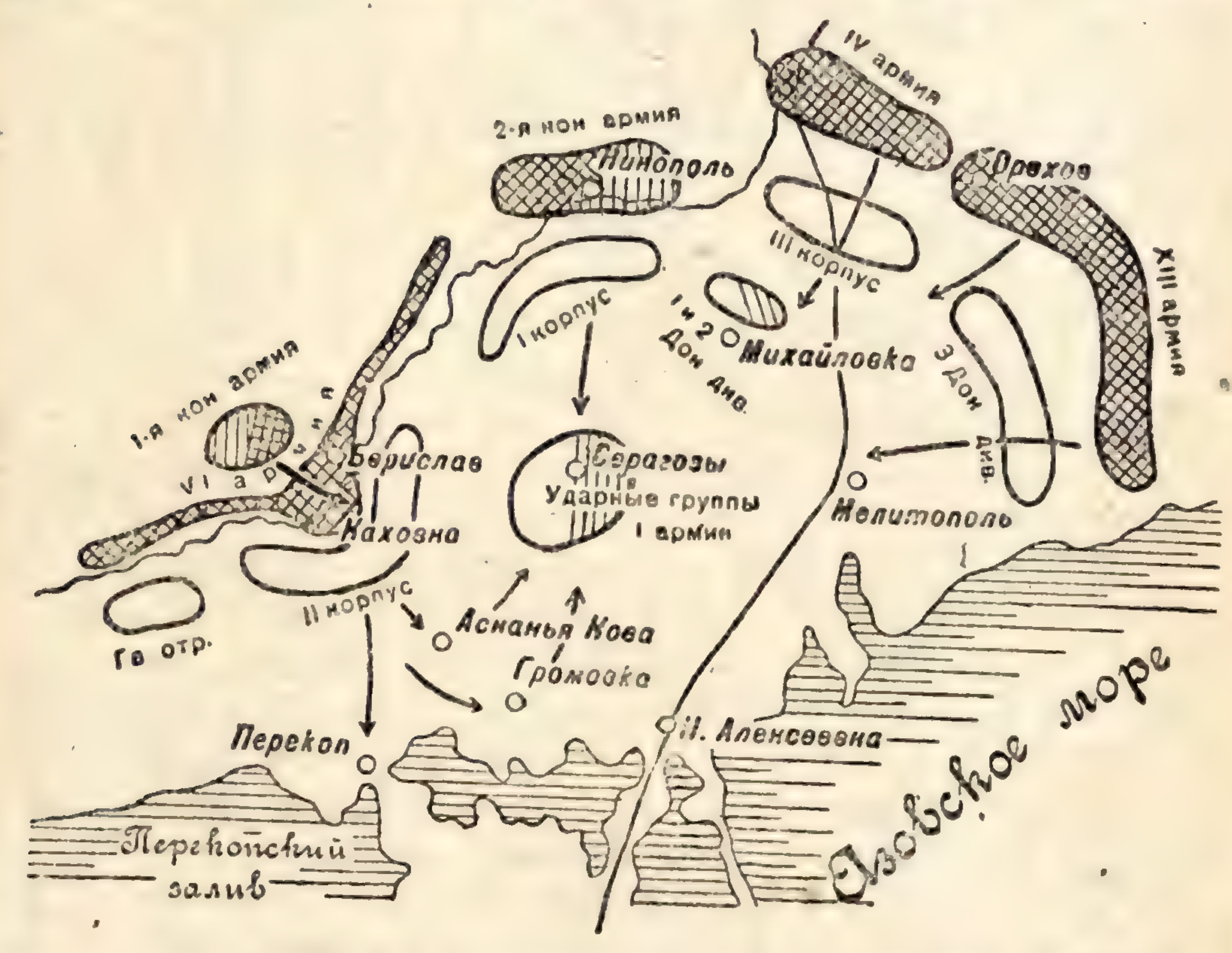
Тем не менее неверно было бы думать, что, переходя в решительное наступление, Красные армии южного фронта не испытывали ни в чем недостатка. Общее состояние страны и краткость срока подготовки не дали достигнуть такого положения. Недостатки остро чувствовались почти во всем. В 13-й и 6-й армиях нехватало вооружения (винтовок), отчего в некоторых дивизиях тысячи людей из пополнения не могли быть поставлены в строй. Вновь формируемая 4-я армия и сам штаб фронта остро нуждались в средствах связи и управления. В коннице нехватало седел и лошадей, и тысячи бойцов не могли принять участия в боях, оставаясь пешими в тылу. Наконец весь фронт испытывал большой недостаток обмундирования, при чем особенно чувствителен был (в связи с наступившими внезапно заморозками) недостаток, а в некоторых частях и полное отсутствие шинелей.

Несмотря на все эти недочеты, во всех армиях к началу наступления партийно-комсомольскому и командно-политическому составу удалось добиться боевого подъема и решимости разгромить белых до конца.

Большую роль сыграл явно обозначившийся перелом в настроении украинского крестьянства. Летние успехи армии Врангеля успели резко обнажить помещичий характер его власти, а политика партии и советского правительства вырвала из-под влияния кулачества значительные слои бедняцко-середняцких масс южно-украинского крестьянства. Под давлением этого поворота в крестьянских настроениях Махно, до сих пор разрушавший тылы нашего южного фронта и тем самым объективно содействовавший успехам Врангеля, вынужден был прекратить враждебные действия против Красной армии и войти в соглашение с Реввоенсоветом

южного фронта о совместных действиях против Врангеля.

В двадцатых числах октября Красные армии южного фронта заняли исходное положение для наступления, располагаясь: а) по нижнему течению Днепра — 6-я армия; б) севернее ее — в районе Никополя — 2-я Конная армия; в) севернее г. Александровска — 4-я армия и г) южнее — до Азовского моря — 13-я армия; 1-я Кон-

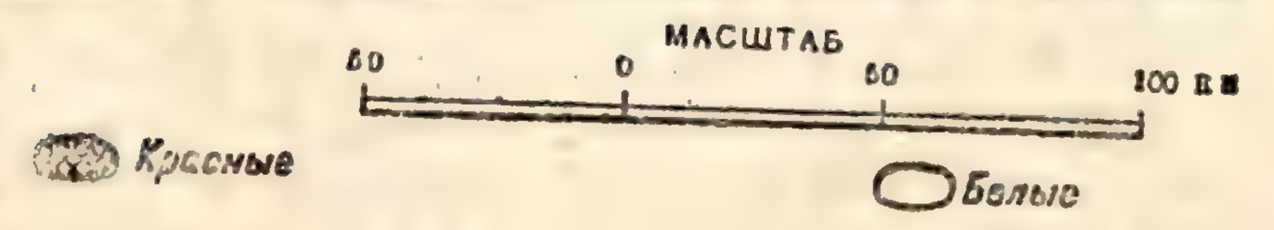

Схема 21. На южном фронте.

ная армия сосредоточивалась за 6-й, в районе Каховки. План операции командующего южным фронтом тов. Фрунзе сводился к тому, чтобы концентрическим наступлением всех своих армий отрезать части Врангеля от Крыма и разгромить их, не дав им отступить за перешейки. Особо важная роль выпадала в этом плане на долю 1-й Конной армии. Переправившись через Днепр

у Каховки, она должна была стремительным наступлением выйти на тылы всех врангелевских сил и отрезать им путь отступления в Крым. Общая численность наших войск достигала 100 000 штыков и 33 000 сабель.

Зная о подготовке нашего наступления, Врангель в свою очередь решил принять бой с нами в Северной Таврии, не уходя в Крым и стремясь разбить окружающие его красные силы по частям. Придавая важнейшее значение западному участку, он от Никополя до устья Днепра (против наших 6-й, 1-й и 2-й Конных армий) сосредоточил свою 1-ю армию под командованием генерала Кутепова в составе I добровольческого, II армейского и конного ген. Барбовича корпусов. На востоке против наших 4-й и 13-й армий должна была действовать 2-я белая армия в составе III армейского и донского корпусов с десятком бронепоездов. Силы Врангеля нашей разведкой исчислялись в 22 000 штыков и 15 000 сабель[1], уступая таким образом нашим силам в 3—4 раза.

Общее наступление Красных армий южного фронта началось 28 октября. Сопротивление врангелевских частей было сломлено в первые же дни, однако окружить и уничтожить их нам не удалось. Наступление армий нашего восточного крыла и 2-й Конной оказалось слишком медленным и несогласованным как между собой, так и с ударом 1-й Конной армии.

Оторвавшись от этих армий (4-й, 13-й, 2-й Конной), белые получили возможность почти всеми силами обрушиться на вышедшие к ним на тылы дивизии 1-й Конной армии и, отбросив их с путей, ведущих на Чонгарский полуостров, через него прорваться в Крым. В Северной Таврии нам достались огромные трофеи. Все, что врангелевской армией было достигнуто за лето и осень, было сведено на-нет несколькими днями наступления Красной армии. Тем не менее основная задача — уничтожение вооруженных сил белых — нами разрешена не была. Получилась картина, очень похожая на ликвидацию Деникина на Северном Кавказе. Мы нанесли врагу жесточайший удар, мы откололи от него все недостаточно

[1] Сам Врангель определяет свои силы в 25 000 штыков и 8 000—9 000 сабель.

устойчивое, случайно или временно примкнувшее, но ядро врангелевской армии, ее кадры сумели ускользнуть за перешейки. В числе свыше чем 20 000 пленных, захваченных нами в этот период, подавляющее большинство оказалось бывшими пленными красноармейцами и мобилизованными крестьянами Северной Таврии. На таком половинчатом успехе в борьбе с Врангелем мы остановиться не смогли. Обстановка требовала не изгнания Врангеля из Северной Таврии, а его уничтожения и очищения от него Крыма. Красным частям было приказано форсировать крымские перешейки и овладеть Крымом.

Штурм перешейков

Чонгарский и Перекопский перешейки, за которыми теперь укрылась армия Врангеля, белыми укреплялись в течение всей летней кампании. В намерения Врангеля входило довести эти укрепления до крепостного типа. Хотя это намерение полностью и не было осуществлено. тем не менее укрепления перешейков, которые теперь предстояло штурмовать красным частям, выглядели весьма солидно. Каждый перешеек имел по две полосы укреплений. На перекопском направлении первая полоса укреплений находилась в районе г. Перекопа и имела две линии оборудованных окопов с проволочными заграждениями впереди. Первая линия шла на 600—900 шагов севернее Перекопа, восточная — южнее его, по Турецкому валу. Более оборудованной и подготовленной была вторая линия. Здесь имелись многочисленные пулеметные гнезда, оборудованные для защиты от огня тяжелой артиллерии и хорошо прикрывавшие своим огнем расположенные впереди проволочные заграждения. Часть последних располагалась во рву, идущем впереди вала, и была невидима со стороны наступающих красных войск.

Сильной стороной этого участка для противника было и то, что местность впереди его укреплений была исключительно ровной. Отсутствовали всякие естественные укрытия, где бы могла накапливаться наступающая красная пехота или располагаться поддерживающая ее артиллерия. Слабой стороной этих позиций была возможность обхода их в сухое время по дну высыхаю-

щего Сиваша, восточнее Перекопа. Этот обходный путь выводил на Литовский или Чувашский полуостров. По берегу последнего шли не вполне законченные групповые окопы и одна линия проволочных заграждений.

Южнее перекопских укреплений, при выходах из перешейка в Крым, шла вторая укрепленная полоса. Первая линия этой полосы шла между озером Красным и берегами Сиваша и Перекопского залива. Вторая запирала выход из междуозерного пространства в районе с. Юшунь. Наибольшее развитие получила юшуньская позиция. Тип укреплений — тот же, что и у Перекопа.

На чонгарском направлении укрепления белых располагались в районе станций Сальково и Джимбулук, запирая вход на Чонгарский полуостров, а также на крымском берегу, против Чонгарского и Сивашского мостов. Наибольшее развитие имели укрепления у ст. Таганаш, где была установлена тяжелая дальнобойная морская артиллерия.

Пространство между Чонгаром и Перекопом было заполнено непроходимой частью Сиваша, по крымскому берегу которого шли отдельные группы окопов и сторожевые посты противника. Степень укрепленности Чонгарского района была та же, что и под Перекопом, при чем большие трудности для борьбы представлял Чонгар, ибо здесь проникнуть в Крым возможно было только через мосты, Перекопский же перешеек представлял собой полосу земли от 8 до 15 и более километров ширины.

Борьба за укрепления на перешейках началась не одновременно. На перекопском направлении 6-я армия, отбросив в течение 28—29 октября от Каховки II корпус белых, уже 30 октября с 51-й стрелковой дивизией подошла к перекопским укрепленным позициям. Первая линия укреплений (севернее Перекопа) была взята с налета, без особых затруднений, но попытка таким же путем захватить вторую линию (Турецкий вал) была отбита белыми. В течение 1 — 6 ноября наши части сделали несколько новых попыток атаковать вал с фронта, кончившихся так же безуспешно. На чонгарском направлении борьба развивалась иначе. После поражения в Северной Таврии сюда хлынули все силы Врангеля.

Пропуская свои части через мосты, противник в течение 31 октября — 2 ноября организовал здесь упорное сопротивление у с. Рождественского и у ст. Ново-Алексеевки.

Об это сопротивление в течение 1 ноября разбились все-таки 1-й Конной армии.

С утра 2 ноября в этот район с севера вышла 30-я стрелковая дивизия (свыше 15 000 штыков) 4-й Красн(о)й армии. Несмотря на тридцативерстный переход, дивизия стремительно атаковала и сбила заслон белых у с. Рождественского. 2—3 ноября части этой дивизии, развивая успех, овладели укреплениями про-

Схема 22 Штурм Перекопа.

тивника у станций Салькова и Джимбулук, ворвавшись на Чонгарский полуостров. К вечеру 3 ноября они достигли Чонгарского и Сивашского мостов, почти на их глазах разрушенных белыми. Это задержало дальнейшее продвижение дивизии.

Неуспешность попыток овладеть укреплениями перешейков и ворваться в Крым с налета на плечах отступающего противника заставила командование южного фронта приступить к тщательно подготовленной опера-

дия, в которой нанесение главного удара через Перекопский перешеек выпало на долю 6-й армии. Вспомогательные действия должна была развить 4-я армия с Чонгарского полуострова. Сосредоточенные за Перекопским перешейком конные армии должны были после прорыва пехотных частей развить преследование противника на территории Крыма. Начало наступления намечалось в ночь на 8 ноября.

Все боевые события первоначально сосредоточились в районе Перекопа. Здесь противник в ночь на 8 ноября сменил занимавшие Турецкий вал менее устойчивые части II армейского корпуса более надежными полками — сводно-гвардейским и бригадой дроздовской дивизии. 2-я бригада этой дивизии сосредоточивалась в резерве у Караджанай. Южнее ее, у Карповой балки, собирался весь II корпус. Литовский полуостров заняла кубанская бригада генерала Фостикова, только что сформированная из кубанских повстанцев, переброшенных в Крым из Грузии.

Против этих частей 6-я Красная армия повела наступление в двух направлениях: 51-я стрелковая дивизия атаковала Турецкий вал в лоб, 52-я и 15-я стрелковые дивизии с одной стрелковой и кавалерийской бригадами 51-й дивизии в ночной темноте переправились через Сиваш и атаковали на Литовском полуострове бригаду генерала Фостикова. Атака 51-й дивизии на Турецкий вал, не будучи обеспечена должным превосходством наших огневых сил, потерпела неудачу. Зато 52-я и 15-я стрелковые дивизии легко сбили кубанскую бригаду генерала Фостикова и быстро овладели всем Литовским полуостровом. Переход этого полуострова в наши руки создавал угрозу тылам перекопских укреплений противника. Белые попытались контратаками дроздовской бригады, от Караджаная, и II корпуса, от Карповой балки, отбросить наши части обратно за Сиваш, но эта попытка не увенчалась успехом. Часть атаковавшей бригады дроздовцев в результате боя сдалась в плен, часть с большими потерями была отброшена. Неудача контратаки заставила противника в ночь с 8 на 9 ноября очистить Турецкий вал и отойти на вторую полосу укреплений в районе селения Юшунь.

9 ноября части 6-й армии продолжали продвижение на юг, при чем 52-я и 15-я стрелковые дивизии с переправившимся на их поддержку через Сиваш отрядом Махно наступали на участок между озерами Красным и Сивашом, а 51-я дивизия с ударно-огневой бригадой—между тем же озером и Перекопским заливом. Сопротивление противника носило особо упорный характер перед 52-й, 15-й дивизиями, где подошедший на помощь II корпусу белых конный корпус генерала Барбовича несколько раз переходил в контратаку. Это обусловило здесь более медленное выдвижение наших частей, оказавшихся к вечеру на уступе назад по сравнению с 51-й дивизией.

Ночь с 9 на 10 ноября обе стороны использовали для усиления своих частей. К нам подходили 16-я кавалерийская и латышская стрелковая дивизии. Противник усилился марковской и корниловской дивизиями.

10 ноября бои продолжались с новой силой. 51-я дивизия овладела стремительной атакой первой линией укреплений белых, между озером Красным и Перекопским заливом, и подошла вплотную к его основным — юшуньским позициям. Зато 52-я и 15-я дивизии не только не продвинулись вперед, но были даже несколько потеснены назад контратаками противника. Это начинало создавать уже угрозу флангу и тылу 51-й дивизии.

День 11 ноября ознаменовался стремительной атакой II армейского корпуса дроздовской дивизии и конного корпуса генерала Барбовича против 52-й и 15-й красных дивизий. В результате упорного боя обе дивизии были отброшены к самой оконечности Литовского полуострова, а конница генерала Барбовича подошла к г. Армянску, т. е. на тылы наших частей, ведущих наступление на юшуньские позиции противника. Но прежде чем сказался этот успех, 51-я дивизия, не ожидая подхода шедшей ей на смену латышской дивизии, новой стремительной атакой захватила последние линии юшуньских позиций, проложив себе дорогу в Крым и двинув часть своих сил между озерами в тыл группе белых, теснившей 15-ю и 52-ю дивизии. Получилось в высшей степени оригинальное положение, когда противники, одержав успех на противоположных напра-

влениях, грозили друг другу ударом по тылам. Как протекли бы здесь дальнейшие события, — сказать трудно, если бы в этот день 30-я стрелковая дивизия не одержала решительного успеха на чонгарском направлении.

Заняв 3 ноября Чонгарский полуостров, 30-я дивизия до 10 ноября не предпринимала решительных действий, ведя разведку берега противника, собирая подручные материалы для переправ (лес, лодки и т. п.) и несколько раз пытаясь под огнем противника восстановить разрушенные Чонгарский и Сивашский мосты. В дни (7—10 ноября), когда на Перекопском перешейке начались ожесточенные бои, 30-я дивизия не проявила значительной активности. Это несколько успокоило противника, сосредоточившего все внимание под Перекопом. У Чонгара бдительность белых упала. Этим воспользовались полки 30-й дивизии. В ночь с 10 на 11 ноября, когда противник, стянув крупные силы, готовил решительную контратаку на перекопском направлении, у остатков Сивашского моста был наведен жидкий пешеходный мост в два бревна (длиной около 200 метров). По нему (незаметно для противника) переправился весь 266-й стрелковый полк и под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем на крымском берегу атаковал позиции белых. За первым полком переправились и другие части 30-й дивизии. На укрепленных позициях загорелась решительная схватка. Бойцы и командный состав нашей дивизии проявили изумительный героизм. Лишенные серьезной артиллерийской поддержки из-за невозможности доставить сюда артиллерию, красноармейцы руками растаскивали проволочные заграждения, забрасывали их скатками шинелей, досками и т. п., чтобы через них добраться штыками до сидевших в окопах белогвардейцев. К полудню белые были выбиты на всем участке. Контратака части донской конницы была отбита. К вечеру дивизия вышла в район ст. Таганаш. Потери в некоторых ее полках (например 89-й бригады) достигали 75%.

Успех дивизии сделал бесполезным сопротивление врангелевцев, и на перекопском направлении конница

генерала Барбовича вместо удара по тылам 51-й дивизии начала спешный отход за озера.

В ночь с 11 на 12 ноября уже вся армия Врангеля поспешно уходила на юг, к портам Крыма. 12 ноября из-за усталости частей мы не развили решительного преследования. Это дало возможность противнику оторваться от нас и, погрузившись на суда, уйти из Крыма. 15 ноября нами без боя был занят Севастополь. Последний оплот южно-русской контрреволюции — Крым—стал советским.

Вся борьба с Врангелем представляет собой один из самых поучительных этапов гражданской войны. От начала до штурма крымских перешейков красными частями она носит исключительно маневренный характер. Небольшая, но высококвалифицированная армия Врангеля — с большим процентом офицеров — в течение лета и половины осени успешно борется с красными дивизиями, пополняемыми мало обработанными политически и технически крестьянскими укомплектованиями.

Перемирие на польском фронте дает нам возможность сосредоточить здесь подавляющие силы. Массовый напор быстро ломает белый фронт, но высокая квалификация армии и неналаженность управления красных частей дают возможность лучшим силам белых ускользнуть в Крым, пожертвовав в Северной Таврии всеми накопленными за лето запасами и двумя десятками тысяч пленных.

Укрепления перешейков занимают кадры армии, испытанные в прежней борьбе.

Штурм Перекопа и Чонгара — это борьба с высококвалифицированным врагом в необычайно сложных и трудных условиях. Перекоп и Чонгар — укрепленные позиции, напоминавшие по своему характеру и количеству огневых средств противника укрепленные позиции мировой войны. Штурмовали их не особо подобранные, а обыкновенные рядовые дивизии Красной армии, за исключением одной (30-й) терпевшие в прежних боях не раз тяжелые поражения от врангелевских

частей. Тем не менее и Перекоп и Чонгар — образцы массового красноармейского героизма. Какой высокий боевой подъем нужно было иметь, чтобы, отказываясь от смены, без предварительной массовой артиллерийской подготовки, штурмовать юшуньские позиции (51-я дивизия), драться с упорным врагом, имея тыл, ежеминутно готовый залиться водой (52-я и 15-я дивизии на Литовском полуострове), руками разбрасывать проволоку, выбивая штыком врага из окопов (30-я дивизия под Чонгаром)!

Чонгар и Перекоп свидетельствуют о громадном подъеме красноармейских масс на последнем этапе гражданской войны. Этот подъем был вызван массовыми коммунистическими и рабочими пополнениями, двинутыми на крымский фронт. Их работа превратила в грозные несокрушимые кулаки прежде рыхлые крестьянские массы, быстро поддававшиеся ударам квалифицированных отрядов белого барона.

Мы разбили армии противника в Северной Таврии и на перешейках, но не уничтожили его. В этом отношении наша победа неполна. Это — дань молодости Красной армии.

Окружение — одна из самых сложных форм боевых операций. Для его успеха мало численного превосходства, энтузиазма, правильного замысла высшего начальника. Нужны еще полная слаженность армейского управления на всех ступенях, высокая техническая слаженность и подготовка каждого отдельного отряда, высокая подготовка и квалификация командного состава. Этого у нас еще не было и не могло быть в годы гражданской войны. Но их опыт учтен. В годы после них Красная армия неизмеримо выросла. Ее будущие операции дадут уже не только образцы массового, изумительного героизма, но и высокой техники и бесперебойного управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На продолжении предыдущих страниц мы в самых общих чертах коснулись основных военных фактов нашей гражданской войны. Эта война, являясь первой в истории победоносной, освободительной войной «государственно организованного пролетариата» против внутренней контрреволюции и мирового империализма, требует тщательного изучения.

«Долгий ряд войн до сих пор решал судьбу всех величайших революций. Такой величайшей революцией является и наша революция. Мы кончили одну полосу войны, мы должны готовиться ко второй». Так говорил т. Ленин на VIII Съезде советов, тотчас же после окончания гражданской войны 1918—1920 гг. С тех пор прошло более десятка лет. Вторая полоса войн еще не наступила. Но есть все данные утверждать, что она надвигается, что подготовка к ней со стороны мирового капитализма на полном ходу. Рост непосредственной опасности новой войны против Советского союза — основная черта современного международного положения. Мы — накануне новой полосы войн, о которой предупреждал Ленин, и должны быть к ней готовы.

Новая полоса войн по внешней форме может коренным образом отличаться от того, что мы имели в 1918—1920 гг. Наши силы — совсем не те, что были в ту пору. Иными будут и наши противники. Но **содержание** нашей войны останется прежним. Останется в основном та же расстановка классовых сил, которая в конечном счете обеспечила нашу победу в первой полосе войн. Наша война останется все той же войной

за целость первого в мире рабочего государства, за мировую рабочую революцию против мирового империализма.

В минувшей гражданской войне мы имели против себя, как неоднократно подчеркивал т. Ленин, неизмеримо сильнейшего врага. Против нас выступал весь капиталистический мир, и все же мы вышли победителями.

В чем крылись корни нашей победы и бессилие наших врагов? Мы победили прежде всего благодаря отсутствию единства в стане наших врагов. Этого единства не было у мирового империализма. В самые критические для нас первые дни существования советской власти одинаково враждебные нам группировки международного империализма — англо-французская и австро-германская — находились в смертельной схватке между собой. Это позволило нам вырвать «передышку» у германского империализма и затянуло открытое нападение со стороны союзного империализма. Все попытки создать единый антисоветский фронт и в дальнейшем окончились крахом.

Не было единства и в стане внутренней контрреволюции. Наши враги действовали несогласованно. Белая Польша была пассивна, когда наступал Деникин. Деникин стал крупной угрозой, когда уже был разбит Колчак. Это давало нам возможность бить наших врагов порознь.

Мировой империализм, будучи во много раз сильнее нас, не смог бросить против нас одновременно и десятой доли своих сил, ибо был связан по рукам и по ногам рабочим движением внутри своих стран. Мы победили потому, что имели во главе нашу большевитскую партию, имели на своей стороне симпатии и поддержку подавляющей части рабочего класса всех стран. Западно-европейский рабочий класс оказался недостаточно сильным для того, чтобы ответить на нашу борьбу расправой с собственной буржуазией, но он оказался достаточно сильным для того, чтобы не дать своей буржуазии расправиться с нами.

Все эти факторы по-новому, быть может, в новых формах, но и с новой силой неизбежно проявятся и в нашей будущей войне.

В первоначальный период войны мы имели против себя ничтожные отряды буржуазно-помещичьих кадров. Мировая буржуазия не смогла бросить против нас сколько-нибудь значительные силы своих войск во время нашей борьбы на внутренних фронтах. В широких массах нашей страны революция не имела врагов, и тем не менее борьба на фронтах затянулась на годы. Где причины этого явления? Эти причины следует искать прежде всего в колебаниях среднего крестьянства.

Красная армия всегда была устойчивой в своей рабочей части, но она имела слабую устойчивость в крестьянском составе в периоды колебаний крестьянства. Все тягчайшие поражения Красной армии на фронтах были связаны с колебаниями крестьянства.

«И если что решило исход борьбы с Колчаком и Деникиным в нашу пользу, несмотря на то, что Колчака и Деникина поддерживали великие державы, так это то, что в конце концов и крестьяне и трудовое казачество, которые долгое время оставались потусторонниками, теперь перешли на сторону рабочих и крестьян, и только это в последнем счете решило войну и дало нам победу» (Ленин, т. XXV, стр. 60).

Как правило, колебания крестьянства особенно сильными были там, где еще не были изжиты национальные противоречия, где национальный гнет во времена царизма создавал видимость общности интересов крестьян с интересами «своей» национальной, городской и сельской буржуазии.

Будут ли сказываться эти моменты в нашей будущей борьбе в такой же степени, как и на ее прошлом этапе? Нет. В этом отношении на будущее мы должны будем иметь иные, более выгодные условия, чем прежде. Социалистическое строительство мирных лет гигантски укрепило союз между различными национальностями Советской страны и союз рабочего класса с крестьянством. Крестьянство первых лет революции и крестьянство на современном этапе социалистического строительства имеют между собой колоссальную разницу.

Мы имеем бурные темпы коллективизации. Колхозник — центральная фигура нашего сельского хозяй-

ства. А между тем «великое значение колхозов в том именно и состоит, что они представляют основную базу для применения машин и тракторов в земледелии, что они представляют основную базу для переделки крестьянина, для переработки его психологии в духе пролетарского социализма» (Сталин).

Вполне естественно, что каждый новый шаг на этом пути укрепляет наши позиции в деле грядущей обороны Советского государства.

Мы перечислили причины объективного порядка, давшие нам победу в первой полосе войн. Но эти объективные причины были бы недостаточными, если бы не было и субъективного фактора, умело, правильно и своевременно использовавшего указанные причины, если бы не было героизма и правильного руководства борьбой со стороны авангарда рабочего класса — коммунистической партии. Правильное руководство партии, возглавляемой гениальным вождем русской и мировой революции т. Лениным, было условием, без которого мы не могли победить в гражданской войне. В частности и такой решающий факт, как перехода в конце концов на сторону революции крестьянства, не был подготовлен только объективными условиями. Он был обусловлен в первую очередь правильной политикой и правильным руководством партии.

В годы гражданской войны в деле организации победы огромную роль сыграли и «приводные ремни» партии к массам: комсомол, профсоюзы, советские организации. Представляя собой наиболее близкие к партии слои, они играли вместе с партийными организациями роль цемента, связывающего крестьянские массы в крепкие, боеспособные войсковые единицы. Именно эти элементы, вливаясь в поредевшие и утомленные боями полки, умели в самые кризисные моменты войны переламывать упадок сил, рассеивать усталость, вызывать энтузиазм и сквозь лишения вести красные полки к победе.

В годы гражданской войны мы создали и оформили в стройную организацию Красную армию, одно из важнейших орудий пролетариата. В деле создания этой армии партии пролетариата опять принадлежит

решающая роль. Красная армия оказалась боеспособной потому, что в ней великолепно был оуществлен союз рабочего класса с трудящимся крестьянством под руководством рабочих. Эта идея руководства рабочего класса в лице коммунистической партии нашла отражение и в организационной структуре Красной армии — ее партийно-политическом аппарате, коренным образом отличающем ее от армий наших врагов.

Партийные ячейки, комиссарский институт, политотделы, являясь органами партии в армии, сумели с железной последовательностью осуществить внутри ее политическое руководство рабочего класса, сумели освоить в ней военно-технический опыт всех современных армий, сумели привлечь к работе в самые напряженные годы старого военного специалиста и одновременно подготовить широкие кадры своего командного состава из рабочих и крестьян.

Опыт гражданской войны ценен и по непосредственным формам борьбы. Наша борьба на вооруженных фронтах сочеталась с огромной работой партии в тылу белых войск, сумевшей там развернуть на важнейших этапах борьбы массовое повстанческое движение рабочих и крестьян. Борьба сибирских партизан в тылу Колчака, героическая работа партизан Украины в тылу Деникина сыграли огромную роль в быстроте и катастрофичности разгрома белых фронтов.

Эта форма борьбы бесспорно найдет широкое применение и в нашей будущей войне. Революционно-классовая война не ограничивается только армией, она неизбежно втянет в участие в ней и широкие массы населения.

Величайшая самодеятельность и самоотверженная работа масс являются характернейшей чертой нашей гражданской войны.

В гражданской войне мы имели не только сильные, но и слабые стороны. Разоренная страна не могла дать Красной армии сильной техники. Армии врагов, опиравшиеся на мощные ресурсы империалистов, находились в этом отношении в более выгодных условиях, чем мы. Мы не имели в большинстве случае высо-

кой степени искусства управления и командования, ибо естественно, что то и другое — дело опыта и знаний, а этот опыт и знания Красная армия только впервые приобрела в этой войне.

История работает на нас. Если нас вновь втянут в войну, мы вступим в нее неизмеримо более сильными и с большими шансами на успех, чем это было в годы гражданской войны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 руб. 50 коп.

Адрес издательства (правления):
МОСКВА, Центр, Новая пл., 6.
Склад издания:
КНИГОЦЕНТР, Москва, Богоявленский, 4.